

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РАБОТНИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ»**

ВЕСТНИК

**Томского института повышения
квалификации работников
ФСИН России**

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

**№ 3 (17) / 2023
июль – сентябрь**

**ежеквартальное
сетевое издание**

Сетевое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл № ФС77-76076

Учредитель: федеральное казенное
учреждение дополнительного
профессионального образования
«Томский институт повышения
квалификации работников
Федеральной службы исполнения наказаний»

Адрес редакции и издателя:
634057, Томская обл., г. Томск,
ул. Говорова, 10
ФКУ ДПО Томский ИПКР
ФСИН России

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных
изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на
соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук
(по научной специальности
5.1.4. – уголовно-правовые науки)

Все права защищены.
Перепечатка материалов
допускается только с разрешения
редакционной коллегии журнала

Плата за публикацию статей
не взимается

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются

Мнение авторов может не совпадать
с позицией редакционной коллегии

Требования к публикациям
и полнотекстовые версии журнала:
<http://tifsin.ru/>

Главный редактор-С.М.Савушкин, кандидат юридических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
А.И. Абатуров, кандидат юридических наук, доцент (ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России);
А.Г. Антонов, доктор юридических наук, доцент (ФКОУ ВО Санкт-Петербургский университет МВД России);
В.В. Варинов, кандидат педагогических наук, доцент (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России);
Д.В. Волошин, кандидат педагогических наук (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
А.Ю. Вязигин, кандидат педагогических наук (ФГБОУ ВО ТГПУ);
А.Я. Гришко, доктор юридических наук, профессор (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина);
А.В. Диденко, доктор медицинских наук, доцент (Томский НИМЦ РАН, НИИ психического здоровья);
А.А. Ефименко, кандидат педагогических наук (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
В.К. Зникин, доктор юридических наук, профессор (Кемеровский государственный университет);
В.В. Ким, кандидат юридических наук, доцент (Кузбасский гуманитарно-педагогический институт КемГУ);
А.М. Киселев, доктор педагогических наук, доцент (Академия ФСИН России);
М.В. Киселев, кандидат педагогических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
Н.Н. Кутаков, кандидат юридических наук, доцент (Академия ФСИН России);
О.Е. Куренкова, кандидат педагогических наук, доцент (ФКОУ ВО ВИПЭ ФСИН России);
Н.Б. Лелик, кандидат педагогических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
Е.П. Молчанова, кандидат психологических наук (ФГБОУ ВО ТГПУ);
А.А. Нуждин, кандидат юридических наук, доцент (Академия ФСИН России);
А.А. Павленко, кандидат юридических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
О.М. Писарев, кандидат психологических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
А.Б. Скаков, доктор юридических наук, профессор (Костанайская академия МВД РК имени Ш. Кабылбаева);
П.В. Тепляшин, доктор юридических наук, доцент (ФГКОУ ВО Сибирский юридический институт МВД России);
В.А. Уткин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России (Национальный исследовательский ТГУ)

Ответственный секретарь редколлегии -
С.М. Савушкин, тел. (3822) 46-72-52, вн.10-24

Факс (3822) 46-74-91
E-mail: gurnaltomsk@gmail.com

Ответственный за выпуск: **С.М. Савушкин**
Технический редактор: **А.А. Мамонтова**

Дата выхода 30.09.2023

**Federal state institution of additional professional
education «Tomsk Institute of advanced training of
employees the federal penal service of Russia»**

BULLETIN

**THE TOMSK INSTITUTE
OF ADVANCED TRAINING
OF EMPLOYEES THE FEDERAL
PENAL SERVICE OF RUSSIA**

ONLINE EDITION

**No. 3 (17) / 2023
July – September**

**BULLETIN OF THE
TOMSK INSTITUTE OF ADVANCED
TRAINING OF EMPLOYEES THE
FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA**

**quarterly
online publication**

Is registered in Federal Service for
Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass
Communications of Russia
(Roskomnadzor). Certificate on registration of mass media
of PI No. FS77-76076

The founder of the online edition is Federal state
institution of additional professional education «Tomsk
institute of advanced training of employees of the Federal
Penal Service of Russia»

Edition and publisher address: 634057, Tomsk region,
Tomsk city,
Govorova str., 10

The exit schedule is 4 times a year

The journal is included in the List of peer-reviewed
scientific publications in which the main scientific results of
dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the
degree of Doctor of Sciences should be published
(in the scientific specialty 5.1.4. – criminal law sci-ences)

All rights reserved. The reprint of materials
is allowed only with the permission
of the editorial board of the online edition

The publication of articles is free

All articles undergo reviewing procedure
and don't return back

The authors' opinion can not coincide
with an editorial board's one

Requirements to publications and full text versions of the
online edition:
<http://tifsin.ru/>

THE EDITORIAL BOARD

S.M. Savushkin - the editor-in-chief, candidate of law,
associate professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia);
A.I. Abaturov, candidate of law, associate professor
(the Kirov IPKR of the FPS of Russia);
A.G. Antonov, doctor of law, associate professor
(St. Petersburg University of the MIA of Russia);
V.V. Varinov, candidate of pedagogical Sciences,
associate professor (KI of the FPS of Russia);
D.V. Voloshin, candidate of pedagogical Sciences (the Tomsk
IPKR of the FPS of Russia); **A.Yu. Vyzigin**, candidate
of pedagogical Sciences (Tomsk State Pedagogical University);
A.Ya. Grishko, doctor of law, professor (Ryazan State
University named after S.A. Yesenin); **A.V. Didenko**, doctor
of medical Sciences, associate professor (Tomsk NRMC
Russian Academy of Science, Mental Health Research Institute);
A.A. Efimenko, candidate of pedagogical Sciences (the Tomsk
IPKR of the FPS of Russia); **V.K. Znikin**, doctor of law,
professor (Kemerovo State University); **V.V. Kim**, candidate
of law, associate professor (Kuzbass Humanitarian Pedagogical
Institute KemGU); **A.M. Kiselev**, doctor of pedagogical
Sciences, associate professor (Academy of FPS of Russia);
M.V. Kiselev, candidate of pedagogical Sciences, associate
professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia);
N.N. Kutakov, candidate of law, associate professor
(Academy of FPS of Russia); **O.E. Kurenkova**, candidate
of pedagogical Sciences, associate professor (Vologda Institute
of Law and Economics of FPS of Russia); **N.B. Lelik**, candidate
of pedagogical Sciences, associate professor (the Tomsk IPKR
of the FPS of Russia); **E.P. Molchanova**, candidate of psychological Sciences (Tomsk
State Pedagogical University); **A.A. Nuzhdin**, candidate
of law, associate professor (Academy of FPS of Russia);
A.A. Pavlenko, candidate of law (the Tomsk IPKR
of the FPS of Russia); **O.M. Pisarev**, candidate
of psychological Sciences, associate professor (the Tomsk IPKR
of the FPS of Russia); **A.B. Skakov**, doctor of law, professor
(Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabybayev);
P.V. Teplyashin, doctor of law, associate professor (Siberian
Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian
Federation); **V.A. Utkin**, doctor of law, professor, honored
lawyer of Russia (National Research TSU, Law Institute)

The responsible secretary of the editorial board -
S.M. Savushkin, ph. (3822) 46-72-52 (additional # 10-24),
the fax: (3822) 46-74-91
E-mail: gurnaltomsk@gmail.com

The date of issue 09/30/2023

СОДЕРЖАНИЕ

Право

Антонов А.Г. К вопросу о репрессивности наказания в виде ограничения свободы....	7
Горбань Д.В. Основания введения в исправительных учреждениях режима особых условий: законодательные новеллы.....	12
Долматов А.О. О пределах изучения и учета личности несовершеннолетнего при назначении уголовного наказания.....	22
Исаков В.С. Назначение принудительных работ отдельным категориям осужденных: проблемы правоприменительной практики.....	29
Морозов А.С. О реализации раздельного содержания лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных.....	40
Нарышкина Н.И., Писарев О.М. Проблемы правового регулирования исполнения и отбывания уголовного наказания в виде принудительных работ.....	48
Новиков Е.Е. О содержании трудовых правоотношений, функционирующих в сфере исполнения уголовных наказаний.....	57
Савушкин С.М. Критерии признания осужденного положительно характеризующимся.....	69
Терешенко Е.Г. Соотношение аспектов эффективности, длительности и справедливости наказания в виде лишения свободы.....	75
Царева Е.А., Сорокин М.В. Изменение видов условий в исправительном учреждении и изменение видов исправительных учреждений как постулаты прогрессивной системы отбывания наказания.....	90

Педагогика

Зауторова Э.В., Ефименко А.А. Из истории становления профессионально-технического обучения осужденных в местах лишения свободы.....	97
--	----

Психология

Гриднева А.А., Коваленко Е.С. Профилактика суицидов осужденных посредством развития смысложизненных ориентаций	106
Пашукова А.Д., Мачульная Л.Г. «Эффект прожектора» как одна из проблем самореализации молодежи (на примере курсантов Академии ФСИН России)...	114
Цветкова Н.А. Психическое здоровье личности и профилактика суицидов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: теоретические и практические аспекты.....	121

Управление

Карабанов Р.М. К вопросу об условиях безопасного и эффективного труда операторов постов видеоконтроля учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	135
---	-----

CONTENTS

Law

Antonov A.G. On the question of the repressiveness of punishment in the form of restriction of freedom.....	7
Gorban D.V. Grounds for the introduction of special conditions in correctional institutions: legislative novelties.....	12
Dolmatov A.O. On the limits of the study and consideration of the personality of a juvenile offender in the imposition of criminal punishment.....	22
Isakov V.S. Imposition of forced labor to certain categories of convicts: problems of law-enforcement practice.....	29
Morozov A.S. On the implementation of the principle of separate detention in relation to the leaders and active participants of groups of a negative orientation, as well as persons who have a negative impact on other suspects, accused and convicted.....	40
Naryshkina N.I., Pisarev O.M. Problems of legal regulation of enforcement and serving criminal penalty forced labor.....	48
Novikov E.E. On the content of labor relations functioning in the field of execution of criminal penalties.....	57
Savushkin S.M. Criteria for the recognition of a convicted person positively characterized	69
Tereshenko E.G. Correlation aspects of efficiency, duration and fairness of punishment in the form of imprisonment.....	75
Tsareva E.A., Sorokin M.V. Changing the types of conditions in a correctional institution and changing the types of correctional institutions as the postulates of a progressive penalization system.....	90

Pedagogy

Zautorova E.V., Efimenko A.A. From the history of the formation of vocational training of convicts in places of deprivation of liberty.....	97
--	----

Psychology

Gridneva A.A., Kovalenko E.S. Prevention of suicide of convicts through the development of meaningful life orientations.....	106
Pashukova A.D., Machulnaya L.G. «Spotlight effect» as one of the problems of youth self-realization (on the example of cadets of the Academy of the FPS of Russia).....	114
Tsvetkova N.A. Mental health of the individual and suicide prevention in the penal system: theoretical and practical aspects of the problem.....	121

Management

Karabanov R.M. On the issue of the conditions for safe and efficient work of operators of video control posts of institutions of the penitentiary system.....	135
--	-----

ПРАВО

Law

УДК 343.2

А. Г. Антонов

**К ВОПРОСУ О РЕПРЕССИВНОСТИ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ**

В настоящей статье отражена позиция автора относительно карательного содержания наказания в виде ограничения свободы. На основе анализа уголовного законодательства Российской Федерации рассмотрено содержание данного вида наказания в сравнении с условным осуждением, административным надзором и такой принудительной мерой воспитательного воздействия как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетних.

В итоге автор констатирует их сходство, содержательную тождественность. Особое внимание обращено на совпадение их карательного потенциала. Проведенное исследование отражает обоснованные сомнения относительно достаточности уровня репрессивности наказания в виде ограничения свободы. Это означает, что принцип справедливости, закрепленный в Уголовном кодексе Российской Федерации, нарушается, так как наказание должно соответствовать, прежде всего, характеру и степени общественной опасности, присущими именно преступлению. Если же наказание не обладает определенным карательным потенциалом, то такое соответствие отсутствует. Также в тексте статьи на основании статистических данных отражается незначительное количество назначенных наказаний в виде ограничения свободы. При этом названа причина их нечастого назначения в судебной практике: конкуренция с нормами об условном осуждении.

Ключевые слова: ограничение свободы, условное осуждение, наказание, репрессивность, административный надзор.

A. G. Antonov

**ON THE QUESTION OF THE REPRESSIVENESS
OF PUNISHMENT IN THE FORM OF RESTRICTION
OF FREEDOM**

This article reflects the author's position on the punitive content of punishment in the form of restriction of freedom. On the basis of the analysis of the criminal legislation of the Russian Federation the content of this type of punishment in comparison with probation, administrative supervision and such coercive measure of educational influence as restriction of leisure time and establishment of special requirements to the behavior of minors is considered.

As a result, the author states their similarity, content identity. Particular attention is paid to the coincidence of their punitive potential. The conducted research reflects reasonable doubts

about the sufficiency of the level of repressiveness of punishment in the form of restriction of freedom. This means that the principle of justice is violated, since the punishment should correspond, first of all, to the nature and degree of public danger of the offence. If the punishment does not have a certain punitive potential, there is no such correspondence. Also in the text of the article, on the basis of statistical data, the insignificant number of punishments in the form of restriction of freedom is reflected. At the same time, the reason for their infrequent imposition in judicial practice is named: competition with the norms on conditional conviction.

Keywords: restriction of freedom, probation, punishment, repressiveness, administrative supervision.

На сегодня введенный относительно недавно в отечественное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство вид уголовного наказания в виде ограничения свободы показал свою востребованность в правоприменительной практике. Так по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2018 году этот вид наказания был назначен – в качестве основного 22 966 (в качестве дополнительного – 7 078) раз, в 2019 – в качестве основного 20 392 (в качестве дополнительного – 6 518) раза, в 2020 – в качестве основного 19 955 (в качестве дополнительного – 5 408), в 2021 году – в качестве основного 19 977 (в качестве дополнительного – 5 640), в 2022 – в качестве основного 21 539 (в качестве дополнительного 5 821)¹. Несмотря на то, что ограничение свободы занимает на протяжении последних лет определенную нишу в судебной практике, многие вопросы оценки его содержания остаются актуальными. К таким вопросам относятся и оценка степени репрессивности данного вида наказания в соотношении с другими видами уголовных наказаний, иных мер уголовно-правового воздействия и иных мер государственного принуждения. С тех пор, как ограничение свободы было закреплено в отечественном уголовном законодательстве и до настоящего времени, научное сообщество широко обсуждает этот вопрос. Попытаюсь кратко обозначить свою позицию по нему.

Согласно ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа.

По сути, данный вид наказания устанавливает определенные ограничения в передвижении осужденного. Насколько эти ограничения являются существенными, репрессивными для него, чтобы отнести их к уголовному наказанию?

Сходные ограничения присущи и условному осуждению, при котором наказание не исполняется. Многие авторы обращают внимание на сходство условного осуждения и наказания в виде ограничения свободы [1].

Так, согласно ч. 5 ст. 73 УК РФ, суд, назначая условное осуждение, возлагает на условно осужденного, с учетом его возраста, трудоспособности и состояния здоровья, исполнение определенных обязанностей: не менять постоянного места

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 22.08.2023).

жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. При общем сходстве ограничений, налагаемых при условном осуждении и при ограничении свободы, отметим, что при условном осуждении предусмотрена возможность принуждения осужденного к трудоустройству, получению образования и лечению. При этом перечень ограничений прав осужденного является открытым. Таким образом, отсутствие исполнения наказания при условном осуждении является, по крайней мере, не менее репрессивным, чем при реализации наказания в виде ограничения свободы. Более того, очевидно, что репрессивный потенциал условного осуждения явно превосходит карательный ресурс ограничения свободы. Из изложенного видно, что норма о наказании и норма об условном осуждении, по сути, закрепляют определенные ограничения свободы человека.

И если ст. 53 УК РФ предусматривает в сущности ограничения свободы передвижения осужденного, то ст. 73 УК РФ, помимо этого, закрепляет возможность суда устанавливать для него другие существенные ограничения его прав и свобод.

Отсюда возникает конкуренция применения норм об ограничении свободы и условном осуждении. Это некоторым образом объясняет относительно небольшой объем назначения наказания в виде ограничения свободы. Суды преимущественно отдают предпочтение назначению

условного осуждения. Так по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2018 году только к лишению свободы условно осуждено – 169 030 лиц, в 2019 – 157 052 лица, в 2020 – 147 268, в 2021 году – 158 258, в 2022 – 153 248². Очевидно, что суды предпочитают назначать определенные ограничения свободы, а в рамках условного осуждения. Об этом свидетельствуют отраженные здесь и ранее статистические данные.

Сходные с ограничениями, закрепленными в ст. 53 УК РФ, имеют место таковые и при административном надзоре, который не является уголовным наказанием, и представляет собой осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им определенных обязанностей в соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ.

В ч. 1 ст. 4 данного закона закреплены ограничения, устанавливаемые при административном надзоре. Они сходны с ограничениями при условном осуждении и с ограничениями, имеющими место при наказании в виде ограничения свободы. В частности, в отношении поднадзорного лица могут устанавливаться следующие ограничения: запрещение пребывания в определенных местах; запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; запрещение выезда за установленные

² Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 22.08.2023).

судом пределы территории; обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации. Для некоторых категорий граждан в ч. 2 данной статьи отмечается обязанность для суда установить некоторые из отмеченных ограничений. Исходя из изложенного, очевидно, что административный надзор по своей репрессивности не уступает наказанию в виде ограничения свободы. Тем самым небезосновательно в литературе отмечается их содержательное сходство [4]. Шеслер А. В. очень точно заметил, что предусмотренные в ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничения оказались идентичными административным ограничениям, которые даже не являются формой административной ответственности и предусмотрены ст. 4 Федерального закона от 08.04.2013 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Это нивелирует отличие между наказанием и административным принуждением [5].

Таким образом, одни и те же по карательному содержанию меры могут применяться к лицу, совершившему преступление в виде наказания, к лицу, совершившему преступление и к которому наказание не применяется, а также к лицу, совершившему преступление и отбывшему наказание.

При этом отмечу, что в ч. 2 ст. 90 УК РФ содержится такая принудительная мера воспитательного воздействия как ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетних, которая очень сходна по характеру ограничения с наказанием в виде ограничения свободы. Согласно ч. 4 ст. 91 УК РФ, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением

механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнему может быть предъявлено также требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа.

Настоящий перечень не является исчерпывающим.

На основании изложенного, можно констатировать, что, по сути, одни и те же меры уголовно-правового воздействия и одна из мер административного принуждения законодателем рассматриваются наказанием в виде ограничения свободы, альтернативой наказанию при условном осуждении, альтернативой уголовной ответственности с применением одного из видов принудительных мер воспитательного воздействия и некой формой постпенитенциарного контроля при административном надзоре. То есть эти меры, соответственно, могут применяться как наказание, вместо наказания или уголовной ответственности и после наказания.

Сложно считать наказанием меры, не носящие существенных лишений или ограничений прав и свобод осужденного. Можно привести типичный практический пример карательного содержания (или его отсутствия в уголовно-правовом смысле) наказания в виде ограничения свободы. Так приговором Пешехонского районного суда Ярославской области от 27.10.2022 Смирнов А. В. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ к 1 году 6 месяцам ограничения свободы с установлением ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в ночное время суток с 22 часов до 6 часов, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не менять место жительства или пребывания, место работы без согласия специализированного

государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы. Суд апелляционной инстанции уточнил возложенные на осужденного ограничения указанием, что ему запрещено выезжать за пределы Пошехонского муниципального района Ярославской области без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы³.

Тем самым, правы авторы, отмечающие, что перечисленные в законе ограничения, устанавливаемые лицу, отбывающему ограничение свободы, вряд ли будут отличаться серьезным карательным воздействием на осужденного, поскольку не усматривается серьезное причинение вреда моральным или материальным интересам лица. При этом ученые приводят очень уместное сравнение: как представляется, некоторые социальные сферы жизнедеятельности человека, например, служба в армии, отличаются более серьезными ограничениями. Поэтому ограничение свободы, как оно сформулировано в анализируемом законе, обладает минимальными карательными свойствами [2, с. 23].

В содержании данного вида наказания сложно «разглядеть» исправительный эффект [3, с. 51-52].

Проведенный анализ позволяет констатировать нарушение принципа справедливости. Согласно ч. 1 ст. 6 УК РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Так, если карательное содержание наказания в виде ограничения свободы не несет в себе существенного репрессивного начала, то ограничение прав и свобод осужденного, в нем закрепленные, не могут соответствовать характеру и степени общественной опасности, присущих именно преступлению, в силу их мягкости.

Отмеченные противоречия в отечественном правовом поле свидетельствуют о необходимости проведения отдельных научных, в том числе и межотраслевых, исследований с целью определения значения и места в законодательстве не только нормы о наказании в виде ограничения свободы, но и других рассмотренных норм.

Литература

1. Авдеева Е. В. Ограничение свободы как вид уголовного наказания в условиях реформы уголовного законодательства РФ. // Вестник Кузбасского института. № 2(47). 2021. С. 16.
2. Гришко А., Чорный В. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика наказания в виде ограничения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. № 3. 2010. С. 23.
3. Тепляшин П. В. Уголовное наказание в виде ограничения свободы: проблемы законодательной регламентации и эффективности в специальном предупреждении преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 4. С. 51–52.
4. Ходжалиев С. А. Теория и практика ограничения свободы как вида наказания: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Грозный. 2019.
5. Шеслер А. В. Почему уголовное наказание должно быть карой // Вестник Кузбасского института. № 1(38). 2019. С. 91.

³ Апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22-2798/2022 от 26 декабря 2022 г. по делу № 1-21/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FUZ3wXkOzVN4/> (дата обращения: 01.04.2023).

References

1. *Avdeeva E. V.* Ogranichenie svobody kak vid ugovnogo nakazaniya v usloviyah reformy ugovnogo zakonodatel'stva RF. // Vestnik Kuzbasskogo instituta. № 2(47). 2021. S. 16.
2. *Grishko A., Chorniy V.* Ugolovno-pravovaya i ugolovno-ispolnitel'naya harakteristika nakazaniya v vide ogranicheniya svobody // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. № 3. 2010. S. 23.
3. *Teplyashin P. V.* Ugolovnoe nakazanie v vide ogranicheniya svobody: problemy zakonodatel'noj reglamentacii i effektivnosti v special'nom preduprezhdenii prestupnosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2010. № 4. S.51–52.
4. *Hodzhaliev S. A.* Teoriya i praktika ogranicheniya svobody kak vida nakazaniya: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. Groznyj. 2019.
5. *Shesler A. V.* Pochemu ugolovnoe nakazanie dolzhno byt' karoj // Vestnik Kuzbasskogo instituta. № 1(38). 2019. S. 91.

Сведения об авторе

Антонов Антон Геннадьевич: Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, доцент. E-mail: antonovanton1@mail.ru

Information about the author

Antonov Anton Gennadievich: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation), Professor of the Department of Criminal Law, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: antonovanton1@mail.ru

УДК 343.8

Д. В. Горбань

ОСНОВАНИЯ ВВЕДЕНИЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РЕЖИМА ОСОБЫХ УСЛОВИЙ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОВЕЛЛЫ

Продолжающийся на сегодняшний день процесс реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации направлен на решение некоторых проблемных вопросов, возникающих в процессе исполнения уголовных наказаний. Одной из основных задач Федеральной службы исполнения наказаний на современном этапе является обеспечение надлежащего уровня правопорядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, укрепление режима отбывания наказания. Тем не менее, в процессе ежедневной деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы иногда возникают ситуации, связанные с теми или иными

чрезвычайными обстоятельствами. К таким ситуациям можно отнести некоторые виды пенитенциарных преступлений, совершаемых осужденными, массовые беспорядки и групповые неповиновения, различные стихийные бедствия (в том числе пожары), захваты заложников и другие.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации закрепляет механизм введения так называемого «режима особых условий» в случае вышеуказанных чрезвычайных обстоятельств (статья 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). При введении указанного режима вводится «особый» порядок функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Актуальность рассмотрения и исследования вопросов введения режима особых условий в исправительных учреждениях обусловлена законодательными изменениями, внесенными в ст. 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 28.02.2023 № 44-ФЗ. Указанные законодательные изменения направлены на увеличение количества оснований для введения режима особых условий, а также более подробное регулирование порядка реализации прав осужденных в период введения данного режима.

В представленной научной статье предпринята попытка комплексного исследования вопросов введения режима особых условий в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также законодательных изменений (новелл) в указанной сфере.

Автором предложены иные основания для введения режима особых условий в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, помимо предусмотренных действующим уголовно-исполнительным законодательством, а также внесены предложения по его совершенствованию в исследуемом аспекте.

Ключевые слова: режим особых условий, режим, особые условия, функционирование учреждений, чрезвычайное обстоятельство, массовые беспорядки.

D. V. Gorban

GROUND FOR THE INTRODUCTION OF SPECIAL CONDITIONS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS: LEGISLATIVE NOVELTIES

The ongoing process of reforming the penal enforcement system of the Russian Federation is aimed at solving some problematic issues that arise in the process of executing criminal penalties. One of the main tasks of the Federal Penitentiary Service of Russia at the present stage is to ensure an appropriate level of law and order in the institutions of the penitentiary system of the Russian Federation, strengthening the regime of serving sentences. Nevertheless, in the course of the daily activities of institutions of the penitentiary system, situations sometimes arise related to certain extraordinary circumstances. Such situations include some types of penitentiary crimes committed by convicts, mass riots and group disobedience, various natural disasters (including fires), hostage taking and others.

The current penal enforcement legislation of the Russian Federation establishes a mechanism for the introduction of the so-called «special conditions regime» in the case of the above-mentioned extraordinary circumstances (Article 85 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation). When this regime is introduced, a «special» procedure

for the functioning of institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation is introduced.

The relevance of the consideration and research of the introduction of the regime of special conditions in correctional institutions is due to legislative changes introduced in art. 85 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation by Federal Law No. 44-FL of 02/28/2023. The presented scientific article attempts a comprehensive study of the introduction of a regime of special conditions in correctional institutions of the penal system of the Russian Federation, as well as legislative changes in this area of public relations.

These legislative changes are aimed at increasing the number of grounds for the introduction of a special conditions regime, as well as more detailed regulation of the procedure for exercising the rights of convicts during the introduction of this regime.

The author suggests other grounds for introducing a regime of special conditions in correctional institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation, in addition to those provided for by the current penal enforcement legislation, and makes proposals for its improvement in the aspect under study.

Keywords: regime of special conditions, regime, special conditions, functioning of institutions, emergency, mass riots.

Одним из актуальнейших направлений деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) на современном этапе является обеспечение безопасности осужденных отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы, персонала (сотрудников и работников) данных учреждений, а также иных лиц, посещающих указанные учреждения в соответствии с действующим законодательством.

Обеспечение безопасности и правопорядка в учреждениях УИС регламентировано рядом нормативных правовых актов как федерального, так и ведомственного уровня. Среди них можно отметить Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» и другие нормативные правовые акты.

Деятельность по обеспечению безопасности на режимной территории учреж-

дений УИС связана, в том числе, с предупреждением возникновения различных чрезвычайных обстоятельств: преступлений, стихийных бедствий и др. В случае возникновения различных чрезвычайных обстоятельств на территории учреждений УИС может быть введен режим особых условий.

Статьей 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) определен перечень обстоятельств, при наступлении которых в исправительных учреждениях может быть введен режим особых условий.

Введение режима особых условий направлено на восстановление нормальной деятельности исправительного учреждения при возникновении чрезвычайного или военного положения, в случае массовых беспорядков или проявления группового неповиновения осужденных как на его территории, так и за пределами территории исправительного учреждения и других чрезвычайных обстоятельств.

Реализуемая на сегодняшний день уголовно-исполнительная политика Российской Федерации направлена на совершенствование действующего уголовно-исполнительного законодательства.

Принимаются новые нормативные правовые акты, связанные с процессом исполнения уголовных наказаний, вносятся изменения в действующие нормы.

Только за 2022 год в целях совершенствования нормативного правового регулирования основных направлений деятельности ФСИН России совместно с Минюстом России обеспечена разработка и сопровождение принятия 23 федеральных законов, издания 5 Указов Президента Российской Федерации и 38 актов Правительства Российской Федерации.

В 2023 году также продолжалось совершенствование отечественного уголовно-исполнительного законодательства. Так Федеральным законом от 28.02.2023 № 44-ФЗ внесены изменения в статью 85 УИК РФ, регламентирующую введение режима особых условий в исправительных учреждениях.

Сами изменения в указанную статью на стадии законопроекта были зарегистрированы в системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ 28.07.2022 и соответственно после прохождения всех необходимых стадий и обсуждений были приняты и опубликованы 28.02.2023 через семь месяцев после регистрации законопроекта в указанной выше системе.

Остановимся более подробно на анализе статьи 85 УИК РФ и вносимых в нее изменений. С момента принятия УИК РФ в указанную правовую норму пять раз вносились изменения, без учета изменений 2023 года.

Кратко остановимся на хронологии вносимых изменений и их содержании.

Согласно изменениям, внесенным в ст. 85 УИК РФ Федеральным законом от 21.07.1998 № 117-ФЗ, в части третьей ст. 85 слова «министра внутренних дел Российской Федерации либо министра внутренних дел, начальника управления внутренних дел» были заменены словами «министра юстиции Российской Федера-

ции либо начальника территориального органа уголовно-исполнительной системы». Соответственно данные изменения были обусловлены передачей уголовно-исполнительной системы из ведомства МВД в Минюст.

Согласно изменениям, внесенным в ст. 85 УИК РФ Федеральным законом от 08.12.2003 № 161-ФЗ, в части второй статьи 85 слова «медико-санитарных и иных служб» заменены словами «и иных служб, за исключением медико-санитарных». Таким образом, указанные изменения акцентировали внимание на том, что в период введения режима особых условий в учреждениях УИС может быть ограничена деятельность всех служб, кроме медико-санитарных. В первую очередь это связано с характером чрезвычайного происшествия.

Следующие вносимые изменения в ст. 85 УИК РФ Федеральным законом от 29.06.2004 № 58-ФЗ в части третьей статьи 85 предусматривали замену слов «министра юстиции Российской Федерации» словами «руководителя Федеральной службы исполнения наказаний». В последствии изменениями в указанной части статьи, внесенными Федеральным законом от 08.11.2008 № 194-ФЗ, слова «Федеральной службы исполнения наказаний» заменены словами «федерального органа исполнительной власти, осуществляющего правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных». Таким образом, законодатель менял должностное лицо, по решению которого вводится режим особых условий в учреждениях УИС. Соответственно данный режим, согласно действующему законодательству, может быть введен директором ФСИН России, либо начальником территориального органа ФСИН России по согласованию с Генеральным прокурором Российской Федерации, либо соответствующим прокурором.

Согласно изменениям, внесенным в ст. 85 УИК РФ Федеральным законом от 03.04.2006 № 46-ФЗ, в части первой ст. 85 слово «особого» исключено. Таким образом, из законодательства исключено такое основание введения режима особых условий в учреждениях УИС, как введение в районе их расположения особого положения. По нашему мнению, это было связано с тем, что понятие особого положения является по своей правовой природе собирательным и включает в себя различные режимы, опосредующие экстремальную ситуацию. Понятие и содержание особого положения четко не регламентировано в действующем законодательстве.

Изменения, внесенные в анализируемую статью УИК РФ Федеральным законом от 28.02.2023 № 44-ФЗ, по нашему мнению, являются более концептуальными и существенными, нежели предыдущие. Такое умозаключение связано с тем, что законодателем расширены основания для введения режима особых условий, а также ст. 85 УИК РФ дополнена новой частью 2.1, определяющей порядок функционирования исправительных учреждений в период введения режима особых условий, а также порядок реализации некоторых прав осужденными к лишению свободы.

В первую очередь, остановим свое внимание на новеллах оснований введения режима особых условий в исправительных учреждениях УИС.

Ранее действовавшая редакция ч. 1 ст. 85 УИК РФ предусматривала следующие основания для введения режима особых условий:

- стихийное бедствие;
- введение в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения;
- массовые беспорядки;
- групповые неповиновения осужденных.

Новая редакция анализируемой части статьи предусматривает следующие

основания для введения режима особых условий в исправительных учреждениях.

В случаях введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях:

- чрезвычайного или военного положения, режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации;

- введения ограничительных мероприятий (карантина);

Режим особых условий также может быть введен:

- при захвате заложников;
- массовых беспорядках или групповом неповиновении осужденных;
- при наличии реальной угрозы вооруженного нападения на исправительное учреждение;

- при введении ограничительных мероприятий (карантина) в пределах исправительного учреждения.

Таким образом, в ч. 1 ст. 85 УИК РФ расширен и более конкретизирован территориальный принцип введения режима особых условий. Его содержание можно разделить на два элемента: региональный (территория Российской Федерации или отдельные ее местности) и локальный (пределы исправительного учреждения). В ранее действовавшей редакции изучаемой статьи введение режима особых условий было ограничено районом расположения исправительного учреждения либо его режимной территорией.

Также увеличено количество оснований для введения режима особых условий. В указанном аспекте добавлены такие основания как введение режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, введение ограничительных мероприятий (карантина) (данное основание упоминается ч. 1 ст. 85 УИК РФ два раза согласно территориальному принципу введения режима особых условий), захват заложников, наличие реальной угрозы вооруженного нападения на исправительное учреждение. Однако в ч. 1 ст. 85 УИК РФ

не упоминается такое основание введения режима особых условий как стихийное бедствие. Это связано с тем, что законодатель включил его в более широкий правовой режим чрезвычайной ситуации.

Охарактеризуем дополненные законодателем основания для введения режима особых условий в исправительных учреждениях.

Режим повышенной готовности.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» режим повышенной готовности является одним из режимов функционирования, который подразумевает степень готовности органов управления и сил единой системы для устранения угрозы чрезвычайной ситуации.

Указанный правовой режим может быть установлен как на всей территории Российской Федерации, так и на ее отдельных территориальных единицах. В ведение данного режима, в том числе, может быть связано с эпидемиологической ситуацией, а также с распространением различных инфекций (в том числе коронавирусной). Решение о вводе режимов принимают руководители федеральных органов, органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и организации единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – РСЧС) [7, с. 164].

Федеральный закон от 01.04.2012 № 23-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» закрепил три режима функционирования органов управления и сил РСЧС: режим повседневной деятельности, режим повышенной готовности, режим чрезвычайной ситуации. Исходя из последствий неисполнения правил поведения при повышенной

готовности, гражданин может быть привлечен административной и даже к уголовной ответственности.

Режим чрезвычайной ситуации.

Согласно ст. 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ к чрезвычайной ситуации относится обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

В период введения режима чрезвычайной ситуации, согласно указанному федеральному закону, определяется особый порядок функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в зависимости от характера чрезвычайной ситуации, динамики ее развития, складывающейся обстановки.

Число чрезвычайных ситуаций в Российской Федерации по данным МЧС России в 2022 году снизилось до 241, на 38 % по сравнению с годом ранее. При чрезвычайных ситуациях пострадали свыше 191 тыс. человек. В 2022 году произошло снижение площади пожаров на 9,8 % до 252 тыс. квадратных метров.

Несмотря на указанные выше цифры, А. Г. Упоровым отмечается, что в последнее время в мире наблюдается устойчивая тенденция к значительному росту числа техногенных чрезвычайных ситуаций [6, с. 107].

По мнению А. А. Герасимова, введение особого режима деятельности, связанного с возникновением чрезвычайных

ситуаций, в том числе, и техногенного, обуславливается необходимостью защиты исправительного учреждения [1, с. 18].

Таким образом, данное основание введения режима особых условий в исправительных учреждениях и его включение в действующее уголовно-исполнительное законодательство РФ не вызывает сомнений, так как в зависимости от характера, вида и локализации чрезвычайная ситуация может повлиять на порядок функционирования исправительного учреждения.

Введение ограничительных мероприятий (карантина).

Согласно действующему законодательству, а именно ст. 31 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ, ограничительные мероприятия (карантин) вводятся в пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации, на территории Российской Федерации, территории соответствующего субъекта Российской Федерации, муниципального образования, в организациях и на объектах хозяйственной и иной деятельности в случае угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний.

В числе инфекционных заболеваний, при которых может быть введен режим особых условий в исправительных учреждениях, можно отметить: корь, дифтерия, вирусный гепатит С, геморрагическая лихорадка с почечным синдромом, коронавирусная инфекция (COVID-19), оспа обезьян и другие, предусмотренные санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 28.02.2023 № 44-ФЗ «О внесении изменений в статью 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» указано, что карантинные мероприятия, как основания введения режима особых условий, вводятся

в связи с возникновением пандемий, эпидемий и эпизоотий.

Изучаемое основание введения режима особых условий в исправительных учреждениях, как уже было указано выше, упоминается в ч. 1 ст. 85 УИК РФ дважды в зависимости от территориального принципа.

В первом случае введение режима особых условий предполагается законодателем в случаях введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях карантина при расположении исправительного учреждения в такой местности. Во втором случае режим особых условий вводится при введении ограничительных мероприятий (карантина) в пределах исправительного учреждения (то есть данное основание введения режима особых условий носит локальный (местный) характер).

В научной литературе с 2020 года достаточно подробно исследовались вопросы функционирования исправительных учреждений в период введения карантинных мероприятий. Особое внимание исследователями было уделено функционированию исправительных учреждений и введению режима особых условий в период распространения новой коронавирусной инфекции в учреждениях УИС РФ [3, с. 79].

Это было связано с тем, что в первом полугодии 2020 года в большинстве учреждений УИС были введены ограничения, связанные с недопущением возникновения и распространения инфекции. В отдельных учреждениях в 53 территориальных органах введен карантин [8, с. 565].

Как указывают М. В. Прохорова и М. В. Киселев, в случаях наличия массового распространения коронавирусной инфекции начальниками территориальных органов и учреждений УИС поднимался вопрос о введении режима особых условий. Соответствующими локальными нормативными актами учреждений и органов УИС исправительные учреждения пере-

водились на так называемый «вахтовый» метод службы, когда сотрудники заступали на службу по четырнадцатидневному графику в круглосуточном режиме [4, с. 110].

По нашему мнению, глубокая научная проработка вопроса функционирования исправительных учреждений в период пандемии, а также введения режима особых условий, натолкнули законодателя на мысль о внесении изменений в ст. 85 УИК РФ.

Захват заложников.

В пояснительной записке к проекту Федерального закона от 28.02.2023 № 44-ФЗ «О внесении изменений в статью 85 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» указывалось, что дестабилизация деятельности исправительного учреждения может возникнуть при захвате заложников, поскольку в случае захвата заложника происходит захват или удержание лица, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника. Наличие данного обстоятельства может обуславливать необходимость введения режима особых условий.

Динамика захватов заложников в исправительных учреждениях УИС за последние 10 лет показывает минимальные цифры совершения осужденными данных противоправных деяний.

Захваты заложников регистрировались в 2015 (2 случая), в 2017 (1 случай) годах. Однако, как нами было указано выше, захваты заложников в исправительных учреждениях имеют повышенную общественную опасность и могут дестабилизировать оперативную обстановку в них.

Тем не менее, за прошедший 2022 год был зафиксирован один случай захвата заложников в учреждении УИС. Данное чрезвычайное происшествие было зафиксировано в ФКУ СИЗО-1

ГУФСИН России по Кемеровской области. В вечернее время восемь обвиняемых заблокировали в камере троих сотрудников следственного изолятора. Захват заложников произошел при открытии камеры, в которой находились обвиняемые, для проведения проверки. После захвата заложников злоумышленники выдвинули несколько требований. К утру следующего дня всех заложников удалось освободить в результате переговоров. Никто из сотрудников УИС и обвиняемых, их захвативших, не пострадал.

Необходимо отметить, что наличие достаточно небольших цифр регистрируемых преступлений захватов заложников в исправительных учреждениях обуславливается высокой степенью латентностью данного вида преступлений [2, с. 82].

Дополнение уголовно-исполнительного законодательства РФ, а именно ст. 85 УИК РФ, таким основанием для введения режима особых условий в исправительных учреждениях, как захват заложников, также было научно обосновано и предлагалось некоторыми авторами [5, с. 330].

Таким образом, закрепление указанного основания в уголовно-исполнительном законодательстве РФ представляется нам достаточно целесообразным и, в том числе, основанным на предшествующей научной проработке данного вопроса.

Наличие реальной угрозы вооруженного нападения на исправительное учреждение.

При наличии реальной угрозы вооруженного нападения на исправительное учреждение происходит агрессивное противоправное действие, совершаемое с какой-либо преступной целью и создающее реальную и непосредственную опасность немедленного применения насилия как средства достижения этой цели.

Данное основание для введения режима особых условий в исправительных учреждениях является неоспоримым.

В случае наличия реальной угрозы вооруженного нападения на исправительное учреждение и ее реализации создается опасность для жизни и здоровья сотрудников (работников) УИС, а также осужденных, отбывающих наказание в указанном исправительном учреждении, и иных лиц, посещающих его в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, мы проанализировали новые основания введения режима особых условий в исправительных учреждениях, внесенные в ст. 85 УИК Федеральным законом от 28.02.2023 № 44-ФЗ.

По нашему мнению, дополнение указанной правовой нормы указанными основаниями введения режима особых ус-

ловий в исправительных учреждениях более конкретизировало изучаемый правовой институт и, в том числе, учло предшествующую научную проработку указанных изменений.

Тем не менее, в качестве дополнительных оснований введения режима особых условий в исправительных учреждениях, не предусмотренных в Федеральном законе от 28.02.2023 № 44-ФЗ, нами предлагаются следующие: введение в районе дислокации исправительного учреждения режима контртеррористической операции, а также групповые побеги, осужденных из исправительных учреждений. Данные основания, по нашему мнению, могут найти свое отражение в ч. 1 ст. 85 УИК РФ.

Литература

1. *Герасимов А. А.* Основания введения режима особых условий в исправительных учреждениях // Вестник Кузбасского института. 2018. № 2 (35). С. 18.
2. *Горбань Д. В., Ефремова О. С.* Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики введения режима особых условий в учреждениях УИС России // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 3. С. 82.
3. *Денисов А. Д.* О некоторых трудностях введения режима особых условий в исправительных учреждениях в период пандемии COVID-19. В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2021. С. 79–81.
4. *Прохорова М. В., Киселев М. В.* Деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в условиях пандемии // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 2 (12). С. 110.
5. *Рябых С. Б., Цветков В. В.* Проблемы недостаточности оснований для введения режима особых условий в исправительных учреждениях ФСИН России. В сборнике: Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 2021. С. 330–331.
6. *Упоров А. Г.* О введении режима чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера в исправительном учреждении // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3 (36). С. 107.
7. *Фахрутдинова Г. Р., Хасанова А. Р., Кадикова А. А.* Режим повышенной готовности: особенности функционирования органов управления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 1-3 (52). 2021. С. 164.
8. *Черемухин В. В.* Организационно-правовые аспекты введения режима особых условий в исправительных учреждениях для предупреждения и пресечения чрезвычайных происшествий. В сборнике: Пермский период. Сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций.

В 3-х томах. Сост. А.И. Согрина. Пермь, 2022. С. 565.

References

1. *Gerasimov A. A.* Osnovaniya vvedeniya rezhima osobyh uslovij v ispravitel'nyh uchrezhdenijah // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2018. № 2 (35). S. 18.
2. *Gorban' D. V., Efremova O. S.* Problemy pravovogo regulirovaniya i pravoprimeritel'noj praktiki vvedeniya rezhima osobyh uslovij v uchrezhdenijah UIS Rossii // Juridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2020. T. 6. № 3. S. 82.
3. *Denisov A. D.* O nekotoryh trudnostjah vvedeniya rezhima osobyh uslovij v ispravitel'nyh uchrezhdenijah v period pandemii COVID-19. V sbornike: Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii. Nauchno-prakticheskoe ezhekvartal'noe izdanie. Moskva, 2021. S. 79–81.
4. *Prohorova M. V., Kiselev M. V.* Dejatel'nost' uchrezhdenij i organov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii v uslovijah pandemii // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2022. № 2 (12). S. 110.
5. *Rjabyh S. B., Cvetkov V. V.* Problemy nedostatochnosti osnovanij dlja vvedeniya rezhima osobyh uslovij v ispravitel'nyh uchrezhdenijah FSIN Rossii. V sbornike: Aktual'nye problemy dejatel'nosti podrazdelenij UIS. sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Voronezh, 2021. S. 330–331.
6. *Uporov A. G.* O vvedenii rezhima chrezvychajnoj situacii prirodnogo i tehnogenogo haraktera v ispravitel'nom uchrezhdenii // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2018. № 3 (36). S. 107.
7. *Fahrutdinova G. R., Hasanova A. R., Kadikova A. A.* Rezhim povyshennoj gotovnosti: osobennosti funkcionirovaniya organov upravlenija // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. № 1-3 (52). 2021. S. 164.
8. *Cheremuhin V. V.* Organizacionno-pravovye aspekty vvedeniya rezhima osobyh uslovij v ispravitel'nyh uchrezhdenijah dlja preduprezhdenija i presechenija chrezvychajnyh proisshestvij. V sbornike: Permskij period. Sbornik materialov IX Mezhdunarodnogo nauchno-sportivnogo festivalja kursantov i studentov obrazovatel'nyh organizacij. V 3-h tomah. Sost. A.I. Sogrina. Perm', 2022. S. 565.

Сведения об авторе

Дмитрий Владимирович Горбань: Университет ФСИН России (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), начальник кафедры организации исполнения наказаний юридического факультета, кандидат юридических наук. E-mail: dimas8807@mail.ru

Information about the author

Gorban Dmitry Vladimirovich: the University of the FPS of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), head of the chair of organization of the execution of punishments of the faculty of law, candidate of law. E-mail: dimas8807@mail.ru

А. О. Долматов

О ПРЕДЕЛАХ ИЗУЧЕНИЯ И УЧЕТА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Вопрос о понятии личности преступника в научной литературе носит дискуссионный характер. При этом разработка проблемы «личности преступника» осуществляется не только в юридической науке, но и в пенитенциарной психологии. Большой вклад в изучение проблем личности преступника внесли отечественные криминологи Ю. М. Антонян, Г. Г. Бочкарева, А. И. Долгова, С. А. Домахин, К. Е. Игошев, Н. С. Лейкина, Л. М. Прокументов, А. Б. Сахаров, В. Д. Филимонов и другие.

При этом личность несовершеннолетнего преступника имеет ряд характеристик, отличных от категории взрослых преступников, что также влечет определенные особенности при назначении таким преступникам уголовного наказания.

Назначение уголовного наказания несовершеннолетним требует учета значительно более широкого круга обстоятельств, нежели те, что подлежат учету в отношении взрослых преступников, что обусловлено возрастными особенностями несовершеннолетних.

В статье автор приходит к выводу о необходимости наиболее полного раскрытия и учета обстоятельств, характеризующих возрастные особенности личности несовершеннолетнего при назначении уголовного наказания. Автор считает, что рассматривать «иные» особенности личности несовершеннолетнего, о необходимости учета которых гласит уголовный закон, необходимо в разрезе социально-демографической, социально-ролевой и нравственно-психологической характеристик личности.

Раскрывая обстоятельства, характеризующие личность несовершеннолетнего, автор выделяет сочетания этих обстоятельств, которые тем или иным образом влияют на эффективность назначаемого уголовного наказания, и указывает, в чем именно это влияние проявляется, раскрывает собственное видение учета этих обстоятельств при назначении наказания несовершеннолетнему

Ключевые слова: несовершеннолетний, назначение наказания, социально-ролевая характеристика, нравственно-психологическая характеристика, социально-демографическая характеристика.

A. O. Dolmatov

ON THE LIMITS OF THE STUDY AND CONSIDERATION OF THE PERSONALITY OF A JUVENILE OFFENDER IN THE IMPOSITION OF CRIMINAL PUNISHMENT

The question of the concept of the criminal's identity in the scientific literature is debatable. At the same time, the development of the problem of «criminal identity» is carried

© Долматов А.О., 2023

© Dolmatov A.O., 2023

out not only in legal science, but also in penitentiary psychology. Russian criminologists Yu. M. Antonyan, G. G. Bochkareva, A. I. Dolgova, S. A. Domakhin, K. E. Igoshev, N. S. Leikina, L. M. Prozumentov, A. B. Sakharov, V. D. Filimonov and others made a great contribution to the study of criminal personality problems.

At the same time, the identity of a juvenile offender has a number of characteristics that differ from the category of adult criminals, which also entails certain features when assigning criminal penalties to such criminals.

Assigning criminal punishment to minors requires taking into account a much wider range of circumstances than those that are subject to accounting for adult criminals, which is due to the age characteristics of minors.

In the article, the author comes to the conclusion that it is necessary to fully disclose and take into account the circumstances characterizing the age characteristics of a minor's personality when assigning a criminal sentence. The author believes that it is necessary to consider «other» features of the personality of a minor; the need to take into account which the criminal law states, in the context of socio-demographic, socio-role and moral and psychological characteristics of the individual.

Revealing the circumstances characterizing the personality of a minor, the author identifies combinations of these circumstances that in one way or another affect the effectiveness of the criminal punishment being imposed, and indicates in what exactly this influence manifests itself, reveals his own vision of taking these circumstances into account when sentencing a minor.

Keywords: a juvenile, imposition of criminal punishment, social and role characteristic, moral and psychological characteristic, socio-demographic characteristic.

В отечественной науке уголовного права и в криминологии в целом признается необходимость учета при назначении наказания особенностей личности несовершеннолетнего, совершившего преступление. Мнения ученых расходятся относительно тех обстоятельств, которые характеризуют личность несовершеннолетнего, имеют уголовно-правовое значение и подлежат учету.

В Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 «О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность» в пункте 8 указывалось на необходимость повышения требовательности к выяснению данных о личности несовершеннолетнего обвиняемого. Однако абстрактность данной формулировки позволяла судьям формально подходить к учету данных сведений. В законе

и в Постановлении не закреплялось требований об учете возрастных особенностей, не были конкретизированы данные о личности, подлежащие учету, а самое главное, отсутствовало указание, как именно суд должен использовать те или иные данные об особенностях личности несовершеннолетнего при назначении наказания.

Верховным Судом РФ также неоднократно обращалось внимание судей на необходимость учета личности несовершеннолетнего без каких-либо уточнений на этот счет.

Изложенное актуализирует проблему пределов изучения и учета личности (в том числе, личности несовершеннолетнего) при назначении уголовного наказания. На данную проблему обращалось внимание еще в 1978 году Н. Т. Ведерниковым. Представляется верным суждение автора, который указывает, что при определении предмета изучения личности мы сталкиваемся с трудностями двоякого рода: с од-

ной стороны, необходимо иметь возможно больше разносторонней информации о личности, а с другой – учитывать жестко регламентированные специфические условия судопроизводства и в особенности короткий отрезок времени на изучение [1].

Разработкой проблемы личности преступника в отечественной криминологии занимались Ю. М. Антонян, Г. Г. Бочкарева, А. И. Долгова, С. А. Домахин, К. Е. Игошев, Н. С. Лейкина, Л. М. Прокументов, А. Б. Сахаров, В. Д. Филимонов и другие.

Необходимо отметить дискуссионный характер вопроса о понятии личности преступника. Некоторые авторы считают, что личность преступника – это собирательное, статистически значимое правовое понятие, которое означает, что лицо совершило преступление и не более того. Поэтому, по мнению этих криминологов, исследования должны быть сосредоточены на изучении социально-психологического механизма индивидуального преступного поведения, отражающего взаимодействие свойств личности с ситуацией совершения преступления [5].

Другие исследователи полагают, что необходимо расширить предмет криминологии и включить в него не только изучение преступников, но и лиц, предрасположенных к совершению преступлений [2, 6].

Позиция последней группы авторов представляется наиболее предпочтительной. Среднестатистический «портрет преступника», включающий как правовые, так и социальные свойства, позволяет установить, какие свойства личности и в какой степени задействованы в механизме преступного поведения, а также позволяет определить наиболее криминогенные группы населения, что имеет большое значение для определения направлений профилактики преступности [3].

Личность преступника (лица, совершившего преступление) понимается нами

как совокупность негативных социальных и социально-психологических свойств и качеств человека, которые во взаимодействии с конкретной жизненной ситуацией привели его к совершению преступления. Данное определение применимо и в отношении несовершеннолетних преступников.

Следует отметить, что личность несовершеннолетнего находится в постоянном процессе преобразования (формирования). Данный процесс протекает под влиянием как внешних условий среды (условия жизни и воспитания, экономический уровень развития государства и т.д.), так и уже сложившихся внутренних особенностей личности несовершеннолетнего, через «призму» которых осуществляется воздействие внешних факторов, когда лицо осмысливает жизненные ситуации, установки, находит объяснение тем или иным моментам. Процесс формирования личности во многом определяется степенью выраженности в тот или иной момент ее развития различных возрастных особенностей личности. Совокупность личностных качеств, во многом обусловленная возрастными особенностями личности несовершеннолетнего, в конечном итоге и определяет выбор того или иного варианта поведения в различных жизненных ситуациях, в том числе и вариантов преступного поведения.

Для учета особенностей личности несовершеннолетнего при назначении наказания важно выяснение степени искажения, деформации ценностей, потребностей, представлений, взглядов, убеждений, а также возрастных особенностей личности, выливающих в формирование акцентуаций характера, личностных черт,носящих крайне негативный характер.

При назначении уголовного наказания несовершеннолетнему суду необходимо учесть сведения о личности несовершеннолетнего в объеме, необходимом и достаточном для прогнозирования его дальнейшего поведения.

В статье 60 УК РФ указывается, что при назначении наказания учитывается личность виновного. В статье 89 УК РФ содержится требование учета «иных особенностей личности» при назначении наказания несовершеннолетнему. Указанные нормы являются бланкетными, поскольку понятие личности лица, совершившего преступление, является предметом криминологической науки, в которой рассматриваются основные признаки данного понятия.

В криминологии общепринятым считается выделение трех основных блоков, используемых при характеристике личности: социально-типологическая, нравственно-психологическая и социально-ролевая характеристики личности [4].

Представляется, что личность несовершеннолетнего лица, совершившего преступление, должна рассматриваться в разрезе указанных характеристик. Различные сочетания данных, характеризующих личность несовершеннолетнего с позиций социально-типологической, нравственно-психологической, социально-ролевой характеристик, определяют целесообразность применения в отношении лица того или иного вида и размера уголовного наказания.

Выделим сведения (показатели), наиболее значимые для прогнозирования дальнейшего поведения несовершеннолетнего, совершившего преступление, а значит, для назначения вида и размера уголовного наказания.

Среди показателей социально-типологической характеристики несовершеннолетних преступников наибольшее значение имеет возраст. Изучая личность несовершеннолетних, криминологи особое внимание уделяют особенностям, характерным для разных возрастных периодов: старшего подросткового (14-15 лет), ранней юности (16-17 лет).

Поведение несовершеннолетних, в том числе, преступное поведение, часто

обусловлено именно возрастными особенностями, что значительно уменьшает целесообразность назначения им наиболее суровых видов уголовных наказаний, поскольку в результате исчезновения с возрастом данных особенностей вероятность совершения лицом новых преступлений значительно уменьшится. Законодатель, учитывая данные обстоятельства, формулирует сокращенный перечень видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним и их уменьшенный размер, возможность применения к несовершеннолетним при освобождении их судом от уголовной ответственности или от наказания принудительных мер воспитательного воздействия, сокращенные сроки давности привлечения к уголовной ответственности, сроки погашения судимости и другие особенности уголовной ответственности несовершеннолетних, более щадящие по сравнению с уголовно-правовыми мерами, применяемыми к взрослым преступникам.

Представляется, что разница в возрастных особенностях, характеризующих старший подростковый и ранний юношеский возраст, существенна и должна учитываться при выборе вида и размера уголовного наказания в отношении несовершеннолетних, обуславливает необходимость минимизации применения в отношении лиц 14-15 лет наказания в виде лишения свободы. Во-первых, особенности данной возрастной группы оставляют больше возможностей для исправления лица без применения наиболее строгих мер уголовной репрессии. Во-вторых, в ходе отбывания наказания в виде лишения свободы подростки, в силу таких присущих им качеств, как ведомость, пониженный волевой порог, склонность к подражанию оказываются под влиянием лиц, имеющих в большей степени выраженную антиобщественную направленность, в особенности, старших по возрасту.

Часто совершение преступлений лицами старшего подросткового возраста

обусловлено не стойкой антиобщественной направленностью личности, а наличием таких возрастных особенностей, как возбудимость, аффективность, неадекватная реакция на ту или иную жизненную ситуацию. Данные особенности более характерны для подросткового, чем для юношеского, возраста.

Следующее обстоятельство, имеющее уголовно-правовое значение для назначения наказания несовершеннолетним – место жительства. Значение данного обстоятельства заключается в обеспечении исполнимости наказания. Если, например, несовершеннолетнему назначается наказание в виде исправительных работ, а место жительства значительно удалено от места отбывания наказания, то целесообразность его применения ставится под сомнение, поскольку может нарушить учебный процесс (если осужденный является учащимся).

Аналогичное значение имеет род занятий. Если несовершеннолетний является учащимся образовательного учреждения, то применение таких видов наказания, как обязательные и исправительные работы должно исключаться в отношении него, поскольку данные виды наказания будут препятствовать осуществлению образовательного процесса, а роль последнего в процессе воспитания несовершеннолетних сложно недооценить.

Иногда определенное значение для учета при назначении вида наказания может иметь образование несовершеннолетнего. Известной проблемой, существующей в практике исполнения наказаний в виде обязательных и исправительных работ для несовершеннолетних, является нежелание работодателей использовать труд осужденных несовершеннолетних, во многом обусловленное отсутствием необходимых навыков, знаний и опыта в производственной и иной деятельности. Однако у несовершеннолетних, обучающихся по программам начального профессионального образования, несмотря на отсут-

ствие диплома об окончании учебного учреждения, уже имеются некоторые знания и навыки, которые позволяют использовать их труд по изучаемой ими специальности. В этой связи суду необходимо рассматривать вариант назначения наказаний, предполагающих исправительно-трудовое воздействие на осужденных и ставить эти виды наказаний в приоритет перед применением иных видов наказаний, например, лишения свободы.

Семейное положение несовершеннолетнего в некоторых ситуациях может играть существенную роль для назначения вида и размера уголовного наказания. В большинстве случаев несовершеннолетние находятся на содержании у своих родителей, бабушек, опекунов и т.д., но бывают ситуации, когда несколько детей воспитываются одной матерью и существенную часть дохода семьи составляет доход старших детей. В такой ситуации, если перед судом стоит вопрос о применении наказания с изоляцией от общества или применения иного вида наказания, суду следует исходить из приоритета применения мер уголовно-правового воздействия, не связанных с изоляцией от общества. Целесообразно возложение на несовершеннолетнего дополнительных обязанностей: трудиться, продолжить обучение в общеобразовательной организации.

Наиболее важным для суда в исследовании социально-ролевой характеристики несовершеннолетнего представляется то, что необходимо учитывать не только сам факт обучения в образовательном учреждении (трудоустройства), но и деятельность несовершеннолетнего, выражающую его отношение к процессу обучения, работы, степень ответственности, добросовестности.

В этой связи вызывает сомнение целесообразность применения в отношении несовершеннолетнего условного осуждения с возложением только тех дополнительных обязанностей, которые

представляют собой виды деятельности, к которым ранее несовершеннолетний относился безответственно: трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Целесообразным представляется возложение на этих лиц дополнительно таких обязанностей, как запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток (особенно в случаях, когда несовершеннолетний состоит в неформальных группах антиобщественной направленности, неблагополучных компаниях сверстников).

Важнейшее значение для суда при назначении уголовного наказания имеет нравственно-психологическая характеристика несовершеннолетнего, особенно в «пограничных» ситуациях, когда уголовно-правовая и социально-типологическая характеристики не позволяют однозначно судить о целесообразности назначения того или иного вида наказания.

Нравственно-психологическая характеристика личности выражает отношение преступника к обществу в целом, принятым в нем ценностям и нормативно одобряемым социальным ролям. Основу нравственно-психологической характеристики личности преступника составляет ее мотивационная сфера.

Эффективность процесса исправления несовершеннолетнего во многом будет зависеть от стимулирования имеющегося в его личности положительного потенциала. Если личность несовершеннолетнего позволяет установить наличие, пусть даже в зачаточном состоянии, потребностей к познанию, труду, творчеству, с целью развития данных потребностей и использования их в процессе исправления несовершеннолетнего, суду следует возлагать на осужденного дополнительные обязанности: трудиться (трудоустроиться), продолжить обучение в общеобразовательной организации, запрет использования опре-

деленных форм досуга.

Важен учет мотивов несовершеннолетнего при назначении уголовного наказания. Повышенная эмоциональная возбудимость несовершеннолетних обуславливает необдуманное, не до конца осознанное их поведение, в различных провоцирующих ситуациях, что может способствовать совершению несовершеннолетними преступлений против личности, хулиганства, уничтожение или повреждение имущества и др. Склонность к подражанию, подверженность посторонним влияниям часто обуславливают совершение преступлений несовершеннолетними, поскольку для этого возраста крайне важным представляется мнение о себе окружающих, особенно сверстников. В этой связи мотивация таких преступлений против собственности, как кража, преобладающих в структуре преступности несовершеннолетних, чаще всего не связана с корыстными мотивами, а предполагает мотивы подражания, самутверждения, характерные для несовершеннолетних.

При изучении нравственно-психологической характеристики личности несовершеннолетних преступников следует помнить об их возрастных особенностях, что особенно важно при определении целесообразности назначения наказания в виде лишения свободы. Именно эти особенности очень часто лежат в основе преступного поведения несовершеннолетних. В этой связи отметим, что с возрастом данные особенности будут исчезать, что предполагает возможность положительного прогноза поведения лица в будущем. Применение в отношении таких несовершеннолетних лишения свободы (особенно на длительные сроки) может оказывать на них негативное воздействие, в частности, способствовать формированию озлобленности и привести к минимуму исправительное и предупредительное значение наказания, иными словами, принести больше вреда, чем пользы.

Представляется, что особое значение имеют такие возрастные особенности, как повышенная эмоциональная возбудимость, склонность к подражанию, противоречивость и неустойчивость в поведении и во взглядах, подверженность посторонним влияниям, поскольку именно эти особенности в значительной степени способствуют совершению несовершеннолетними преступлений.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что эффективность уголовного наказания (положительный эффект) определяется тем, совершит ли лицо, отбывшее уголовное наказание, новое преступление. При правильно организованном исправительном процессе большинство несовершеннолетних, совершивших преступления, могут быть исправлены в силу таких возрастных особенностей, как внушаемость, неустойчивость во взглядах, подверженность влиянию взрослых и т. п., что минимизирует вероятность совершения ими новых преступлений. Но для того, чтобы добиться этого, чтобы определить методы и средства, с помощью которых возможно осуществить такое влияние на личность несовершеннолетнего, которое позволит нивелировать одни отрицательные черты и привычки и развить другие – положительные комплексы, необходимо изучить особенности личности несовершеннолетнего, обусловленные возрастными особенностями и учесть их при назначении наказания.

Наряду со сведениями, относящимися к уголовно-правовой характеристике личности несовершеннолетнего, при на-

значении ему уголовного наказания следует учитывать социально-ролевую и нравственно-психологическую характеристику личности. Достаточно обоснованный прогноз вероятности совершения несовершеннолетним в будущем новых преступлений может быть сделан только на основе более полного анализа данных о личности, наличие которых препятствует, либо способствует назначению того или иного вида уголовного наказания.

Важно при изучении личности несовершеннолетнего и учете ее особенностей при назначении наказания достаточное внимание уделять выявлению положительных качеств, что позволит опереться на них в процессе воспитательно-профилактической работы по устранению установленных отрицательных черт характера правонарушителя в рамках реализации мер уголовно-правового воздействия.

Изложенные обстоятельства, характеризующие личность несовершеннолетнего, определяют минимальные пределы учета личности, позволяющие суду осуществлять обоснованное прогнозирование дальнейшего поведения несовершеннолетнего.

Детальное изучение этих обстоятельств необходимо для выработки единой позиции в науке уголовного права и правоприменительной практике в отношении особенностей личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, подлежащих обязательному учету при назначении ему уголовного наказания

Литература

1. Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого. Томск, 1978.
2. Долгова А. И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. Москва, 1981.
3. Криминология (Общая часть): учебник / под ред. Л. М. Прокументова, А. В. Шеслера. Томск, 2007.

4. Криминология: учебник / под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. Москва, 1988.
5. *Лунеев В. В.* Мотивация преступного поведения. Москва, 1991.
6. *Прозументов Л. М., Шеслер А. В.* Введение в криминологию. Томск, 1995.

References

1. *Vedernikov N. T.* Lichnost' obvinяаемого i podsudimogo. Tomsk, 1978.
2. *Dolgova A. I.* Social'no-psihologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnih. Moskwa, 1981.
3. Kriminologiya (Obshchaya chast'): uchebник / pod red. L. M. Prozumentova, A. V. Sheslera. Tomsk, 2007.
4. Kriminologiya: uchebник / pod red. B. V. Korobejnikova, N. F. Kuznecovoj, G. M. Min'kovskogo. Moskwa, 1988.
5. *Luneev V. V.* Motivaciya prestupnogo povedeniya. Moskwa, 1991.
6. *Prozumentov L. M., Shesler A. V.* Vvedenie v kriminologiyu. Tomsk, 1995.

Сведения об авторе

Долматов Александр Олегович: Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Томск, Российская Федерация), доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук.

Information about the author

Dolmatov Alexander Olegovich: West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Law.

УДК 343.241.2

В. С. Исаков

НАЗНАЧЕНИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Определяются проблемы практики назначения принудительных работ отдельным категориям осужденных.

Предлагается исключить женщин старше 55 лет, мужчин старше 60 лет и военнослужащих из перечня лиц, которым согласно ч. 7 ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации запрещено отбывать принудительные работы.

Обосновывается применение условного осуждения к инвалидам 1 и 2 групп,

© Исаков В.С., 2023

© Isakov V.S., 2023

несовершеннолетним, беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 3 лет, которые не нуждаются в отбывании наказания в условиях исправительного учреждения.

При нарушении инвалидами 2 группы и несовершеннолетними лицами порядка отбывания обязательных и исправительных работ следует предусмотреть возможность замены неотбытой части данных наказаний не только принудительными работами и лишением свободы, но и ограничением свободы. При этом замена наказаний должна производиться в ч. 3 ст. 49 Уголовного кодекса Российской Федерации из расчета 1 день ограничения свободы за 4 часа обязательных работ, а в ч. 4 ст. 50 Уголовного кодекса Российской Федерации – из расчета 1 день ограничения свободы за 1.5 дня исправительных работ.

Ключевые слова: принудительные работы, лишение свободы, инвалиды 1 и 2 группы, пенсионный возраст, беременные женщины, несовершеннолетние, военнослужащие, неотбытая часть наказания.

V. S. Isakov

IMPOSITION OF FORCED LABOR TO CERTAIN CATEGORIES OF CONVICTS: PROBLEMS OF LAW-ENFORCEMENT PRACTICE

The problems of the practice of assignment of forced labor to certain categories of convicts are defined.

It is offered to exclude women older than 55 years, men older than 60 years and military servicemen from the list of persons who according to part 7 of article 53.1 of the Criminal code of the Russian Federation are forbidden to serve forced labor.

The application of conditional sentencing to persons with disabilities of groups 1 and 2, minors, pregnant women and women with children under the age of 3, who do not need to serve their sentence in a correctional institution, is justified.

If persons with disabilities of group 2 and juveniles violate the procedure for serving mandatory and correctional work, it should be possible to replace the outstanding part of these punishments not only with forced labor and imprisonment, but also with restriction of liberty. In this case the punishments should be replaced under part 3 of article 49 of the Criminal Code of the Russian Federation at the rate of one day of restriction of freedom for 4 hours of compulsory works, and under part 4 of article 50 of the Criminal Code of the Russian Federation at the rate of one day of restriction of freedom for 1.5 days of correctional works.

Keywords: forced labor, imprisonment, disabled persons of 1 and 2 groups, retirement age, pregnant women, minors, servicemen, not served part of punishment.

На протяжении нескольких десятков лет уголовная политика многих государств ориентируется в сторону активного назначения наказаний, не связанных с тюремным заключением. Задача по увеличению количества судебных актов о назначении наказаний и применении других мер, альтернативных лишению свободы, решается и в России, что было отражено

в «Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р. В соответствии с данным документом предстояло снизить уровень криминализации общества, а также численность лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, за счет текущих

и новых уголовно-правовых мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Результатом стало появление в 2017 году уголовного наказания в виде принудительных работ.

Согласно ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) принудительные работы заключаются в трудоустройстве осужденного на различных объектах, где он обязан работать на возмездной основе и отдавать в пользу государства определенную часть своей заработной платы. Однако не все осужденные могут претендовать на назначение им данного наказания. Так, в соответствии с ч. 7 ст. 53.1 УК РФ принудительные работы не применяются в отношении восьми категорий осужденных: лиц младше 18 лет; инвалидов 1 или 2 группы; женщин и мужчин, достигших возраста 55 и 60 лет соответственно; лиц, проходящих военную службу; женщин, находящихся в состоянии беременности или воспитывающих детей в возрасте до 3 лет.

Проблема заключается в том, что ч. 7 ст. 53.1 УК РФ поставила лиц, указанных в данной норме, в неравное положение по отношению к другим осужденным. Такое неравенство проявляется в двух аспектах. Во-первых, по состоянию на 14 января 2023 г. принудительные работы закреплены в 491 санкции норм Особенной части УК РФ, из которых 107 санкций предусматривают только наказания в виде принудительных работ и лишения свободы. Например, санкции ч. 2 ст. 107, ч. 2 ст. 124, ч. 3 ст. 144, ч. 1 ст. 190 и ч. 3 ст. 238 УК РФ. В результате на стадии постановления приговора суд ограничен в выборе наказания лицам, перечисленным в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, и может назначить им только лишение свободы. Стоит оговориться, что нас интересует момент безальтернативного осуждения к лишению свободы лиц, указанных в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, если на назначение этого наказания нет запрета, содержащегося в ч. 1 ст. 56 УК РФ: совер-

шение впервые преступления небольшой тяжести без отягчающих обстоятельств.

Возможны ситуации, когда лица из ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, по мнению суда, не нуждаются в отбывании лишения свободы и целесообразно назначить им более мягкое наказание, которое, за исключением принудительных работ, отсутствует в санкции уголовно-правовой нормы. С одной стороны, решением данной проблемы может быть ст. 64 УК РФ, позволяющая суду назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен соответствующей санкцией нормы Особенной части УК РФ. С другой стороны, применение ст. 64 УК РФ допустимо только при наличии исключительных обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, которые не всегда могут быть установлены по итогам рассмотрения уголовного дела. Поэтому осужденные, перечисленные в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, находятся в крайне невыгодном положении, когда цели наказания объективно достижимы без помещения их в исправительное учреждение, но нет оснований для применения к данным лицам ст. 64 УК РФ, а санкция уголовно-правовой нормы не содержит, кроме принудительных работ, иных видов наказания, не связанных с лишением свободы.

Во-вторых, согласно п. 22.6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58) обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы в случае злостного уклонения от их отбывания не заменяются принудительными работами лицам, указанным в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ. Такой запрет действует: 1) во взаимосвязи ч. 4 ст. 49 и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, ч. 5 ст. 50 и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ в отношении инвалидов 2 группы; женщин, достигших возраста 55 лет; мужчин старше 60 лет при

отбывании ими наказания в виде обязательных или исправительных работ; 2) во взаимосвязи ч. 4 ст. 49 и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ в отношении лиц, проходящих военную службу по контракту, при отбывании ими наказания в виде обязательных работ; 3) во взаимосвязи ч. 6 ст. 53 УК РФ и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, кроме военнослужащих, в отношении остальных семи категорий лиц, перечисленных в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, при отбывании ими наказания в виде ограничения свободы; 4) во взаимосвязи ч. 4 ст. 49 и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, ч. 5 ст. 50 и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, ч. 6 ст. 53 УК РФ и ч. 7 ст. 53.1 УК РФ в отношении несовершеннолетних при отбывании ими наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы. При этом согласно п. 5.9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» речь идет о тех несовершеннолетних, которые могут отбывать лишение свободы в силу ч. 6 ст. 88 УК РФ.

Как следствие, перечисленным осужденным на основании ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50 и ч. 5 ст. 53 УК РФ может быть назначено в порядке замены предыдущего наказания только лишение свободы. Например, суд апелляционной инстанции отказался рассматривать вопрос о замене неотбытой части обязательных работ принудительными работами в отношении женщины, являющейся инвалидом 2 группы, и оставил без изменения постановление мирового судьи о назначении осужденной наказания в виде лишения свободы¹. В других случаях осужденному неотбытая часть обязательных работ и исправительных работ была заменена лишением свободы, а не прину-

дительными работами, потому что осужденный являлся мужчиной, достигшим возраста 60 лет². Приведенная судебная практика свидетельствует о том, что отдельные группы осужденных, перечисленные в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ, полностью лишены возможности отбывать наказание, не связанное с изоляцией от общества. В свою очередь, другие осужденные могут повторно избежать направления в исправительное учреждение, несмотря на нарушение ими порядка отбывания ранее назначенного наказания, альтернативного лишению свободы.

Решение обозначенных проблем видится в попытке пересмотра категорий осужденных, которые согласно ч. 7 ст. 53.1 УК РФ не могут отбывать принудительные работы. Остановимся на данных осужденных более подробно.

Лица, признанные инвалидами 1 или 2 группы. Согласно ст. 1 федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ) инвалид – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, приводящее к ограничению жизнедеятельности. В пользу исключения инвалидов 1 и 2 групп из ч. 7 ст. 53.1 УК РФ указывает несколько факторов.

Прежде всего, признание лица инвалидом не означает его исключение из рынка труда. Для обеспечения инвалидам гарантии трудовой занятости согласно ст. 13.2 закона РФ от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» в организациях с определенным количеством работников региональным законодательством устанавливается для приема на работу инвалидов специальная

¹ Апелляционное постановление Вичугского городского суда Ивановской области от 11.05.2021 по делу № 10-1/2021 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

² Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 25.05.2021 по делу № 22-3213/2021 // Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 13.09.2021 по делу № 22-1936/2021 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

квота, размер которой может составлять до 4 % от среднесписочной численности работников. На отдельных предприятиях в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ могут проводиться мероприятия, связанные с бронированием рабочих мест по видам трудовой деятельности, наиболее подходящим для выполнения инвалидами.

Другим фактором является обязанность работодателя создавать инвалидам необходимые условия труда в соответствии с их индивидуальной программой реабилитации или абилитации (далее – ИПРА), о чем указано в ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ. Согласно приложению № 2 к приказу Минтруда России от 13.06.2017 № 486н «Об утверждении Порядка разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации или абилитации инвалида, индивидуальной программы реабилитации или абилитации ребенка-инвалида, выдаваемых федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы, и их форм» в ИПРА содержится следующая информация, необходимая для трудоустройства инвалида: сведения о степени ограничения способности к трудовой деятельности, нуждаемость в мероприятиях по профессиональной реабилитации или абилитации, рекомендации о показанных и противопоказанных видах трудовой деятельности. Также на основании данной информации работодатель согласно ст. 22 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ оснащает специальные рабочие места, если они требуются в связи с состоянием здоровья инвалида и степенью ограничения его жизнедеятельности.

Н. Н. Жильский и А. В. Козлова полагают, что наступление инвалидности не всегда влечет полную утрату человеком способности осуществлять трудовую деятельность, которая составляет основное содержание наказания в виде принудительных работ. Инвалиду может быть установ-

лена 1 степень ограничения способности к осуществлению трудовой деятельности, которая предполагает возможность выполнения прежней работы по основной профессии (должности, специальности), но при условии снижения тяжести, напряженности и (или) уменьшении объема данной работы, либо неспособность продолжать такую работу при сохранении возможности в обычных условиях труда выполнять трудовую деятельность более низкой квалификации [2, с. 93-94]. Об этом указано в пп. «ж» п. 7 приказа Министрства труда и социальной защиты РФ от 27.08.2019 № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» (далее – приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 27.08.2019 № 585н).

Последний фактор – это отсутствие в УК РФ запрета на назначение инвалидам 2 группы любых наказаний, связанных с обязательным привлечением к труду. Так, согласно ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ не могут отбывать обязательные и исправительные работы лица, имеющие инвалидность только 1 группы. Из приведенных норм следует, что законодатель, в целом, считает отбывание инвалидами 2 группы некоторых наказаний, связанных с исправительно-трудовым воздействием на осужденного, нормальным явлением в правоприменительной практике.

Можно прийти к выводу, что действующее законодательство содержит определенные предпосылки для снятия ограничения на назначение принудительных работ инвалидам 1 и 2 групп. Однако данными категориями осужденных нецелесообразно отбывание принудительных работ по следующим причинам.

На осужденных к принудительным работам согласно ч. 1 ст. 60.8 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее –

УИК РФ) не распространяются нормы трудового законодательства о предоставлении отпусков. По общему правилу, согласно ч. 4 ст. 60.8 УИК РФ осужденный к принудительным работам может рассчитывать только на ежегодный оплачиваемый отпуск длительностью 18 календарных дней, который предоставляется по истечении 6 месяцев с момента трудоустройства. Тем не менее, в соответствии с ч. 2 ст. 115 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) и ч. 5 ст. 23 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ инвалидам должен предоставляться ежегодный отпуск не менее 30 календарных дней. Кроме того, лицам, ставшими инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, в силу п. 5 ч. 1 ст. 14 закона РФ от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» разрешено использовать ежегодный оплачиваемый отпуск в удобное для них время, а также предоставляется дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью 14 календарных дней. Назначение принудительных работ инвалидам 1 и 2 групп приведет к лишению их социальных гарантий, что противоречит законодательству о защите прав инвалидов.

Далее стоит отметить, что администрации исправительного центра будет трудно подобрать инвалидам 1 и 2 групп подходящую работу. Согласно п. 11 и п. 12 приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 27.08.2019 № 585н состояние здоровья данной категории осужденных характеризуется стойкими выраженными или значительно выраженными нарушениями функций организма человека в диапазоне от 70 % до 100 %.

При этом в соответствии с пп. «ж» п. 7 и п. 9 приказа Министерства труда и социальной защиты РФ от 27.08.2019 № 585н кроме 1 степени ограничения способности к трудовой деятельности инвалиду может быть установ-

лена 2 степень, предполагающая возможность выполнения работы в специальных условиях труда, которые требуют установки на рабочем месте вспомогательных технических средств, либо 3 степень, связанная с возможностью выполнения элементарных видов работ с посторонней помощью или невозможностью осуществления любой трудовой деятельности. Поэтому, несмотря на мероприятия по квотированию рабочих мест для инвалидов, созданию для данных лиц дополнительных и специальных рабочих мест, существует низкая вероятность того, что данные рабочие места в зоне функционирования исправительного центра как по выполняемой трудовой функции, так и по своему техническому оснащению будут соответствовать видам профессиональной деятельности и условиям труда, рекомендованным инвалиду согласно его ИПРА. Дополнительно наш вывод подкрепляется информацией о численности осужденных к принудительным работам, которые не привлечены к труду с момента постановки на учет в исправительном центре: по состоянию на конец 2020 года – 565 человек, по состоянию на конец 2021 года – 550 человек. Если возникают сложности с поиском работы осужденным, не имеющим заболеваний, которые ограничивают их трудоспособность, то не исключена такая же проблема и при трудоустройстве инвалидов 1 и 2 групп. В результате количество безработных осужденных к принудительным работам будет только расти, что создаст дополнительную нагрузку на систему исправительных центров.

Наконец, исправительные центры не располагают достаточными ресурсами для организации отбывания принудительных работ инвалидами 1 и 2 групп.

Исходя из абз. 2 п. 4.3 свода правил 308.1325800.2017 «Исправительные учреждения и центры уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования. Часть I», утвержденного приказом Мини-

стерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 20.10.2017 № 1454/пр (далее – СП 308.1325800.2017), проектирование исправительных центров возможно без учета содержания в них лиц, относящихся к маломобильным группам населения. Также необходимо отметить, что, в отличие от исправительных учреждений, согласно п. 25.2.1 СП 308.1325800.2017 и ст. 60.6 УИК РФ на территории исправительного центра не предусмотрено наличие медицинских частей, а в зданиях исправительного центра – врачебных или фельдшерских здравпунктов. Даже в штатном расписании исправительного центра отсутствует должность медицинского работника, что подтверждается приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 05.08.2022 № 462 «Об утверждении типовых структуры и штатного расписания исправительного центра». Это исключает своевременное оказание медицинской помощи осужденным, являющимся инвалидами 1 или 2 группы, систематическое наблюдение за состоянием их здоровья. Отмена запрета на отбывание принудительных работ инвалидами 1 и 2 групп потребует модернизации всех функционирующих исправительных центров, для осуществления которой необходимо дополнительное финансирование за счет средств федерального бюджета.

Однако проведение таких мероприятий маловероятно, поскольку согласно федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018 – 2030 годы)», утвержденной постановлением Правительства РФ от 06.04.2018 № 420, приоритетными задачами являются реконструкция и строительство следственных изоляторов, исправительных учреждений, а также создание дополнительных рабочих мест для осужденных к лишению свободы, на что предусмотрено выделение из федерального бюджета 101924,1358 млн. рублей.

Женщины, достигшие возраста 55 лет, и мужчины, достигшие возраста 60 лет. Закрепление данной категории осужденных в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ объясняется достижением ими возраста, действующего до 01.01.2019 и являющегося одним из условий получения страховой пенсии по старости. Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее – Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ) выплата данной пенсии связана с наступлением у лица нетрудоспособности вследствие старости, что не требует доказательств. Другими словами, законодатель признает достижение определенного количества лет как фактор, ограничивающий человека в возможности полноценно осуществлять любой вид трудовой деятельности.

Тем не менее, достижение общего пенсионного возраста, который в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ после 01.01.2019 будет поэтапно повышаться до 60 лет для женщин и 65 лет для мужчин (далее – пенсионный возраст), не является безусловным препятствием для выполнения какой-либо работы. Во-первых, трудовое законодательство, за редким исключением для отдельных профессий и должностей, не содержит нормы о предельном возрасте, по достижении которого не допускается заключение трудового договора. На основании ст. 3 и ст. 64 ТК РФ отказ в заключении трудового договора с лицом пенсионного возраста будет расцениваться как дискриминация и необоснованный отказ в приеме на работу. Во-вторых, достижение пенсионного возраста является относительным критерием признания лица нетрудоспособным. В основном способность выполнять какую-либо работу напрямую зависит от текущего состояния здоровья человека. Отсюда следует, что граждане могут принять решение о продолжении трудовой деятельности и после достижения пенсионного возраста,

если они не имеют серьезных заболеваний или травм. Поэтому в жизни мы можем встретить достаточное количество примеров, когда граждане, несмотря на достижение пенсионного возраста, по-прежнему состоят в трудовых отношениях.

По мнению Конституционного Суда РФ, другая причина отказа в назначении принудительных работ лицам пенсионного возраста связана с тем, что по сложившейся практике труд в рамках данного наказания может предполагать приложение лицом значительных физических усилий. Поиск же для осужденного более легкой работы не всегда является успешным. Это создает угрозу невозможности полноценного отбывания наказания³. Однако вопреки позиции Конституционного Суда РФ достаточно распространены случаи трудоустройства осужденных на должностях, связанных со сферой услуг или не требующих несение тяжелой физической нагрузки. Так осужденные, отбывающие принудительные работы в исправительных центрах на территориях Алтайского края, Красноярского края и Томской области, трудоустроены на должностях подсобного рабочего, инженера по организации и нормированию труда, повара, дворника, ткача, швеи, пекаря-кондитера, программиста, кухонного рабочего, юрисконсульта, курьера, менеджера по продажам, фотографа, заместителя директора по общим вопросам. В любом случае, если из-за ограниченного числа вакансий лицо пенсионного возраста может отбывать наказание только на тяжелых видах работ, то положения УИК РФ не запрещают снижение работодателем норм труда с учетом состояния здоровья анализируемой категории осужденных.

Приведенные нами доводы указывают на возможность отбывания принудительных работ женщинами и мужчина-

ми, достигшими пенсионного возраста. Тем более трудовое законодательство не устанавливает для лиц пенсионного возраста особые условия труда, которые, как у инвалидов 1 и 2 групп, противоречили бы порядку отбывания принудительных работ в части правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу и предоставления отпусков. Аналогичной точки зрения придерживается Р. Я. Мамедов, который отмечает, что вопрос о назначении принудительных работ данной категории лиц следует решать на основании документов о состоянии здоровья подсудимого [4, с. 41-42].

Несовершеннолетние, беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до 3 лет. Данные категории лиц необходимо рассматривать совместно, поскольку для них в специальных главах ТК РФ установлен особый порядок трудовой деятельности, который значительно отличается от условий труда осужденных к принудительным работам. Так, в соответствии со ст. 63 ТК РФ для заключения трудового договора с несовершеннолетним обязательно получение письменного согласия одного из родителей (попечителя) и сотрудников органа опеки и попечительства, а в силу ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ администрация исправительного центра самостоятельна в выборе осужденному места работы. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 60.8 УИК РФ осужденный к принудительным работам имеет право только на ежегодный оплачиваемый отпуск длительностью 18 календарных дней, но в соответствии со ст. 255 и ст. 256 ТК РФ беременным женщинам и женщинам, воспитывающим детей в возрасте до 3 лет, должны предоставляться дополнительные отпуска по беременности и родам, по уходу за ребенком. Несовершеннолетним в силу

³ По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова : постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 8-П // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410364/#dst100057 (дата обращения: 03.01.2023).

ст. 267 ТК РФ работодатель обязан предоставлять ежегодный оплачиваемый отпуск на срок 31 календарный день. Также следует отметить, что согласно ч. 4 ст. 60.8 УИК РФ ежегодный оплачиваемый отпуск предоставляется осужденному к принудительным работам по истечении 6 месяцев отбывания наказания. Однако в соответствии со ст. 122 и ст. 267 ТК РФ, ст. 122 и ст. 260 ТК РФ несовершеннолетним, беременным женщинам и женщинам, воспитывающим детей в возрасте до 3 лет, по их заявлению ежегодный оплачиваемый отпуск должен быть предоставлен до истечения 6 месяцев непрерывной трудовой деятельности у конкретного работодателя.

Из положений ТК РФ следует, что невозможно назначение принудительных работ несовершеннолетним, беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 3 лет. В противном случае произойдет снижение уровня их трудовых гарантий нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, что не соответствует ч. 1 ст. 252 ТК РФ, поскольку данные категории работников нуждаются в особых условиях труда в связи с психофизиологическими особенностями их организма, наличием семейных обязанностей и прочими обстоятельствами. Поэтому мы не можем согласиться с мнениями А. А. Логиновой и Е. В. Авдеевой, согласно которым несовершеннолетних лиц можно допустить к отбыванию принудительных работ [3, с. 154; 1].

Военнослужащие. Возникают вопросы относительно закрепления данной категории осужденных в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ. Согласно п. 1 и п. 2 ст. 33 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ) одним из условий поступления гражданина на военную службу по контракту является его соответствие медицинским требованиям военной службы. На военную службу по контракту прини-

мается гражданин, признанный годным к военной службе или годным к военной службе с незначительными ограничениями. Медицинское освидетельствование проходят и граждане, которые подлежат призыву на военную службу, о чем указано в п. 1 ст. 5.1 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ. В соответствии с пп. «а» п. 1 и п. 4 ст. 23 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ от призыва на военную службу освобождаются граждане, признанные ограниченно годными или не годными к военной службе по состоянию здоровья. На основании положений Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ мы приходим к выводу, что военнослужащие – это лица, не имеющие серьезных заболеваний и травм, препятствующих прохождению военной службы. Поэтому данная категория осужденных в силу своего состояния здоровья может быть допущена к отбыванию наказания в виде принудительных работ.

Также стоит отметить, что, в отличие от наказаний в виде обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, во время отбывания принудительных работ осужденный находится в особом учреждении уголовно-исполнительной системы – исправительном центре, которое имеет правила внутреннего распорядка, обязательные для соблюдения. Это подчеркивает специфику рассматриваемого наказания – возможность отрыва человека от привычной для него социальной среды и помещение его в новую обстановку, где все вопросы, связанные с жизнедеятельностью осужденного, решаются только при участии сотрудников уголовно-исполнительной системы. Поэтому обязательные работы согласно ч. 4 ст. 49 УК РФ не назначаются лицам, проходящим военную службу по призыву, а исправительные работы во взаимосвязи ч. 5 ст. 50 и ч. 1 ст. 51 УК РФ, ограничение свободы согласно ч. 6 ст. 53 УК РФ – всем военнослужащим. Данные наказания исполняются

по месту жительства осужденного, в связи с чем их возможное назначение не приводило бы к утрате лицом статуса военнотружущего, но в результате препятствовало бы исполнению обязанностей военной службы или не достигало своих целей. Например, ограничение свободы в силу ч. 1 ст. 53 УК РФ связано с обязательным установлением осужденному ограничения на изменение места жительства или пребывания без согласия контролирующего органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования. Однако военнотружущим из-за своего статуса уже запрещено покидать воинскую часть без разрешения командира (начальника), что влечет уголовную ответственность по ст. 337 или ст. 338 УК РФ.

Помещение осужденного военнотружущего в исправительный центр, по причине чего невозможно полностью выполнять служебные обязанности, должно приводить к аннулированию его специального правового статуса, что означает увольнение лица с военной службы. На основании пп. «е» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ именно это происходит вследствие назначения военнотружущему лишения свободы, поскольку осужденный, как и в случае назначения принудительных работ, тоже подлежит направлению в специализированные учреждения уголовно-исполнительной системы – колония-поселение, исправительная колония или тюрьма, которые являются режимными объектами. Поэтому п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ необходимо дополнить пп. «о» следующего содержания: «военнотружущий подлежит увольнению с военной службы в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении военнотружущему наказания в виде принудительных работ».

Таким образом, считаем возможным исключить женщин старше 55 лет, мужчин старше 60 лет и военнотружа-

щих из перечня лиц, которым согласно ч. 7 ст. 53.1 УК РФ запрещено отбывать принудительные работы. Однако для инвалидов 1 и 2 групп, несовершеннолетних, беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3 лет по-прежнему остается нерешенной проблема невозможности отбывания ими более мягкого наказания, чем лишение свободы, когда санкция нормы Особенной части УК РФ предусматривает за совершенное преступление только наказания в виде принудительных работ и лишения свободы, но нет оснований для применения ст. 64 УК РФ. Полагаем, что в этом случае, когда лицо действительно не нуждается в отбывании наказания в условиях исправительного учреждения, судам следует применять в отношении данных категорий осужденных такую меру уголовно-правового характера, как условное осуждение к лишению свободы. Это правило необходимо закрепить отдельным пунктом в ст. 73 УК РФ и разделе «Условное осуждение» постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58, чтобы суды обращали внимание на санкции уголовно-правовых норм, которые по своему набору наказаний позволяют отдельным категориям лиц назначить только лишение свободы.

Кроме того, сохраняется проблема отказа некоторым лицам в замене неотбытой части наказания, от отбывания которого оно злостно уклонялось, иным наказанием, не связанным с изоляцией осужденного от общества. После внесения предложенных изменений в ч. 7 ст. 53.1 УК РФ инвалиды 1 группы, беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до 3 лет [*если данные женщины не получили отсрочку отбывания наказания на основании ч. 1 ст. 82 УК РФ*], по-прежнему не смогут претендовать на назначение принудительных работ и вынуждены отбывать лишение свободы в случае замены неотбытой части ограничения свободы, а инвалиды 2 группы и несовершеннолет-

ние – вынуждены отбывать лишение свободы в случае замены неотбытой части ограничения свободы, а также неотбытой части наказаний в виде обязательных и исправительных работ. Применительно к делам по нарушению инвалидами 2 группы и несовершеннолетними лицами порядка отбывания обязательных и исправительных работ решением проблемы является закрепление в ч. 3 ст. 49 и ч. 4 ст. 50 УК РФ возможности замены неотбытой части данных наказаний не только принудительными работами и лишением свободы, но и ограничением свободы. Учитывая положения ч. 1 ст. 71 УК РФ о соответствии 1 дня лишения свободы 2 дням ограничения свободы, 3 дням исправительных работ и 8 часам обязательных работ, в ч. 3 ст. 49 УК РФ следует указать, что замена наказаний производится из расчета 1 день ограничения свободы за 4 часа обязательных работ, а в ч. 4 ст. 50 УК РФ – из расчета 1 день ограничения свободы за 1.5 дня исправительных работ. Что касается дел о злостном уклонении от отбывания ограничения свободы, по итогам которых инва-

лидам 1 и 2 групп, беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 3 лет, несовершеннолетним в порядке ч. 5 ст. 53 УК РФ назначается только лишение свободы, то здесь трудно предложить какие-либо альтернативы для данных категорий осужденных, поскольку в лестнице наказаний после ограничения свободы наиболее строгим наказанием, альтернативным лишению свободы, являются принудительные работы. Единственным выходом из сложившейся ситуации может быть постановка вопроса об отмене в ч. 5 ст. 53 УК РФ процедуры замены неотбытой части ограничения свободы наказанием в виде принудительных работ, чтобы уравнивать правовое положение всех осужденных. Такое предложение является спорным, но заслуживающим особого внимания, поскольку перечень лиц, которым согласно ч. 7 ст. 53.1 УК РФ запрещено отбывать принудительные работы, может со временем расширяться за счет новых социальных групп, что в любом случае потребует выработки однозначной позиции по данной проблеме.

Литература

1. *Авдеева Е. В.* Актуальные вопросы реализации принудительных работ в условиях реформы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Адвокатская практика. 2020. № 3.
2. *Жильский Н. Н.* О новом виде уголовного наказания в Российской Федерации: принудительные работы // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 9. С. 89–99.
3. *Логинова А. А.* Проблемы применения наказания в виде принудительных работ // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 152–154.
4. *Мамедов Р. Я.* К вопросу о назначении и исполнении уголовного наказания в виде принудительных работ // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 38–42.

References

1. *Avdeeva E. V.* Aktual'nye voprosy realizacii prinuditel'nyh rabot v usloviyah reformy ugovol'nogo i ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva // Advokatskaya praktika. 2020. № 3.

2. *Zhil'skij N. N.* О новом виде уголовного наказания в Российской Федерации: принудительные работы // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2018. № 9. С. 89–99.

3. *Loginova A. A.* Problemy primeneniya nakazaniya v vide prinuditel'nyh rabot // *Yurisprudenciya, gosudarstvo i pravo: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: sbornik statej II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Penza, 2020. С. 152–154.

4. *Mamedov R. Ya.* К вопросу о назначении и исполнении уголовного наказания в виде принудительных работ // *Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018. № 3. С. 38–42.

Сведения об авторе

Исаков Владислав Сергеевич: Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск, Российская Федерация), аспирант кафедры уголовного права Юридического института. E-mail: vladislav.isakov.97@mail.ru

Information about the author

Isakov Vladislav Sergeevich: National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), postgraduate student at the Chair of Criminal Law of the Law Institute. E-mail: vladislav.isakov.97@mail.ru

УДК 343.852

А. С. Морозов

О РЕАЛИЗАЦИИ РАЗДЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛИДЕРОВ И АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ ГРУППИРОВОК ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, А ТАКЖЕ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ДРУГИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ОСУЖДЕННЫХ

В условиях изоляции спецконтингента в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации часто встречаемой становится ситуация, при которой одни осужденные (подозреваемые, обвиняемые) оказывают негативное воздействие на других. Вызвано это зачастую наличием у одних криминального опыта, опыта отбывания наказания в виде лишения свободы (содержания под стражей), зараженностью правилами и обычаями криминальной субкультуры.

В статье рассматривается возможность восполнения пробела правового регулирования раздельного содержания лидеров уголовно-преступной среды посредством обращения к институту обеспечения личной безопасности осужденного, а именно – водворения в безопасное место, в рамках которого возможно изолированное содержание осужденного с сохранением условий отбывания наказания. Анализируется современное состояние помещений для изолированного содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых, а также количество осужденных, подозреваемых и обвиняемых,

состоящих на профилактическом учете в качестве лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также лиц, оказывающих негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Делается вывод о наличии свободных помещений для раздельного содержания данной категории осужденных в помещениях штрафных изоляторов, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, одиночных камерах, дисциплинарных изоляторах, карцерах, отряде строгих условий отбывания наказания.

Ключевые слова: раздельное содержание, безопасное место, ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ДИЗО, одиночная камера, карцер.

A. S. Morozov

**ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF SEPARATE
DETENTION IN RELATION TO THE LEADERS AND ACTIVE
PARTICIPANTS OF GROUPS OF A NEGATIVE ORIENTATION,
AS WELL AS PERSONS WHO HAVE A NEGATIVE IMPACT
ON OTHER SUSPECTS, ACCUSED AND CONVICTED**

In the conditions of isolation of the special agent in the institutions of the penitentiary system of the Russian Federation, a situation in which some convicts (suspects, accused) have a negative impact on others becomes common. This is often caused by the presence of criminal experience in some, the experience of serving a sentence in the form of imprisonment (detention), infection with the rules and customs of the criminal subculture.

The article considers the possibility of filling the gap in the legal regulation of the separate detention of the leaders of the criminal environment by contacting the institution of ensuring the personal safety of the convicted person, namely, placement in a safe place, within which the isolated detention of the convicted person is possible while maintaining the conditions of serving the sentence. The article analyzes the current state of the premises for the isolated detention of convicts, suspects and accused, as well as the number of convicts, suspects and accused who are on preventive registration as leaders and active participants in groups of negative orientation, as well as persons who have a negative impact on other suspects, accused and convicted. The conclusion is made about the availability of free premises for the separate detention of this category of convicts in the premises of penal isolators, cell-type rooms, single cell-type rooms, solitary cells, disciplinary isolators, punishment cells, a detachment of strict conditions for serving a sentence.

Keywords: separate detention, safe place, punishment cell, a chamber-type room, a single chamber-type room, disciplinary detention center, solitary cell, punishment cell.

Принцип раздельного содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых закреплен в ст. 80 УИК РФ и ст. 33 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Отдельные аспекты реализации данного принципа по сей день остаются предметом дискуссии

в правовой доктрине [7, с. 63-72].

Основными целями раздельного содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых являются: 1) недопущение негативного влияния одних категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых на другие категории (лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы в отношении лиц, ранее не отбывавших

наказание в виде лишения свободы); 2) обеспечение личной безопасности осужденных, подозреваемых и обвиняемых.

Негативное влияние одних категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей на другие, как правило, связано с наличием у них криминального опыта, опыта отбывания наказания в виде лишения свободы (содержания под стражей), зараженностью правилами и обычаями криминальной субкультуры: лица, которые ранее отбывали наказание в виде лишения свободы, приобрели криминальный опыт и более запущены в социально-нравственном отношении, чем лица, которые осуждены впервые. В силу этого, все лица, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы (содержавшиеся под стражей), в той или иной степени являются носителями норм деструктивного поведения, которые могут передать лицам, отбывающим наказание (содержащимся под стражей) впервые. Но криминальная зараженность осужденных и лиц, содержащихся под стражей, не всегда связана с наличием опыта отбывания наказания в виде лишения свободы или содержания под стражей. Зачастую развитие девиантных и делинквентных установок противоправного поведения, обучение нормам и традициям криминальной субкультуры, осуществляется в уголовно-преступной среде за пределами пенитенциарных учреждений, в рамках функционирования различного рода преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций), в силу чего даже лицо, впервые привлекаемое к уголовной ответственности может представлять опасность распространения криминальной идеологии: «определенную опасность может представлять любой гражданин, а не только осужденный, ранее отбывавший наказание в виде лишения свободы». При этом «с определенной долей уверенности можно утверждать, что каждый из отбывающих наказание в виде лишения свободы криминально заражен, но не кри-

минально заражен. Ведь говоря о необходимости раздельного содержания осужденных, мы произвольно говорим именно о криминальной зараженности» [5, с. 125-126].

К числу основных субъектов пропаганды норм и традиций криминальной субкультуры, субъектов вербовки вступления в ряды криминального сообщества, «субъектов криминальной зараженности» следует отнести т. н. «воров в законе», «положенцев», «смотрящих» и иные категории лиц, занимающие лидирующее положение в преступной иерархии. Одной из их основных функций является пропаганда среди осужденных криминального образа жизни, «воровской морали», «этики», «справедливости», принятие мер по расширению группировки, привлечению осужденных, одобряющих «воровские» традиции и обычаи [1, с. 20; 2, с. 20]. При этом следует обратить внимание на то, что данная категория лиц может не иметь опыта отбывания наказания или содержания под стражей, т. е. с формальной точки зрения относиться к числу осужденных (подозреваемых, обвиняемых), ранее не отбывавших наказание в виде лишения свободы, и, соответственно, содержаться совместно с лицами, не имеющими криминального опыта, не являющимися носителями норм криминальной субкультуры, что создает плодотворную почву для их пропагандистской деятельности.

О необходимости раздельного содержания рассматриваемой категории лиц отмечалось в Рекомендации Комитета министров Совета Европы (1982) о содержании под стражей и обращении с опасными заключенными: «В случае необходимости опасные преступники должны содержаться в пенитенциарных учреждениях, расположенных далеко от места, где преступные организации имеют сильное присутствие. Эти опасные преступники не должны быть в состоянии вести преступную деятельность, находясь в заключении (например,

они не должны иметь возможность передавать приказы своим сообщникам, которые находятся за пределами исправительного учреждения)» [6, с. 18]. Так, по справедливому замечанию А. А. Крымова, «при отбывании наказания в местах лишения свободы одного осужденного за экстремизм или терроризм, оттуда уже выходят 3-5, а то и больше убежденных сторонников радикальных течений». По его мнению, «10 % террористов были завербованы в местах заключения» [3, с. 12].

Думается, данное утверждение в равной степени справедливо и по отношению к иным лицам, осуществляющим пропаганду норм преступного поведения, вербовку вступления в преступные организации, таким как:

1. Лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других осужденных;
2. Организующие и провоцирующие групповое противодействие требованиям администрации;
3. Изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию;
4. Отбывающие наказание за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки;
5. Склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов.

В целях недопущения развития криминальной идеологии (в т. ч. экстремистской) в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, Федеральной службой исполнения наказаний был издан ряд указаний и рекомендаций, направленных на обеспечение изолированного содержания лидеров уголовно-преступной среды от всех иных категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей (как ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, так и ранее не отбывавших наказание

в виде лишения свободы). Так, в частности, указание ФСИН России от 20.08.2013 № исх-08-27818 «Об изоляции лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности» предписывает «организовать постановку на профилактический и оперативный учеты 100 % лидеров и активных участников групп отрицательной направленности, *обеспечив их изоляцию от основной массы спецконтингента*»; указание ФСИН России от 25.02.2014 № исх-08-7633 предписывает «принять конкретные меры *по изоляции осужденных*, оказывающих деструктивное влияние на обстановку в ИУ».

К сожалению, ни действующий Приказ Министерства юстиции РФ от 20.05.2013 № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы», ни иные нормативные правовые акты, регулирующие порядок исполнения наказаний и содержания под стражей, не содержат правовых ограничений в отношении лиц, поставленных на профилактический учет, в том числе, в отношении лиц, являющихся лидерами и активными участниками группировок отрицательной направленности, т. е. лиц, непосредственно осуществляющих криминальную зараженность иных категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых. В настоящее время отсутствуют правовые механизмы, позволяющие реализовать требования ФСИН России о необходимости изолированного содержания лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности от иных категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых: их изоляция может быть связана лишь с совершением дисциплинарного проступка или иного правонарушения, признания злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, переводом в безопасное место и иными юридически-

ми фактами.

Действующее уголовно-исполнительное законодательство предусматривает следующие правовые основания по внутренней изоляции одних категорий осужденных (лиц, содержащихся под стражей) от других:

1. Раздельное содержание осужденных и лиц, содержащихся под стражей в соответствии со ст. 80 УИК РФ и ст. 33 Федерального закона № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

2. Применение мер взыскания в виде водворения осужденных в штрафной изолятор, помещение камерного типа, единое помещение камерного типа, одиночную камеру за нарушение установленного порядка исполнения (отбывания) наказания; водворение подозреваемых и обвиняемых в карцер за нарушение установленного порядка содержания под стражей (ст. 115 УИК РФ; ст. 40 ФЗ № 103 «О содержании под стражей...»).

3. Признание злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания и перевод в отряд со строгими условиями отбывания наказания.

4. Перевод осужденного (лица, содержащегося под стражей) в безопасное место (ч. 3 ст. 13 УИК РФ, ст. 19 Федерального закона № 103-ФЗ «О содержании под стражей...»).

Ни одно из указанных выше оснований не предполагает правового механизма изоляции лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности от иных категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Особенностью лиц, занимающих лидирующее положение в преступной иерархии является законспирированный характер совершения противоправных деяний, заключающийся в дистанцировании от непосредственного участия в совершении преступлений и иных правонарушений, воздержании от их непосредственного

совершения, что с формально-юридической точки зрения в подавляющем большинстве случаев не позволяет привлечь их к дисциплинарной и иным видам юридической ответственности: «на современном этапе в деятельности исправительных учреждений большую опасность представляют лидеры преступных группировок, которые не допускают нарушений установленного порядка отбывания наказания, и их изоляция от общей массы представляется действительно сложной» [4, с. 89].

Тем не менее, на сегодняшний день распространена практика изоляции лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности, а также иных «высокопоставленных» представителей уголовно-преступной среды посредством привлечения их к дисциплинарной ответственности в виде водворения в штрафной изолятор, помещение камерного типа, единое помещение камерного типа, карцер, а также перевода в отряд со строгими условиями отбывания наказания нередко по отсутствующим или «натянутым» основаниям: курение в неположенном месте некурящим осужденным; наличие пыли в прикроватной тумбочке; неопрятный внешний вид; отчуждение продуктов питания, находящихся в личном пользовании в пользу других осужденных и т. п.

Подобного рода злоупотребление правом со стороны персонала учреждений уголовно-исполнительной системы, думается, связано со стремлением выполнения поставленных задач при отсутствии юридических возможностей по их реализации. Так в сложившейся практике функционирования ЕПКТ (думается, речь может идти также и о иных «изолированных помещениях», таких, как ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ, ДИЗО, одиночных камерах, карцерах, помещениях отряда СУОН), их основными задачами являются: 1) изоляция и исключение фактов влияния лидеров и активных участников групп осужденных отрицательной направленности на основную

массу осужденных с целью дестабилизации оперативной обстановки; 2) исключение взаимодействия осужденных, содержащихся в ЕПКТ, и криминалитета, находящегося на свободе; 3) осуществление оперативно-профилактической работы, направленной на развенчание лидеров уголовно-преступной среды, а также принижение роли лидеров и активных участников групп осужденных отрицательной направленности. Наличие дисциплинарного взыскания при этом, зачастую, является лишь «способом» решения оперативно-служебных задач, а не результатом факта совершения осужденным (подозреваемым, обвиняемым) нарушения установленного порядка отбывания наказания (содержания под стражей).

Указанные помещения, помимо очевидной функции обеспечения изолированного содержания осужденных и лиц, содержащихся под стражей, также выполняют функцию по ограничению их прав и свобод в рамках отбываемого дисциплинарного взыскания: ограничивается право на получение посылок (передач) и бандеролей, на краткосрочные и длительные свидания, право пользования вещами и предметами первой необходимости и т. д. Таким образом, решение оперативно-служебных задач по изолированному содержанию лидеров уголовно-преступной среды посредством водворения в различного рода изолированные помещения, имеет побочный эффект в виде необоснованного и, по сути, неправомерного ограничения прав и свобод человека и гражданина.

В целях решения данной проблемы следует обратиться к институту обеспечения личной безопасности осужденных к лишению свободы. Статья 13 УИК РФ предусматривает возможность перевода осужденного в безопасное место при возникновении угрозы его личной безопасности. В соответствии с главой IV Приложения № 2 к Приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутрен-

него распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (далее – ПВР ИУ) в качестве безопасного места для осужденных к лишению свободы, помимо других помещений, могут быть использованы камеры дисциплинарного изолятора, штрафного изолятора, помещения камерного типа, единого помещения камерного типа и одиночные камеры (п. 28 ПВР ИУ). При этом, перевод осужденного к лишению свободы в безопасное место, в том числе камеры ДИЗО, ШИЗО, ПКТ, ЕПКТ и одиночные камеры, при возникновении угрозы его личной безопасности со стороны других осужденных к лишению свободы или иных лиц, мерой взыскания не является (п. 30 ПВР ИУ), а ограничения, предусмотренные главой XXXIV ПВР ИУ «Особенности содержания осужденных к лишению свободы в дисциплинарных изоляторах, штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, одиночных камерах» на осужденного к лишению свободы, переведенного в безопасное место, *не распространяются*.

Думается, рассмотренные правовые положения о порядке содержания в безопасном месте могут быть экстраполированы на порядок обеспечения раздельного содержания некоторых категорий осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в частности – в отношении лиц, поставленных на профилактический учет в качестве лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности. Данное положение может быть реализовано посредством внесения дополнений в Приказ Министерства юстиции РФ от 20.05.2013 № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы», предусмотрев ограничение прав

и возложение дополнительных обязанностей в отношении каждой из категорий лиц, поставленных на профилактический учет в зависимости от вида профилактического учета, а также внесения дополнения в ст. 80 УИК РФ, предусмотрев возможность изолированного содержания в помещениях ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камерах, запираемых помещениях отряда строгих условий отбывания наказания лиц, поставленных на профилактический учет на тех условиях отбывания наказания исправительного учреждения того вида режима, на которых они отбывают наказание.

Реализация предлагаемых мер представляется возможной, т. к. ежегодно не в полной мере используются ресурсы единых помещений камерного типа, а также иных помещений изолированного содержания осужденных, подозреваемых и обвиняемых. Так по состоянию на 01.01.2022 в учреждениях территориальных органов ФСИН России функционировало 118 ЕПКТ (АППГ – 119) с лимитом наполнения 3 673 места (АППГ – 3 653). Количество осужденных, переведенных в ЕПКТ, в сравнении с АППГ увеличилось с 2 113 до 2 170 чел., или на 2,6 %. Среднесписочная численность содержащихся в ЕПКТ осужденных составила 1 176 человек или 32 % (АППГ – 35,3 %) от имеющихся мест. В отдельных территориальных органах эффективность использования ЕПКТ была еще ниже: например, в ГУФСИН России по Кемеровской области-Кузбассу она составляет 9,2 %¹. На декабрь 2022 года лимит наполнения ЕПКТ составил 3 468 (АППГ – 3 673) места, а среднесписочная численность осужденных, содержащихся в ЕПКТ составила

1 078 (АППГ – 1 176) человек². Анализ ежегодной наполняемости ЕПКТ свидетельствует о наличии более двух тысяч свободных мест, что составляет 60 % лимита наполнения ЕПКТ, не говоря уже о наличии свободных мест в иных изолированных помещениях: ШИЗО, ПКТ, ДИЗО, одиночных камерах, карцерах, помещениях отряда СУОН, а также о том, что часть лиц, содержащихся в ЕПКТ уже поставлены на профилактический учет в качестве лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности.

Ежегодно на профилактическом учете как «лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других осужденных» содержится порядка 1300-1500 человек, что в полной мере позволяет изолировать данную категорию лиц за счет бюджета мест ЕПКТ.

На основании изложенного выше, представляется необходимым внести изменения в следующие нормативные правовые акты:

1) В Приказе Министерства юстиции РФ от 20.05.2013 № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» предусмотреть ограничение прав и возложение дополнительных обязанностей в отношении каждой из категорий лиц, поставленных на профилактический учет в зависимости от вида профилактического учета;

2) внести дополнение в ст. 80 УИК РФ «Раздельное содержание осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях», предусмотреть возможность изолированного содержания

¹ Письмо Минюста России от 09.03.2022 № исх-03-14400 «О функционировании единых помещений камерного типа».

² Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь-декабрь 2022 г.: информационно-аналитический сборник. ФКУ НИИИТ ФСИН России. Тверь. 2023 г. С. 49.

в помещениях ШИЗО, ДИЗО, ПКТ, ЕПКТ, одиночных камерах, запираемых помещениях отряда строгих условий отбывания наказания лиц, поставленных на профилактический учет на тех условиях отбывания наказания исправительного учреждения того вида режима, на которых они отбывают наказание.

Литература

1. Барабанов Н. П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «Воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. № 1 (19). 2015. С. 17–25.
2. Барабанов Н. П., Михайлин В. В., Моисеев Н. Д. Понятийная характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. № 3 (21). 2015. С. 16–24.
3. Крымов А. А. Некоторые аспекты взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний с Русской православной церковью по противодействию прозелитизму и вербовке адептов неоязычества, радикального ислама, псевдорелигиозного экстремизма // Противодействие прозелитизму и вербовке адептов неоязычества, радикального ислама, псевдорелигиозного экстремизма и его крайнего проявления в социально-политической жизни общества – терроризма: профилактика их негативного воздействия на осужденных в местах отбывания уголовного наказания: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2016. С. 11–13.
4. Савушкин С. М. Дифференциация осужденных к лишению свободы в новых условиях обеспечения безопасности // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1 (47). С. 86–91.
5. Савушкин С. М. Криминальная зараженность осужденных к лишению свободы как фактор их дифференциации // Ius Publicum et Privatum. 2022. № 4 (19). С. 124–130.
6. Савушкин С. М. Международные стандарты в области дифференциации осужденных к лишению свободы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 15–20.
7. Савушкин С. М. Цели уголовно-исполнительной системы и проблемы дифференциации осужденных к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2020. № 3 (44). С. 63–72.

References

1. Barabanov N. P. Kriminal'naya subkul'tura osuzhdennykh v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah: «Vory v zakone», «vorovskie gruppirovki», lidery ugovovno-prestupnoj sredy, kriminal'nye «avtoritety» // Uголовно-исполнител'noe pravo. № 1 (19). 2015. S. 17–25.
2. Barabanov N. P., Mihajlin V. V., Moiseev N. D. Ponyatijnaya harakteristika kriminal'noj subkul'tury osuzhdennykh // Uголовно-исполнител'noe pravo. № 3 (21). 2015. S. 16–24.
3. Krymov A. A. Nekotorye aspekty vzaimodejstviya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy s Russkoj pravoslavnoj cerkov'yu po protivodejstviyu prozelitizmu i verbovke adeptov neoyazychestva, radikal'nogo islama, psevdoreligioznogo ekstremizma // Protivodejstvie prozelitizmu i verbovke adeptov neoyazychestva, radikal'nogo islama, psevdoreligioznogo ekstremizma i ego krajnego proyavleniya v social'no-politicheskoj zhizni obshchestva – terrorizma: profilaktika ih negativnogo vozdejstviya na osuzhdennykh v mestah otbyvaniya ugovovnogo nakazaniya: sb. materialov IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ryazan', 2016.

S. 11–13.

4. *Savushkin S. M.* Differenciaciya osuzhdennyh k lisheniyu svobody v novyh usloviyah obespecheniya bezopasnosti // *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2022. № 1 (47). S. 86–91.

5. *Savushkin S. M.* Kriminal'naya zarazhennost' osuzhdennyh k lisheniyu svobody kak faktor ih differenciacii // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 4 (19). S. 124–130.

6. *Savushkin S. M.* Mezhdunarodnye standarty v oblasti differenciacii osuzhdennyh k lisheniyu svobody // *Nauchnye vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*. 2017. № 2 (65). S. 15–20.

7. *Savushkin S. M.* Celi ugolovno-ispolnitel'noj sistemy i problemy differenciacii osuzhdennyh k lisheniyu svobody // *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2020. № 3 (44). S. 63–72.

Сведения об авторе

Морозов Алексей Сергеевич: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), доцент кафедры организации режима в уголовно-исполнительной системе, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

Morozov Alexey Sergeevich: Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Regime Organization in the Penal System, Candidate of Law, Associate Professor.

УДК 343.811

Н. И. Нарышкина, О. М. Писарев

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ И ОТБЫВАНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

В статье подвергаются критическому анализу отдельные положения Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы», в части, касающейся исполнения и отбывания уголовного наказания в виде принудительных работ.

Отмечается, что, несмотря на продолжающийся рост числа исправительных центров (участков, функционирующих как исправительные центры) и количества содержащихся в них осужденных, а также постоянные коррективы отечественного

уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в настоящее время существует ряд пробелов в нормативном правовом регулировании и юридических коллизий, препятствующих эффективной деятельности учреждений, исполняющих принудительные работы. Авторы приходят к выводу о необходимости внесения изменений и дополнений в ведомственные нормативные правовые акты, предлагают к изучению круг проблемных вопросов, касающихся: предметов, запрещенных к приобретению, хранению и использованию в исправительных центрах; общественного контроля и введения режима особых условий в исправительных центрах; образования осужденных, с последующим их решением, и вносят соответствующие предложения по совершенствованию правового регулирования института принудительных работ.

Ключевые слова: осужденный, наказание, принудительные работы, места принудительного содержания, исправительные центры, запрещенные предметы, общественный контроль, режим особых условий, образование.

N. I. Naryshkina, O. M. Pisarev

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ENFORCEMENT AND SERVING CRIMINAL PENALTY FORCED LABOR

The article critically analyzes certain provisions of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, the Internal Regulations of correctional centers of the Penal enforcement system of the Russian Federation, approved by the order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022. No. 110 «On Approval of the Internal Regulations of Pre-Trial Detention Facilities of the penal Enforcement system, the Internal Regulations of Correctional Institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the penal enforcement system», in the part concerning the execution and serving of criminal punishment in the form of forced labor.

It is noted that, despite the continued growth in the number of correctional centers (sites functioning as correctional centers) and the number of convicts held in them, as well as constant adjustments to domestic criminal and penal enforcement legislation, there are currently a number of gaps in regulatory legal regulation and legal conflicts that hinder the effective operation of institutions performing forced labor. The authors come to the conclusion that it is necessary to make amendments and additions to departmental regulatory legal acts, propose to study a range of problematic issues related to: items prohibited from acquisition, storage and use in correctional centers; public control and the introduction of special conditions in correctional centers; education of convicts, with their subsequent solution, and make appropriate proposals for improving the legal regulation of the institution of forced labor.

Keywords: convict, punishment, forced labor, places of detention, correctional centers, prohibited items, public control, regime of special conditions, education.

Курс Российской Федерации на интеграцию в международное сообщество привел к значительным изменениям в целых отраслях российского законодательства: уголовно-процессуальном, уголовном, уголовно-исполнительном и др.

Например, коррективам подверглась система уголовных наказаний в части, касающейся существенного расширения сферы наказаний, альтернативных лишению свободы, за счет введения в нее в разные годы принципиально новых мер государ-

ственного принуждения: обязательных работ, принудительных работ, ограничения свободы, ареста. Соответственно, был определен и законодательно урегулирован порядок применения на практике каждого из них.

Принудительные работы как вид уголовного наказания включены в ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) только в 2011 году, хотя исправительный центр (далее – ИЦ) как учреждение, исполняющее данную меру государственного принуждения в настоящее время, был закреплён в ст. 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) ещё в 2001 году, когда законодателем было определено, что ИЦ будут исполнять уголовное наказание в виде ограничения свободы.

С 2001 по 2011 годы карательная сущность и правовая природа ограничения свободы кардинально изменились, поэтому их исполнение было возложено на уголовно-исполнительные инспекции, а ИЦ де-юре должны были исполнять принудительные работы, потому что де-факто этот процесс начался только в 2017 году.

Несмотря на довольно длительный срок, прошедший с момента законодательного закрепления принудительных работ до фактического их назначения, исполнения и отбывания, это наказание не только расширило спектр альтернативных лишению свободы мер государственного принуждения, реально применяющихся в Российской Федерации, но и стало набирать популярность.

Социальную важность принудительных работ подчеркивает и Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, относя к числу вы-

зовов, стоящих перед системой исполнения наказаний, целесообразность и необходимость развития и расширения сети ИЦ.

На момент начала назначения судами принудительных работ на территории Российской Федерации функционировали только 2 ИЦ [1, с. 49], а по состоянию на 01.11.2022, согласно официальным статистическим данным Федеральной службы исполнения наказаний, действовали уже 43 ИЦ и 252 изолированных участков, функционирующих как исправительные центры (далее – УФИЦ), на учете которых состояли 13 224 осужденных. Всего через 2 месяца количество ИЦ увеличилось до 46 (+ 3), а УФИЦ – до 321 (+ 69)¹. ИЦ и УФИЦ действуют или готовятся к вводу в эксплуатацию в 22 республиках из 24, 2 городах федерального значения из 3, 9 краях из 9, 1 автономной области из 1, 2 автономных округах из 4, 45 областях из 48 (данные представлены по состоянию на 1 ноября 2022 г. без учета ИЦ, УФИЦ Луганской Народной Республики, Донецкой Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей, принятых в Российскую Федерацию в соответствии с федеральными конституционными законами № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ от 04.10.2022)².

Приведенные данные статистики свидетельствуют, что ИЦ, УФИЦ располагаются в подавляющем большинстве регионов Российской Федерации, что позволяет осужденным отбывать наказание в пределах тех субъектов, где они проживали или были осуждены, что, в свою очередь, позволяет им поддерживать более тесные связи с родными и близкими, а также снижает государственные расходы на оплату проезда к месту отбывания наказания и на этапирование (в случаях, когда не разрешается самостоятельное следование осужденных к месту отбывания наказания).

¹ Сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 03.02.2023).

² Сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/> (дата обращения: 03.02.2023).

Рост числа ИЦ, УФИЦ, а также количества содержащихся в них осужденных обусловили определенный интерес со стороны ученых к исследованию исторических, теоретических, правовых и организационных аспектов, а также проблематики назначения, исполнения и отбывания принудительных работ.

В частности, А. С. Гусев и А. В. Змунчила изучают проблему привлечения осужденных к принудительным работам к общественно полезному труду, предлагая интересный и неординарный вариант ее решения [1, с. 49–53]. Акцентируется внимание также на имеющихся пробелах правового регулирования в сфере изъятия у осужденных запрещенных предметов [2, с. 15–18]. Л. П. Питкевич, И. А. Лакина, в свою очередь, исследуют криминогенный состав осужденных к принудительным работам и изучают опыт профилактики криминальной субкультуры в ИЦ [6]. Э. В. Лядов и Ф. В. Грушин проводят комплексное исследование рассматриваемого наказания в рамках учебного пособия [4].

Карательная сущность принудительных работ такова, что обязывает осужденного трудиться и ограничивает свободу его передвижения, но при этом приносит реальную экономическую выгоду и самому осужденному, и государству, а также позволяет сохранить социально-полезные связи осужденных, облегчает процесс их адаптации в обществе и ресоциализации.

В процессе исполнения наказания в виде принудительных работ применяются основные средства исправления осужденных, перечисленные в ст. 9 УИК РФ.

Особое место уделяется привлечению осужденных к общественно полезному труду, но на территории ИЦ и УФИЦ также соблюдаются режимные требования, осуществляется воспитательная работа, общественное воздействие, осужденные могут получать образование и профессию.

Не случайно, деятельность ИЦ урегулирована довольно большим количеством законодательных и подзаконных нормативных правовых актов, которые направлены на определение организационной структуры ИЦ, УФИЦ, правового положения осужденных к принудительным работам, назначения данного наказания, а также порядка и условий его исполнения и отбывания, специфики применения основных средств исправления осужденных.

Вместе с тем анализ положений нормативных актов, регламентирующих вопросы назначения, исполнения и отбывания принудительных работ, показывает наличие определенных правовых пробелов и коллизий. В. Ф. Лапшин вообще считает, что исследование нормативно-правового регулирования принудительных работ показывает наличие определенных недостатков, и предлагает вместо формального создания новых видов уголовных наказаний обеспечить дифференцированное смягчение условий отбывания наказания в виде лишения свободы [3, с. 65–66].

Однако законодатель все же пытается нормативно совершенствовать институт назначения, исполнения и отбывания принудительных работ. В качестве примера можно указать, что до недавнего времени в ст. 53.1 УК РФ в качестве категории изъятия при назначении принудительных работ фигурировали женщины, достигшие 55 лет, мужчины, достигшие 60 лет.

Под категорией женщин и мужчин, достигших определенного УК РФ возраста, законодатель, очевидно, понимал лиц, достигших возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации, и, следовательно, не обязанных работать.

Под возрастом, дающим право на назначение страховой пенсии по старости, понимается возраст, установленный ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях», а имен-

но 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин (далее – ФЗ № 400). Однако в соответствии со ст. 8, 30, приложениями № 5 и № 6 к ФЗ № 400 возможность получения названной страховой пенсии может возникнуть у человека и в ином возрасте.

Таким образом, положения УК РФ вступали в коллизию с нормами ФЗ № 400 в части, касающейся определения возрастной границы при назначении принудительных работ. Думается, что в этом случае первичным источником должен выступать ФЗ № 400, как основной закон, регулирующий возраст, с которого граждане могут получать пенсию по старости и работать исключительно по собственному желанию.

Соответственно, очевидным и целесообразным представлялось ч. 7 ст. 53.1 УК РФ изложить в следующей редакции, закрепив следующую бланкетную норму: «Принудительные работы не назначаются ... лицам, достигшим возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации». Тем более, что ст. 103 УИК РФ, например, уже давно закрепила данное положение применительно к тем категориям осужденных, лишенных свободы, которые не обязаны трудиться.

Данное несоответствие ст. 53.1 УК РФ нормам ФЗ № 400 существовало довольно длительное время, но все же было устранено в связи с принятием Федерального закона от 03.04.2023 № 111-ФЗ «О внесении изменения в статью 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», что можно расценить как положительный момент в сфере правового регулирования исследуемого института. Также целый блок изменений и дополнений, но уже касающихся исполнения и отбывания принудительных работ, вступит в силу с 01.10.2023 в соответствии с Федеральным законом от 03.04.2023 № 102-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации».

Еще одним примером «своевременного» реагирования законодателя на юридические коллизии, существующие в сфере назначения, исполнения и отбывания принудительных работ, следует считать принятие Федерального закона от 05.12.2022 № 497-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – ФЗ № 497).

Одним из субъектов, к кому могут обращаться с предложениями, заявлениями и жалобами осужденные, названы общественные наблюдательные комиссии (далее – ОНК), осуществляющие общественный контроль в соответствии со ст. 23 УИК РФ и Федеральным законом от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – ФЗ № 76).

Однако с 2017 года, то есть времени начала фактического назначения и исполнения принудительных работ, и вплоть до принятия в конце 2022 года ФЗ № 497, существовали довольно сильные противоречия между УИК РФ и ФЗ № 76 в сфере осуществления общественного контроля в ИЦ.

Статья 23 УИК РФ говорила о том, что общественный контроль за обеспечением прав человека в ИЦ осуществляется ОНК и их членами в порядке, установленном ФЗ № 76. Однако в ст. 2 ФЗ № 76 дается исчерпывающий перечень мест принудительного содержания, где может осуществляться общественный контроль, и ИЦ в данном перечне отсутствовали. Поэтому, с одной стороны, УИК РФ разрешал осуществление общественного контроля в ИЦ, с другой стороны, ФЗ № 76, являющийся базовым законодательным ак-

том в этой сфере, запрещал. Хотя по всем своим характеристикам и правовой природе ИЦ является местом принудительного содержания.

С 04.06.2023 это противоречие между названными актами, наконец, устранено, и исправительные центры включены в перечень мест принудительного содержания, как исполняющие принудительные работы (ч. 2 ст. 2 ФЗ № 76). А осужденные к принудительным работам, соответственно, приравнены к лицам, находящимся в местах принудительного содержания (ч. 1 ст. 2 ФЗ № 76).

Но все же, несмотря на принятие вышеуказанных федеральных законов, определенные пробелы правового регулирования остаются, и их немало. А несовершенство нормативных правовых актов, как известно, вызывает проблемы при их толковании и последующем применении в практической деятельности не только судов, но и учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС).

Рассмотрим некоторые проблемные аспекты правового регулирования института принудительных работ.

Помимо вышеназванных, категориями изъятия при назначении принудительных работ также являются беременные женщины и инвалиды первой или второй группы. Следовательно, наступление беременности или признание осужденного инвалидом соответствующей группы в течение срока наказания будут являться препятствиями для дальнейшего его отбывания. По логике, УИК РФ должен содержать нормы, касающиеся действий субъектов уголовно-исполнительных правоотношений в этих случаях. Статья 175 УИК РФ разрешает осужденным к принудительным работам в случаях признания инвалидом первой или второй группы или наступления беременности обратиться в суд с ходатайством о досрочном освобождении от отбывания наказания или о предоставле-

нии отсрочки отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам соответственно.

Однако здесь важно контролировать своевременность обращения в суд таких осужденных. Потому что неизвестно, как поступать сотрудникам ИЦ в том случае, если документы об инвалидности в наличии или наступил отпуск по беременности и родам, и осужденные больше не обязаны работать, а ходатайства в суд не направлены.

Далее перейдем к анализу подзаконных нормативных правовых актов. В соответствии с Правилами внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (далее – ПВР ИЦ), утвержденными приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 (далее – приказ Минюста России № 110), определяется перечень предметов и вещей, которые осужденному к принудительным работам запрещается приобретать, хранить и использовать (далее – запрещенные предметы) (Приложение № 1 к ПВР ИЦ).

Среди запрещенных предметов фигурируют, в частности, *предметы, изделия и вещества, изъятые из гражданского оборота*. В ст. 2 части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) дается лишь обозначение термина «гражданский оборот», не позволяющее сформировать целостного представления о сути того, что следует понимать под гражданским оборотом, и того, что считается из него изъятим.

Вообще как такового перечня предметов, изделий и веществ, изъятых из гражданского оборота, в ГК РФ нет. Но есть Указ Президента Российской Федерации от 22.02.1992 № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена», в котором среди прочих названы: драгоценные и редкоземельные металлы и изделия из них, вооружение,

боеприпасы к нему, военная техника, ракетно-космические комплексы, рентгеновское оборудование, боевые отравляющие вещества, уран.

Исходя из приведенных примеров, довольно сложно предположить их наличие у осужденных к принудительным работам. В качестве примера изъятых из гражданского оборота предметов, которые могут находиться у осужденного, следует указать контрафактную продукцию, но необходимо доказать незаконный характер ее происхождения. Полагаем, что данный пункт Приложения № 1 к ПВР ИЦ нуждается в конкретизации, например, в локальном акте территориального органа УИС.

К запрещенным ПВР ИЦ предметам относятся «все виды *алкогольных напитков*, дрожжи», а ч. 2 ст. 60.15 УИК РФ в число злостных нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ включает употребление *спиртных напитков*.

Однако Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – ФЗ № 171) в ст. 2 закрепляет термин «*алкогольная продукция*», которая подразделяется на следующие виды: спиртные напитки, вино, фруктовое, ликерное, игристое вино, винные напитки, пиво и изготавливаемые на его основе напитки, сидр, пуаре, медовуха. Соответственно, исходя из трактовки ч. 2 ст. 60.15 УИК РФ, злостным нарушением может быть признано употребление осужденными только спиртных напитков, к которым относятся, в частности, водка и коньяк (ст. 2 ФЗ № 171), а распитие, например, вина, шампанского или пива как злостное нарушение квалифицироваться не может [5, с. 77]. В связи с изложенным предлагается, п. «а» ч. 2 ст. 60.15 УИК РФ изложить в следующей редакции: «употребление алкогольной продукции ...».

Термин «алкогольные напитки» в тексте ФЗ № 171 не встречается. Соответственно указанное положение Приложения № 1 к ПВР ИЦ противоречит вышестоящему нормативному правовому акту. Ранее действовавшие ПВР ИЦ (приказ Минюста России от 29 декабря 2016 г. № 329) также включали словосочетание «алкогольные напитки». Привести терминологию в соответствие требованиям ФЗ № 171 можно было в новых ПВР ИЦ 2022 года, но этого не произошло. Учитывая изложенное выше, предлагается п. 3 Приложения № 1 к ПВР ИЦ изложить в следующей редакции: «все виды алкогольной продукции, дрожжи».

Пункт 8 Приложения № 1 к ПВР ИЦ к числу запрещенных в ИЦ предметов относит *татуировочные машинки и принадлежности к ним*. Вместе с тем отмечаем, что нанесение татуировок себе или иным лицам не рассматривается как нарушение порядка отбывания наказания в виде принудительных работ, в отличие от осужденных, лишенных свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся под стражей в порядке меры пресечения (приказ Минюста России № 110).

Таким образом, несмотря на принятие в 2022 году новых ПВР ИЦ, Приложение № 1 к ним по-прежнему нуждается в нормативном совершенствовании.

Далее обратимся к анализу отдельных положений основного текста ПВР ИЦ. В частности, п. 4 перечисляет права осужденных к принудительным работам, в числе которых есть возможность обращения с предложениями, заявлениями и жалобами в различные инстанции (пп. 4.6). Анализ перечня инстанций показывает, что большинство из них являются субъектами, осуществляющими контроль за деятельностью учреждений, исполняющих наказания, в соответствии с гл. 3 УИК РФ, за исключением органов местного самоуправления и общественных объединений.

Указанная в п. 4 формулировка права соответствует ч. 4 ст. 12 УИК РФ, в которой содержатся основные права осужденных к уголовным наказаниям.

Статья 15 УИК РФ закрепляет, что предложения, заявления, ходатайства и жалобы осужденных к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, лишению свободы, смертной казни, адресованные в контролирующие инстанции, передаются через администрацию учреждений и органов, исполняющих наказания, и цензуре не подлежат. Соответственно, осужденные к принудительным работам направляют предложения, заявления, ходатайства и жалобы самостоятельно, хотя, по логике, должны их направлять через администрацию ИЦ, тем более, что ИЦ признали местами принудительного содержания, о чем мы писали выше. Соответственно и переписка с контролируемыми инстанциями не должна подвергаться цензуре со стороны администрации ИЦ. Но УИК РФ и ПВР ИЦ не раскрывают порядок обращений осужденных (за исключением принятых в устной форме и поступивших во время приема по личным вопросам).

Статья 23 УИК РФ говорит о том, что члены ОНК при осуществлении общественного контроля за обеспечением прав человека в ИЦ, исправительных учреждениях (далее – ИУ) и дисциплинарных воинских частях (далее – ДВЧ) вправе беседовать с осужденными в условиях, позволяющих представителям администраций ИУ или представителям ДВЧ видеть их, но не слышать. Как поступать администрации ИЦ во время беседы осужденного с членами ОНК, не понятно.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что правовая регламентация общественного контроля в ИЦ нуждается в совершенствовании.

Мы считаем, что необходимо:

- дополнить ч. 4 ст. 15 УИК РФ категорией осужденных к принудительным

работам, что позволит определить порядок направления ими предложений, заявлений, ходатайств и жалоб в контролирующие инстанции через администрацию ИЦ;

- дополнить ст. 23 УИК РФ в части, касающейся действий администрации ИЦ при проведении беседы осужденного с членами ОНК;

- дополнить ПВР ИЦ разделом «Предложения, заявления, ходатайства и жалобы осужденных к принудительным работам», что позволит конкретизировать положения ст. 15 УИК РФ.

Пункт 122 ПВР ИЦ допускает введение режима особых условий в ИЦ. Основания и порядок введения *режима особых условий*, а также ограничения правового статуса осужденных раскрываются в ст. 85 УИК РФ, но применительно к ИУ.

Ни УИК РФ, ни ПВР ИЦ не закрепляют основания и порядок введения режима особых условий в ИЦ, в связи с чем, целесообразно дополнить ПВР ИЦ соответствующим разделом.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 273) содержит ст. 80, в которой говорится о том, что лицам, осужденным к принудительным работам, разрешается получение *среднего профессионального и высшего образования* в заочной форме обучения в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования (далее – образовательные организации) с учетом требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации к отбыванию соответствующего вида наказания. Соответственно, УИК РФ, ПВР ИЦ должны содержать указанные требования. Вместе с тем анализ норм этих документов свидетельствует, что УИК РФ (ч. 8 ст. 60.4) и ПВР ИЦ (пп. 4.13) всего лишь дублируют данное право осужденных, конкретизируя лишь, что образовательные организации должны находиться в пределах муниципального образования, на террито-

рии которого расположен ИЦ.

Думается, что порядок получения образования осужденными к принудительным работам должен быть более детально регламентирован.

Изложенное в настоящей статье свидетельствует, что, несмотря на внесение корректив в УК РФ и УИК РФ, а также принятие новых ПВР ИЦ, правовое регулирование института принудительных работ нуждается в дальнейшем совершенствовании. Нами определен ряд проблемных аспектов назначения, исполнения и отбы-

вания названного наказания и предложены меры нормативно-правового регулирования, направленные на их решение. Реализация внесенных предложений позволит привести уголовное и уголовно-исполнительное законодательство в соответствие с требованиями базовых нормативных актов в соответствующих областях, а также устранить пробелы нормативно-правового регулирования и юридические коллизии, препятствующие эффективному функционированию ИЦ (УФИЦ).

Литература

1. Гусев А. С., Змунчила А. В. Перспективы развития уголовного наказания в виде принудительных работ: правовые и организационные аспекты // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 3 (64). С. 49–53.
2. Гусев А. С., Коржова Е. А., Панькова А. А. Некоторые проблемы правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 4 (34). С. 15–18.
3. Лапшин В. Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 5. С. 55–67.
4. Лядов Э. В., Грушин Ф. В. Уголовное наказание в виде принудительных работ: правовое регулирование назначения и исполнения: учеб. пособие. Рязань : ИП Коняхин А.В. (Book Jet), 2021.
5. Нарышкина Н. И. Проблемы употребления алкогольной продукции в местах лишения свободы: история и современность // Социальные отношения. 2019. № 1 (28). С. 75–81.
6. Питкевич Л. П., Лакина И. А. Профилактика распространения криминальной субкультуры в исправительных центрах, в которых отбывают наказания осужденные к принудительным работам // Российский судья. 2022. № 7. С. 29–31.

References

1. Gusev A. S., Zmunchila A. V. Perspektivy razvitiya ugovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nyh rabot: pravovye i organizacionnye aspekty // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2022. № 3 (64). S. 49–53.
2. Gusev A. S., Korzhova E. A., Pan'kova A. A. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya ispolneniya ugovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nyh rabot // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. 2022. № 4 (34). S. 15–18.
3. Lapshin V. F. Prinuditel'nye raboty kak vid «vnesistemnogo» ugovnogo nakazaniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 5. S. 55–67.
4. Lyadov E. V., Grushin F. V. Ugolovnoe nakazanie v vide prinuditel'nyh rabot: pravovoe regulirovanie naznacheniya i ispolneniya : ucheb. posobie. Ryazan' : IP Konyahin A.V. (Book Jet), 2021.

5. *Naryshkina N. I. Problemy upotrebleniya alkohol'noj produkcii v mestah lisheniya svobody: istoriya i sovremennost' // Social'nye otnosheniya. 2019. № 1 (28). S. 75–81.*

6. *Pitkevich L. P., Lakina I. A. Profilaktika rasprostraneniya kriminal'noj subkul'tury v ispravitel'nyh centrakh, v kotoryh otbyvayut nakazaniya osuzhdennye k prinuditel'nyim rabotam // Rossijskij sud'ya. 2022. № 7. S. 29–31.*

Сведения об авторах

Нарышкина Наталья Игоревна: ВЮИ ФСИН России (г. Владимир, Российская Федерация), начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: natanaryshkina@mail.ru

Писарев Олег Михайлович: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: ti.okspvr@mail.ru

Information about the authors

Naryshkina Natalia Igorevna: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service (Vladimir, Russian Federation), head of the Department of penal law of the law faculty, candidate of law, associate Professor. E-mail: natanaryshkina@mail.ru

Pisarev Oleg Mikhailovich: Tomsk Institute of the professional development of employees of the FPS of Russia (Tomsk, Russian Federation), chief of the Department of Staff, Social, Psychological and Educational Work, candidate of psychology, associate Professor. E-mail: ti.okspvr@mail.ru

УДК 343.84

Е. Е. Новиков

О СОДЕРЖАНИИ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

В статье анализируются общие и специальные права, обязанности, законные интересы и запреты субъектов трудовых правоотношений, функционирующих в сфере исполнения уголовных наказаний.

Отмечается, что в УИК РФ по-разному, а в большинстве случаев – непоследовательно распределяются права, обязанности, законные интересы и запреты различных категорий осужденных, участвующих в трудовых отношениях. Нормы, касающиеся анализируемых трудовых правоотношений, хаотично рассеяны по закону. В связи с этим автором сформулирован блок следующих предложений,

© Новиков Е.Е., 2023

© Novikov E.E., 2023

способствующих решению выявленных проблем:

– во всех главах УИК РФ, регламентирующих исполнение уголовных наказаний, в период которых возникают трудовые правоотношения, должно содержаться указание (бланкетная норма) на привлечение осужденных к труду в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации;

– предлагается новая редакция ч. 5 ст. 104 УИК РФ, позволяющей урегулировать ряд вопросов предоставления трудящимся осужденным в условиях Крайнего Севера дополнительных отпусков;

– следует провести отдельный анализ закрепления в УИК РФ специальных прав, обязанностей, законных интересов и запретов трудящихся осужденных с целью включения соответствующих элементов правового положения в уголовно-исполнительное законодательство по мере необходимости в соответствии с содержанием уголовных наказаний, порядком их исполнения и условиями отбывания.

Ключевые слова: наказание, правовое положение, трудовые правоотношения, труд осужденных, средства исправления.

Е. Е. Novikov

ON THE CONTENT OF LABOR RELATIONS FUNCTIONING IN THE FIELD OF EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

The article analyzes general and special rights, obligations, legitimate interests and prohibitions of subjects of labor relations functioning in the field of execution of criminal penalties.

It is noted that in the Criminal Code of the Russian Federation, the rights, duties, legitimate interests and prohibitions of various categories of convicts involved in labor relations are distributed differently, and in most cases inconsistently. The norms concerning the analyzed labor relations are chaotically dispersed by law. In this connection, the author formulated a block of the following proposals that contribute to solving the identified problems:

– all chapters of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the execution of criminal penalties, during which labor relations arise, must contain an indication (blank norm) to attract convicts to work in accordance with the labor legislation of the Russian Federation;

– a new version of Part 5 of Article 104 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed, which allows to settle a number of issues of providing additional vacations to convicts working in the conditions of the Far North;

– it is necessary to conduct a separate analysis of the consolidation in the Criminal Code of the Russian Federation of special rights, duties, legitimate interests and prohibitions of convicted workers in order to include relevant elements of the legal situation in the penal enforcement legislation, as necessary, in accordance with the content of criminal penalties, the procedure for their execution and conditions of serving.

Keywords: punishment, legal status, labor relations, labor of convicts, means of correction.

Основные условия труда заключенных (за некоторыми исключениями) регулируются трудовым правом. Поэтому есть основания считать, что в порядке труда заключенных складываются специфические трудовые правоотношения.

А. Л. Ременсон (1965)

Прежде чем начать рассматривать содержание правоотношений, вытекающих из трудовой деятельности осужденных, следует отметить, что в разное время к вопросу, касающемуся привлечения осужденных к труду, обращалось как дореволюционное и советское правоведение, так и ученые-юристы современной России.

Поразительно, что еще менее чем 150 лет назад в дореволюционный период между учёными-юристами проходила активная дискуссия, касающаяся необходимости привлечения осужденных к труду и исправительного потенциала выполняемых работ. Сейчас этот вопрос однозначно решается в сторону необходимости включения осужденных в трудовую деятельность.

Такие корифеи юридической мысли, как И. Я. Фойницкий,

Н. С. Таганцев и др., однозначно выступали за необходимость давать осуждённым возможность вступать в трудовые отношения. Например, И. Я. Фойницкий, анализируя «тюремную работу», отмечал, что данный вид работ должен быть разнообразным, оплачиваемым, обязательным, не устрашающим и поддерживать «...въ надлежащей гармоніи систему его (т.е. осужденного – комментарий автора) органических силъ и доставлять бы ему средства независимой честной жизни по освобожденіи» [4, с. 368].

К советским ученым-юристам, изучающим проблемы привлечения осужденных к труду, можно отнести Н. А. Беляева, А. Л. Ременсона, Н. А. Муцинова, Л. Г. Крахмальника, Н. А. Стручкова и др. Именно в этот период развития пенитенциарной науки

формируется позиция о наличии особых трудовых правоотношений, функционирующих в период исполнения некоторых видов уголовных наказаний. Так, например, основатель Томской школы исправительно-трудоустройства А. Л. Ременсон на страницах своего диссертационного исследования одним из первых резюмировал, что основные условия труда осужденных (за редким исключением) регулируются трудовым правом [3, с. 37].

В последние годы существования советской власти и до принятия УИК РФ в научном сообществе была дискуссия между сторонниками обязательного труда (В. И. Селиверстов, В. Д. Филимонов и др.) и группой ученых (В. А. Уткин, Н. И. Ланкин, Л. М. Прокументов и др.), обосновывающих идею добровольности труда осужденных [1, с. 162].

В российской юридической специальной литературе некоторые аспекты привлечения осужденных к труду рассматривали П. А. Бондарев, Н. Н. Дерюга, А. В. Губенко, Н. И. Гуцал, Е. В. Емельянова и др. Однако среди современных представителей уголовно-исполнительной науки в контексте нашего исследования выгодно отличается работа И. С. Мирусина [2], содержащая анализ трудовых правоотношений, функционирующих в период нахождения осужденных в ИУ.

Тем не менее, отмечая высокую степень научной разработанности поставленной проблемы в теории уголовно-исполнительного права, комплекс вопросов, касающихся содержания трудовых правоотношений, остался «за бортом» научного внимания.

Итак, в теории трудового права *содержание* обычных трудовых правоотношений представляется как совокупность трудовых *прав* и *обязанностей* его субъектов, которые закреплены в первую очередь в трудовом законодательстве, а также, в соответствии со ст. 15 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), в коллективном договоре, соглашениях, локальных нормативных актах, трудовом договоре.

В то же время основные права и обязанности (ст. 21–22 ТК РФ) субъектов обычных правовых связей схожи, но не идентичны правам и обязанностям участников трудовых правоотношений, отбывающих различные виды уголовных наказаний. Отсюда следует, что все трудовые элемен-

ты правового положения осужденных условно можно разделить на две группы: *общие* и *специальные*.

Общие права/обязанности присущи всем субъектам правоотношений: как осужденным, так и лицам, не отбывающим уголовное наказание. Указанные элементы правового положения устанавливаются в первую очередь в нормах трудового законодательства (например, ст. 21 ТК РФ), и их большинство. В то же время некоторые общие права/обязанности также дублируются в уголовно-исполнительном законодательстве.

Анализ общих прав/обязанностей, закрепленных в УИК РФ, дал возможность увидеть следующую картину (см. табл. № 1).

Таблица № 1

Общие трудовые права/обязанности осужденных	вид уголовного наказания			
	обязательные работы (ст.26, ст. 28 УИК РФ)	исправительные работы (ст.40 УИК РФ)	принудительные работы (ст.60.4, 60.8, 60.21 УИК РФ)	лишение свободы (ст. 98, 102 – 104, ст. 112 – 113 УИК РФ)
общие обязанности				
соблюдать правила внутреннего распорядка организации, где работает осужденных	+	-	-	-
добросовестно относиться к труду	+	+	-	+
возместить причинённый вред работодателю	-	-	-	+
общие права				
возмещение вреда, полученного в результате выполнения работ	+	-	+	+
ежегодный оплачиваемый отпуск	-	+	+	+
на охрану труда	-	-	-	+

Общие трудовые права/обязанности осужденных	вид уголовного наказания			
	обязательные работы (ст.26, ст. 28 УИК РФ)	исправительные работы (ст.40 УИК РФ)	принудительные работы (ст.60.4, 60.8, 60.21 УИК РФ)	лишение свободы (ст. 98, 102 – 104, ст. 112 – 113 УИК РФ)
общие права				
на выполнение труда в соответствии с правилами техники безопасности	-	-	-	+
на выполнение труда в соответствии с правилами производственной санитарии	-	-	-	+
на увеличение оплачиваемого отпуска в связи с работай на предприятиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и т.п.	-	+		+
на оплату труда	-	-	-	+
на освобождение от работы в период сдачи экзаменов	-	-	-	+
на зачет периода оплачиваемой работы в общий трудовой стаж	-	-	-	+
на ведение работодателем трудовой книжки	-	-	+	+

Проведенный анализ показал, что в УИК РФ по-разному, а в большинстве случаев – непоследовательно распределяются общие права/обязанности различных категорий осужденных, участвующих в трудовых отношениях. Нормы, касающиеся анализируемых трудовых правоотношений, хаотично рассеяны по закону.

С одной стороны, данная позиция редко справедлива, так как ряд общих прав/обязанностей не может распространяться на некоторые группы трудящихся осужденных, что продиктовано содержанием

уголовных наказаний, которые они отбывают. Например, осужденные, участвующие в трудовых отношениях, в связи с отбыванием обязательных работ не имеют прав на отпуск, оплату труда, что логично и соответствует карательной сущности соответствующего наказания.

С другой стороны, если законодатель пошел по пути закрепления основных трудовых прав/обязанностей осужденных в нормах уголовно-исполнительного законодательства, почему он не включил указанные элементы правового положе-

ния туда, где они должны быть? Например, обязанность соблюдать правила внутреннего распорядка организации, где работают осужденные, закреплена только для осужденных к обязательным работам; в нормах, регламентирующих исполнение наказаний в виде исправительных или принудительных работ, не упоминаются права осужденных на охрану труда, на выполнение работы в соответствии с правилами техники безопасности и производственной санитарии; о праве на дополнительный оплачиваемый отпуск в связи с выполнением работ на предприятиях, расположенных в районах Крайнего Севера, и т. п. Об этом говорится только в предписаниях, регламентирующих исполнение наказаний в виде исправительных работ и лишения свободы (причем в ч. 6 ст. 40 и ч. 5 ст. 104 УИК РФ применяются разные формулировки дискуссионного характера); только за осужденными, лишенными свободы в УИК РФ, закреплено право на освобождение от работы в период сдачи экзаменов и др.

В уголовно-исполнительных нормах вообще не зафиксированы какие-либо общие трудовые права/обязанности пожизненно лишенных свободы, хотя, согласно ч. 1 ст. 127 УИК РФ, труд данной категории осужденных организуется по камерно.

Отсутствие соответствующей регламентации трудовых правоотношений может быть объяснено тем, что законодатель не стал делать различий между правовым регулированием труда лишенных свободы на определенный срок и пожизненно лишенных свободы. Данная позиция не в полной мере обоснована, так как с юридической точки зрения речь идет о двух разных уголовных наказаниях.

Логично, что подавляющее большинство общих прав/обязанностей, содержащихся в трудовом законодательстве, вне зависимости от их фиксации в нормах

уголовно-исполнительного права, распространяются на осужденных, участвующих в трудовых отношениях (за исключением тех случаев, когда общие права/обязанности не соответствуют содержанию уголовного наказания). Так, например, лица, отбывающие принудительные работы в условиях Крайнего Севера, наравне с лишенными свободы также имеют право на увеличение продолжительности ежегодного оплачиваемого отпуска в соответствии со ст. 116 ТК РФ или право на освобождение от работы в период сдачи экзаменов согласно ст. 173 ТК РФ.

В данном контексте нельзя не отметить не в полной мере удачное изложение в ч. 5 ст. 104 УИК РФ права на дополнительный отпуск в связи с выполнением работ в условиях Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Так, в ч. 5 ст. 104 УИК РФ регламентировано, что соответствующее право может быть предоставлено осужденным, «... перевыполняющим нормы выработки или образцово выполняющим установленные задания на тяжелых работах, а также на работах с вредными или опасными условиями труда ...». Исходя из буквального толкования указанной нормы, рассматриваемое право не может быть предоставлено, если осужденный просто трудится на работах с вредными и (или) опасными условиями труда. Для получения соответствующего отпуска такому осужденному необходимо, например, *перевыполнять* нормы выработки (!).

Представленная в ч. 5 ст. 104 УИК РФ формулировка не соответствует содержанию ст. 116 ТК РФ, не способствует исправлению осужденного и противоречит принципам уголовно-исполнительного законодательства (в первую очередь принципу рационального применения средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения).

В анализируемом предписании УИК РФ используется словосочетание «продолжительность отпуска может быть увеличена», что возводит рассматриваемый элемент правового положения из разряда права в разряд *законный интерес* и дает администрации учреждения возможность действовать по собственному усмотрению, т.е. продлевать отпуск или не продлевать. Данную позицию законодателя можно считать неверной, так как, исходя из содержания в ст. 116 ТК РФ, все лица, трудящиеся в указанных тяжелых условиях, а также в условиях Крайнего Севера и т.п., имеют право на дополнительный отпуск. По сути, категория «может» должна быть убрана из ч. 5 ст. 104 УИК РФ.

В то же время за администрацией ИУ должно остаться право на свое усмотрение решать вопрос о предоставлении указанного отпуска осужденным, «... перевыполняющим нормы выработки или образцово выполняющим установленные задания на тяжелых работах...». Данная формулировка не используется в ст. 116 ТК РФ, в связи с чем можно сделать вывод, что указанное предписание адресовано исключительно категории трудящихся осужденных. Другими словами, речь идет о специальном трудовом элементе правового положения осужденного, но не о специальном праве, а о специальном законном интересе, что будет рассмотрено ниже.

Кроме того, исходя из буквального толкования ст. 116 ТК РФ, можно сделать вывод, что выполнение работ в условиях Крайнего Севера обязывает работодателя предоставлять «дополнительный оплачиваемый отпуск», тогда как в ч. 5 ст. 104 УИК РФ говорится об «увеличении ежегодного оплачиваемого отпуска». В целом следует признать, что выявленный факт существенно не влияет на реализацию осужденным своего права (а точнее,

толкая формулировку ч. 5 ст. 104 УИК РФ, – законного интереса). В то же время, учитывая императивную специфику уголовно-исполнительного законодательства, предписания, влияющие на функционирование рассматриваемых трудовых правоотношений, должны быть максимально корректными и соответствовать требованиям трудового законодательства.

И, наконец, прежде чем предложить новую редакцию ч. 5 ст. 104 УИК РФ, отметим, что в уголовно-исполнительном законодательстве право на дополнительный отпуск имеют инвалиды 1 или 2 группы, а также осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, что не указано в ст. 116 ТК РФ. Полагаем, что обозначенное право следует оставить за отмеченной категорией осужденных. В то же время указанный элемент правового положения следует отнести к специальным трудовым правам, а не к общим, так как основная масса работающих пенсионеров не имеет соответствующего права.

Таким образом, ч. 5 ст. 104 УИК РФ рекомендуем представить в следующей редакции:

«5. Осужденным, занятым на работах с вредными или опасными условиями труда, на предприятиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, либо работающим по своему желанию осужденным, являющимся инвалидами первой или второй группы, осужденным, достигшим возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации, предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительность 6 рабочих дней. Осужденным, перевыполняющим нормы выработки или образцово выполняющим установленные задания на тяжелых работах, ежегодный

дополнительный оплачиваемый отпуск продолжительностью 6 рабочих дней предоставляется по решению администрации учреждения»¹.

Завершая анализ общих трудовых прав/обязанностей осужденных, следует отметить, что они должны быть представлены в УИК РФ более последовательно, логически правильно. Во всех главах УИК РФ, регламентирующих исполнение уголовных наказаний, в период которых возникают трудовые правоотношения, должно содержаться указание (бланкетная норма) на привлечение осужденных к труду в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации.

Законодатель уже имеет опыт правового регулирования данного вопроса подобным образом. Например, в ч. 1 ст. 60.8 УИК РФ регламентируется, что «осужденные к принудительным работам *привлекаются к труду в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации*, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполнения работы, предоставления отпусков» (*курсив наш – Е. Н.*).

Предписания аналогичного содержания также есть в ч. 3 ст. 129 УИК РФ («Условия отбывания лишения свободы в колониях-поселениях»). Но в остальных главах УИК РФ, регламентирующих исполнения наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ, лишения свободы (за исключением ч. 3 ст. 129 УИК РФ), нет предписаний, ана-

логичных ч. 1 ст. 60.8 УИК РФ, что должно быть исправлено.

Говоря о специальных элементах правового положения трудящихся осужденных, следует отметить, что их существенно меньше, и они определяются только в нормах уголовно-исполнительного законодательства.

Специальные трудовые права и обязанности фиксируются в нормах уголовно-исполнительного права и присущи только субъектам, отбывающим уголовные наказания. Кроме того, содержание анализируемых трудовых правоотношений включает в себя *запрет* на выполнение каких-либо действий. Если в ТК РФ не упоминаются какие-либо запреты (за исключением закрепленного в ст. 21 ТК РФ запрета на защиту прав, свобод и интересов запрещенным способом), то запретов, распространяющихся на работающих осужденных, в УИК РФ более чем достаточно. В связи с чем содержание трудовых правоотношений, возникающих в период исполнения уголовных наказаний, включает не только общие и специальные трудовые права и обязанности, но и специальный трудовой запрет.

Кроме того, исследование данных трудовых правоотношений позволило выявить наличие у осужденных специальных трудовых *законных интересов*. Например, согласно ч. 3 ст. 99 УИК РФ трудящиеся осужденные, *могут* рассчитывать на дополнительное питание сверх установленных норм за счет предприятий, на которых они трудятся.

¹ Почему именно 6 (а, например, не 8, 10 дней и т.п.) рабочих дней дополнительного оплачиваемого отпуска предлагается закрепить в ч. 5 ст. 104 УИК РФ? Дело в том, что по общему правилу работающие осужденные имеют право на ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 18 рабочих дней для отбывающих лишение свободы в ВК и 12 рабочих дней – для отбывающих лишение свободы в иных ИУ.

В случае если осужденные будут перевыполнять нормы выработки или образцово выполнять установленные задания на тяжелых работах, а также на работах с вредными или опасными условиями труда на предприятиях, расположенных в районах Крайнего Севера и т.д., тогда отпуск, согласно действующему законодательству (ч. 5 ст. 105 УИК РФ) может быть увеличен до 24 и 18 рабочих дней соответственно. То есть, в данном случае, отпуск становится больше на 6 дней. Таким образом, предоставление осужденным 6-дневного дополнительного оплачиваемого отпуска – наиболее оптимальный вариант на сегодняшний день.

В связи с этим содержание трудовых правоотношений, возникающих в период исполнения уголовных наказаний, составляют не только общие и специальные права/обязанности, но и специальные запреты и законные интересы.

В уголовно-исполнительном законодательстве закреплены следующие специальные трудовые права/обязанности /запреты/законные интересы (см. табл. № 2).

Таблица № 2

Специальные трудовые права/обязанности/запреты/законные интересы осужденных	вид уголовного наказания			
	обязательные работы (ст.26, ст. 28 УИК РФ)	исправительные работы (ст.39-40 УИК РФ)	принудительные работы (ст.60.4, 60.7 УИК РФ)	лишение свободы (ст. 99, ст. 102 – 104, ст. 112 – 113 УИК РФ)
специальные обязанности				
работать на определяемых объектах	+	+(для лиц, не имеющих основного места работы)	+	+
отработать установленный судом срок работ	+	-	-	-
специальное право				
на дополнительный оплачиваемый отпуск инвалидам и пенсионерам по стрости	-	-	-	+(при учете предлагаемой выше корректировки ч. 5 ст. 105 УИК РФ)
на бесплатное питание в случае освобождения от работы в связи с болезнью, беременностью, кормлением ребенка	-	-	-	+
трудиться по желанию (для инвалидов 1 и 2 гр., достигших возраста, дающего право на назначение пенсии)	-	-	-	+
специальные запреты				
на увольнение с работы по собственному желанию без разрешения	-	+	-	-
на отказ от предложенной работы	-	+	+	+
на прекращение работы для разрешения трудовых конфликтов	-	-	-	+

Специальные трудовые права/обязанности/запреты/ законные интересы осужденных	вид уголовного наказания			
	обязательные работы (ст.26, ст. 28 УИК РФ)	исправительные работы (ст.39-40 УИК РФ)	принудительные работы (ст.60.4, 60.7 УИК РФ)	лишение свободы (ст. 99, ст. 102 – 104, ст. 112 – 113 УИК РФ)
специальные законные интересы				
на дополнительное питание сверх уста- новленных норм	-	-	-	+
на дополнительный отпуск в связи с перевыполнением норм выработки или образцовым вы- полнением установ- ленных заданий на тяжелых работах	-	-	-	+
				(при учете пред- лагаемой выше корректировки ч. 5 ст. 105 УИК РФ изменений)

Исходя из содержания представленной таблицы, можно отметить, что специальные трудовые права/обязанности/запреты/законные интересы осужденных (как и общие трудовые права/обязанности) распределены в законе неравномерно, что также вызывает ряд (аналогичных) вопросов, например:

- в связи с чем в уголовно-исполнительном законодательстве закреплён запрет на увольнение с работы по собственному желанию только осужденных, отбывающих наказание в виде исправительных работ? Данный элемент правового положения не представлен в разделах, регламентирующих исполнение наказаний в виде принудительных работ или лишения свободы;

- могут ли осужденные к наказаниям в виде исправительных работ или принудительных работ прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов? Запрет на совершения подобных действий распространяется только в отношении осужденных, лишенных свободы, и др.

Законодателю не получится ответить на поставленные вопросы с помощью закрепления в УИК РФ бланкетной нормы, отсылающей к трудовому законодательству (как это предлагается выше, при анализе общих трудовых прав и обязанностей осу-

жденных), так как, повторим, специальные трудовые права/обязанности/запреты и законные интересы – это элементы правового положения, присущие исключительно трудящимся осужденным. В данном случае каждый исследуемый элемент правового положения должен анализироваться и включаться в уголовно-исполнительное законодательство по мере необходимости в соответствии с содержанием уголовных наказаний, порядком их исполнения и условиями отбывания.

Например, в отдельных предписаниях закона должны быть закреплены запреты осужденным к исправительным работам (ст. 39 УИК РФ) или принудительным работам (ст. 60.4. УИК РФ) прекращать трудовую деятельность для разрешения трудовых конфликтов; законный интерес на дополнительное питание сверх установленных норм следует включить в главу, регламентирующую исполнение наказания в виде принудительных работ, а именно – в ст. 60.5 УИК РФ по аналогии с ч. 3 ст. 99 УИК РФ и др.

Далее следует обратить внимание на особенности отображения в уголовно-исполнительном законодательстве элементов правового положения организаций, являющихся *работодателем осужденных*.

Понятно, что трудовые права и обязанности работодателя корреспондируются (взаимно соотносятся) с элементами соответствующего правового положения работающих осужденных. Другими словами, закрепление в УИК РФ какого-либо права осужденного обязывает работодателя обе-

спечить его реализацию.

В то же время анализ УИК РФ показал, что законодатель в редких случаях обращается исключительно к работодателю, обязывая его совершить определенные действия или воздержаться от выполнения таковых (см. табл. № 3).

Таблица № 3

Трудовые обязанности/запреты работодателя	вид уголовного наказания			
	обязательные работы (ст. 28 УИК РФ)	исправительные работы (ст.43 УИК РФ)	принудительные работы (60.7, 60.9 УИК РФ)	срочное лишение свободы (ст. 99, ст. 102 – 104, ст. 112 – 113 УИК РФ)
специальные обязанности				
контролировать выполнение осужденными работ	+	+	-	-
привлекать к труду с учетом пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и (по возможности) специальности осужденного	-	-	+	+
привлекать к труду с учетом прохождения осужденным профессионального обучения или получения им среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	-	-	+	-
предоставлять освобождающимся осужденным сведения о трудовой деятельности (ч. 4 ст. 173)	+	+	+	+
специальный запрет				
на увольнение осужденных (при условии отсутствия исключительных обстоятельств)	-	-	+	-
на привлечение осужденных к некоторым (запрещенным) видам работ	-	-	-	+

Таким образом, в УИК РФ закреплён исключительно небольшой блок отдельных трудовых элементов правового положения работодателя, причем речь идет только об специальных обязанностях и запретах. При этом проблемные вопросы, касающиеся закрепления соответствующих обязанностей/запретов, схожи с теми, которые были выявлены выше и свойственны правовому положению трудящихся осужденных.

Речь идет об отсутствии обязанности/запрета там, где они должны быть. Например, запрет на увольнение работника распространяется только на администра-

ции организаций, в которых работают осужденные к принудительным работам.

В УИК РФ по-разному, а в большинстве случаев – непоследовательно распределяются права, обязанности, законные интересы и запреты различных категорий осужденных, участвующих в трудовых отношениях. Нормы, касающиеся анализируемых трудовых правоотношений, хаотично рассеяны по закону. В связи с чем, предлагается внести ряд изменений в уголовно-исполнительное законодательство, представленных на страницах настоящей работы.

Литература

1. *Мирусин И. С.* К вопросу об обязательности труда осужденных // Вестник Томского государственного университета, 2016. № 412. С. 162–167.
2. *Мирусин И. С.* Правовой режим труда осужденных в исправительных учреждениях: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2018.
3. *Ременсон А. Л.* Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореферат дис. на соискание ученой степени доктора юридических наук / Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1965.
4. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением. С.-Петербург, 1889.

References

1. *Mirusin I. S.* K voprosu ob obyazatel'nosti truda osuzhdennyh // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. № 412. S. 162–167.
2. *Mirusin I. S.* Pravovoj rezhim truda osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah: dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2018.
3. *Remenson A. L.* Teoreticheskie voprosy ispolneniya lisheniya svobody i perezovospitaniya zaklyuchennyh: avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Ural'skij gos. un-t im. A. M. Gor'kogo. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1965.
4. *Fojnickij I. Ya.* Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem. S.-Peterburg, 1889.

Сведения об авторе

Новиков Егор Евгеньевич: Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mavr-85@mail.ru

Information about the author

Novikov Egor Evgenievich: Northwest Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: mavr-85@mail.ru

УДК 343.811

С. М. Савушкин

**КРИТЕРИИ ПРИЗНАНИЯ ОСУЖДЕННОГО ПОЛОЖИТЕЛЬНО
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИМСЯ**

В статье рассматриваются вопросы признания осужденного положительно характеризующимся, важности вопросов оценки поведения осужденного в контексте достижения целей уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Поднимаются вопросы целесообразности отдельных запретов и важности допускаемых нарушений установленного порядка отбывания наказания на положительную характеристику осужденного к лишению свободы.

В настоящее время в условиях увеличения доли осужденных, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, числа осужденных, состоящих на всех видах профилактического учета, происходит рост допускаемых осужденными нарушений установленного порядка отбывания наказания.

В контексте достижения цели исправления осужденных возникает необходимость устранения противоречия между установлением необходимых ограничений для осужденных, которые требуются для управления исправительными учреждениями и созданием необходимых условий по формированию компетенций, которые потребуются осужденными после освобождения из исправительного учреждения для правопослушного образа жизни.

Необходимо выработать единообразные критерии признания осужденного положительно характеризующимся, которые будут приемлемы как для администрации исправительного учреждения при переводе осужденного на улучшенные условия отбывания наказания, так и для суда при решении вопроса о предоставлении осужденному условно-досрочного освобождения.

Ключевые слова: оценочные категории права, лишение свободы, исправление, цели законодательства, проблемы исполнения наказания.

S. M. Savushkin

**CRITERIA FOR THE RECOGNITION OF A CONVICTED PERSON
POSITIVELY CHARACTERIZED**

The article discusses the issues of recognizing a convicted person as positively characterized, the importance of assessing the behavior of a convicted person in the context of achieving the goals of penal enforcement legislation. Questions are raised about

© Савушкин С.М., 2023

© Savushkin S.M., 2023

the expediency of certain prohibitions and the importance of violations of the established procedure for serving a sentence on a positive characteristic of a convicted person to imprisonment.

In the conditions of an increase in the proportion of convicts who previously served a sentence of imprisonment, the number of convicts who are on all types of preventive accounting, there is an increase in violations of the established procedure for serving a sentence by convicts.

In the context of achieving the goal of correction of convicts, there is a need to eliminate the contradiction between the establishment of the necessary restrictions for convicts that are required for the management of correctional institutions and the creation of the necessary conditions for the formation of competencies that convicts will need after release from a correctional institution for a law-abiding lifestyle.

It is necessary to develop uniform criteria for recognizing a convicted person as positively characterized, which will be acceptable both for the administration of a correctional institution when transferring a convicted person to improved conditions of serving a sentence, and for the court when deciding whether to grant a convicted person parole.

Keywords: evaluative categories of law, deprivation of liberty, correction, goals of legislation, problems of execution of punishment.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации определяет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

В практике организации исполнения наказания в виде лишения свободы при признании администрацией исправительного учреждения осужденного положительно характеризующимся преследуются организационные или управленческие цели, в то время как перед уголовно-исполнительным законодательством поставлена цель исправления осужденных.

Под исправлением осужденных законодательно понимается формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Проблема содержания указанной цели уголовно-исполнительного законодательства, ее эффективности была и продолжает оставаться актуальной. Механизм признания осужденного положительно характеризующимся должен способствовать достижению указанной цели исправления.

Нарушение установленного порядка

отбывания наказания выступает основным критерием, характеризующим осужденного с отрицательной стороны, что не всегда сказывается на противоправном поведении осужденного после освобождения. По этой причине целесообразно определять критерии, которые позволят признать осужденного положительно характеризующимся для каждого осужденного индивидуально.

Оценочная категория «положительно характеризующийся» осужденный, встречающаяся в ряде статей УИК РФ, определяется путем установления признака «положительности» характеристики личности осужденного.

Познание личности возможно только при анализе поведения через ее деятельность и учете общественных отношений, в которых личность принимает участие [5, с. 100]. А. Г. Антонян отмечает, что для выявления каждой конкретной черты характера, которая должна соответствовать смыслу прилагательного «положительный», необходимо учитывать каждое действие как «положительное», а, в общем, – и все поведение осужденного. А какие положительные черты у того или иного осужденного и достаточно ли их для определения всей личности как «положительно

характеризующейся», решает уже сам правоприменитель [1, с. 29].

В процессе отбывания наказания положительно характеризующиеся осужденные могут допустить нарушения установленного порядка отбывания наказания, которые в схожих ситуациях человеческого общежития не изменили бы оценку нарушителя в глазах окружающих. Согласимся с авторами, которые обращают внимание на то, что в УИК РФ существуют ситуации, когда введение оценочной категории «исключительный случай» необходимо. К примеру, ст. 116 УИК РФ предусматривает, что осужденного необходимо признать злостным нарушителем в случае употребления спиртных напитков. Однако на практике бывают ситуации, когда осужденный, который положительно характеризуется, работает, принимает активное участие в обучении и т. п., однократно употребил алкоголь или совершил иной проступок. В ст. 116 УИК РФ отсутствуют возможности применения усмотрения администрации, хотя в отношении даже к преступлению такое поле есть – ст. 14 УК РФ (малозначительность) [1].

Также представляется, что многие нарушения установленного порядка отбывания наказания, которые допускаются осужденным, должны ограничивать его правовой статус, но не должны сказываться на его положительной характеристике. В контексте его успешной ресоциализации после освобождения из исправительного учреждения необходимо учитывать только те нарушения порядка отбывания наказания, которые окажут негативное воздействие на его последующую ресоциализацию.

В. Д. Филимонов приводил исчерпывающий перечень признаков, свидетельствующих о злостности нарушения режима, в числе которых: значительность нарушений требований режима; безуспешность принятых мер воздействия; сознательность допускаемых нарушений

требований режима; их неоднократность [10, с. 121]. И. Б. Казак считает, что в основу отграничения одного вида ответственности от другого должны быть положены не только степень общественной опасности содеянного, но и ее характер [3, с. 29]. Однако проблему может решить внесение в текст данной статьи оценочной категории «в исключительных случаях». Так необходимо дополнить ст. 116 УИК РФ ч. 5: «В исключительных случаях, в зависимости от обстоятельств дела и личности осужденного, начальник учреждения вправе не признать данное нарушение злостным» [1].

Стоит согласиться с автором предложения, так как, по нашему мнению, разовое нарушение осужденным установленного порядка отбывания наказания не в каждом случае должно портить его положительную характеристику, при том, что данное нарушение может не повлечь существенных негативных последствий. Подобные ситуации становятся возможными в силу увеличивающегося числа запретов для осужденных в каждом правиле внутреннего распорядка исправительного учреждения последние тридцать лет.

Лица, подлежащие освобождению, представляют интерес в плане организационных аспектов подготовки их к жизни после окончания срока отбывания наказания. На данном этапе отбывания наказания представляется возможным преумножить то положительное, что было сделано в рамках реализации основных средств исправления в отношении осужденного. Большая часть осужденных совершает преступления после освобождения в силу того, что они не подготовлены к другой жизни из-за отсутствия необходимых качеств.

Интересным видится предложение И. А. Смирнова, согласно которому на заключительной стадии ресоциализации выдвигается предложение о ликвидации дополнительных обязанностей и ограничений в отношении положительно харак-

теризующихся осужденных, что, в свою очередь, минимизирует морально-психологический барьер и ликвидирует правовые последствия, связанные с судимостью [8, с. 160-161].

По нашему мнению, необходимо провести качественную ревизию всех обязанностей и ограничений осужденных к лишению свободы в контексте организации качественной системы управления, которая будет способствовать последующей успешной ресоциализации.

А. С. Севрюгин «хорошее поведение» раскрывает как соблюдение распорядка дня, соблюдение правил обращения с другими осужденными, соблюдение правил поведения во время работы, соблюдение правил поведения во время отдыха и в быту, соблюдение правил передвижения, соблюдение личной гигиены и установленной формы одежды, бесконфликтные взаимоотношения с администрацией исправительного учреждения, умение сдерживать себя в напряженных ситуациях и т. д. [6, с. 14].

Но это все достаточно поверхностные подходы. Абсолютно точно подмечено И. В. Шмаровым, что для наличия хорошего поведения у осужденного должен быть не только, и даже не столько, разовый положительный поступок, сколько система его поведения при отбывании наказания. Характер такого поведения определяется совокупностью действий осужденного, которые оцениваются администрацией исправительного учреждения за определенный период времени [9, с. 196].

Законодатель, введя оценочную категорию «положительно характеризующийся», показывает осужденному и правоприменителю, что если личность и поведение осужденного соответствуют категориям «хорошее поведение», «активное участие», «добросовестное отношение к труду» и т.п., то данного осужденного можно и необходимо поощрить [1]. А. И. Зубков в комментарии к ст. 9 УИК РФ

уточняет, что поведение осужденного в исправительном учреждении влияет на определение условий, в которых он отбывает наказание, а также на объем предоставляемых ему льгот, на возможность досрочного освобождения от наказания или на изменение режима содержания на более мягкий. Таким образом, в полной мере раскрывается принцип уголовно-исполнительного законодательства о дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения [4, с. 29]. Представляется, что при изменении условий отбывания наказания осужденному администрация исправительного учреждения должна руководствоваться категориями рациональность и достаточность. Условия должны изменяться на основании критериев, которые будут учитываться судом при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении. Преследуя цели организации управления исправительным учреждением, необходимо отдавать отчет в большей важности последующей успешной ресоциализации осужденного.

Зачастую признание осужденного положительным представляет содержательный смысл для него только в контексте улучшения условий отбывания наказания, которые частично выражаются в увеличении возможности получать больше посылок, чаще ходить на свидания, тратить больше денег, которые у осужденного отсутствовали до улучшения условий содержания.

Отсутствие нарушений установленного порядка отбывания наказания позволяет признать осужденного положительно характеризующимся, но не говорит о его исправлении. Осужденный не допускает нарушений, трудится на производстве, но у него отсутствует востребованная профессия и должный уровень образования для трудоустройства после освобождения,

что создает парадоксальную ситуацию, когда он не первый раз отбывает наказание в виде лишения свободы и каждый раз характеризуется положительно.

В. В. Городнянская отмечает, что при учете полученных осужденными поощрений и взысканий крайне осторожно следует относиться к тем поощрениям и взысканиям, которые были вынесены за год-полтора до возможного решения вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного.

Учитывая высокий уровень рецидива среди условно-досрочно освобожденных (далее – УДО), превышающий средний уровень, а также тот факт, что одним из условий УДО является отсутствие непогашенных взысканий (ст. 79 УИК РФ), то, видимо, все впоследствии досрочно освобожденные за год-полтора до решения вопроса о возможном УДО соблюдали порядок и условия отбывания наказания, старались отличиться хорошим поведением, добросовестно относились ко всем поручениям администрации исправительного учреждения, ввиду чего получали хорошую характеристику и УДО. Данное, очевидно, является исключением из установленной выше тенденции и свидетельствует как раз об элементе приспособленчества в среде таких осужденных и наличии в связи с этим проблемы адекватности оценки поведения таких лиц при решении вопроса об УДО [2, с. 153].

В контексте достижения целей уголовно-исполнительного законодательства представляется необходимым расширять возможности диспозитивных начал уголов-

но-исполнительного законодательства, при которых будет соединяться положительная характеристика осужденного, выражающаяся в отсутствии нарушений и возможность получать образование и востребованную профессию в колонии.

И. А. Смирнов отмечает, что первоначальная задача должна заключаться в определении системы критериев, которые должны соответствовать каждому институту прогрессивной системы содержания и выражаться в определенной их степени [7, с. 135]. По нашему мнению, данные критерии на любой стадии реализации института прогрессивной системы отбывания наказания должны способствовать развитию трудовых навыков, которые позволят осужденному трудоустроиться после освобождения. Также данные критерии должны способствовать устранению причин преступного поведения осужденного. Каждому осужденному должны определяться критерии индивидуально, с учетом его личностных особенностей и причин преступного поведения. Одному необходимо восстанавливать социально полезные связи, другому – получить профессию, третьему – получить необходимую психологическую помощь и научиться сдерживать себя в напряженных ситуациях

Представляется необходимым внести изменения в ст. 78 УИК РФ, закрепив возможность перевода положительно характеризующихся осужденных в исправительное учреждение того же вида или исправительное учреждение другого вида, в котором имеется возможность трудоустройства или получения образования.

Литература

1. *Антонян А. Г.* Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2016.
2. *Городнянская В. В.* Постпенитенциарный рецидив. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011.
3. *Казак И. Б.* Некоторые теоретические и правовые аспекты признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания //

Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 5. С. 27–31.

4. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Зубков. Москва, 2001.

5. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть. Томск, 1997.

6. Севрюгин А. С. Критерии и показатели исправления и перевоспитания осужденных. Рязань, 1989.

7. Смирнов И. А. Критерии исправления положительно характеризующихся осужденных по законодательству стран СНГ (Россия, Казахстан, Белоруссия) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 3. 2019. С. 134–142.

8. Смирнов И. А. Положительно-характеризующиеся осужденные в прогрессивной системе ресоциализации // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13 (1-4). № 2. С. 160–167.

9. Уголовно-исполнительное право / А. С. Михлин [и др.]; под ред. И. В. Шмарова. Москва, 1998.

10. Филимонов В. Д. Индивидуализация уголовной ответственности // Вопросы государства и права. Томск, 1974. С. 115–123.

References

1. Antonyan A. G. Ochenochnye kategorii v ugolovno-ispolnitel'nom prave. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2016.

2. Gorodnyanskaya V. V. Postpenitenciarnyj recidiv. dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2011.

3. Kazak I. B. Nekotorye teoreticheskie i pravovye aspekty priznaniya osuzhdenного zlostnym narushitelem ustanovlennogo poriyadka otbyvaniya nakazaniya // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2007. № 5. S. 27–31.

4. Kommentarij k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / отв. red. A. I. Zubkov. Moskva, 2001.

5. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Kriminologiya. Obshchaya chast'. Tomsk, 1997.

6. Sevryugin A. S. Kriterii i pokazateli ispravleniya i perevospitaniya osuzhdenных. Ryazan', 1989.

7. Smirnov I. A. Kriterii ispravleniya polozhitel'no harakterizuyushchihsya osuzhdenных po zakonodatel'stvu stran SNG (Rossiya, Kazahstan, Belorussiya) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. № 3. 2019. S. 134–142.

8. Smirnov I. A. Polozhitel'no-harakterizuyushchiesya osuzhdenные v progressivnoj sisteme resocializacii // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2018. T. 13 (1-4). № 2. S. 160–167.

9. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo / A. S. Mihlin [i dr.]; pod red. I. V. Shmarova. Moskva, 1998.

10. Filimonov V. D. Individualizaciya ugolovnoj otvetstvennosti // Voprosy gosudarstva i prava. Tomsk, 1974. S. 115–123.

Сведения об авторе

Савушкин Сергей Михайлович: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), заместитель начальника института по учебной и научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: savusertom@rambler.ru

Information about the author

Savushkin Sergey Mikhailovich: Tomsk Institute of the professional development of employees of the FPS of Russia (Tomsk, Russia), Deputy Head of the institute for academic and scientific work, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: savusertom@rambler.ru

УДК 343.01; 343.8

Е. Г. Терешенко

**СООТНОШЕНИЕ АСПЕКТОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ,
ДЛИТЕЛЬНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

На современном этапе развития общественных отношений в области исполнения наказаний, связанных с изоляцией от общества, по-прежнему остается актуален вопрос о сроках наказания в виде лишения свободы, оптимальных с точки зрения эффективности, длительности и справедливости. Целью исследования является теоретическое обоснование внесения изменений в механизм принятия судом решений о сроке назначаемого наказания в виде лишения свободы. В основу методологии исследования вошли следующие методы: индукция и дедукция, анализ и синтез, обобщение. Научная новизна работы состоит в измененном подходе определения оптимального срока лишения свободы с точки зрения длительности и справедливости. В основной части раскрываются теоретико-прикладные проблемы определения справедливого и оптимального срока наказания в виде лишения свободы.

Акцентируется внимание на том, что решение о наказании в виде лишения свободы должно максимально способствовать восстановлению социальной справедливости и тому, чтобы наказание имело оптимальный срок с точки зрения достижения целей уголовной ответственности, ресоциализации осужденного. В заключение выдвинуты предложения, направленные на повышение эффективности наказания в виде лишения свободы.

Ключевые слова: длительное лишение свободы, ресоциализация осужденных, справедливость лишения свободы, цели уголовной ответственности, эффективность лишения свободы.

E. G. Tereshenko

**CORRELATION ASPECTS OF EFFICIENCY, DURATION
AND FAIRNESS OF PUNISHMENT IN THE FORM
OF IMPRISONMENT**

At the present stage of development of social relations in the field of execution of punishments related to isolation from society, the question of the terms of punishment in the form of imprisonment, which are optimal in terms of efficiency, duration and fairness, still remains relevant. The purpose of the study is a theoretical justification for making changes

© Терешенко Е.Г., 2023

© Tereshenko E.G., 2023

to the mechanism by which the court decides on the term of the sentence imposed in the form of imprisonment. The research methodology is based on the following methods: induction and deduction, analysis and synthesis, generalization. The scientific novelty of the work lies in the modified approach to determining the optimal term of imprisonment in terms of duration and fairness. The main part reveals theoretical and applied problems of determining a fair and optimal term of punishment in the form of imprisonment.

Attention is focused on the fact that the decision on punishment in the form of imprisonment should maximally contribute to the restoration of social justice and ensure that the punishment has an optimal period in terms of achieving the goals of criminal liability, resocialization of the convict. In conclusion, proposals are put forward aimed at increasing the effectiveness of punishment in the form of imprisonment.

Keywords: long-term imprisonment, resocialization of convicts, fairness of imprisonment, goals of criminal liability, effectiveness of imprisonment.

На современном этапе, лишение свободы на определенный срок (далее – лишение свободы) является одним из наиболее часто назначаемых наказаний в Республике Беларусь. Так за 2022 год наказание в виде лишения свободы судом было назначено в 23% случаев. Больше показатель лишь у наказания в виде ограничения свободы, которое в 2022 году было назначено судом в 28% случаев [14].

Наказание в виде лишения свободы выступает в качестве одной из наиболее суровых мер реагирования государства на преступное поведение лица, применяемой, когда достижение целей уголовной ответственности не представляется возможным посредством наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Вместе с тем, лишение свободы остается наказанием, имеющим ряд организационных, правовых, социальных и психолого-педагогических проблем, связанных, в частности, с аспектами его эффективности, длительности и справедливости.

Основываясь на положениях ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь, можно заключить, что наказание в виде лишения свободы, как форма уголовной ответственности имеет целью исправление лица, совершившего преступление, и предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами. Вместе с тем, наказание в виде ли-

шения свободы призвано способствовать восстановлению социальной справедливости.

Несмотря на то предназначение, которое законодатель установил для уголовной ответственности в целом и для наказания в виде лишения свободы в частности, остается открытым вопрос: что есть справедливость в плоскости права? Почему законодатель говорит не просто о восстановлении справедливости, а восстановлении справедливости социальной? Когда социальную справедливость можно считать восстановленной?

А. Н. Антипов справедливо отмечает, что следует концептуально определиться с понятием и сущностью социальной справедливости, необходимым инструментарием и критериями ее достижения, так как их отсутствие не позволяет объективно определять степень восстановления социальной справедливости [3, с. 36].

Справедливость является категорией, зародившейся не столько в правовой плоскости, сколько в философской. Так С. А. Юнусов отмечал, что феномен справедливости изначально необходимо рассматривать вне ее правовой ценности [36, с. 166]. Схожую позицию занимает О. В. Панкова, указывающая на то, что справедливость все-таки является оценочной, в какой-то степени внеправовой категорией [17, с. 538]. С этим стоит со-

гласиться, изначально суть справедливости находится не в правовой плоскости, а в плоскости норм морали, которые являлись первичным и остаются более широким понятием по отношению к нормам права.

С. А. Юнусов отмечал, что справедливость, зафиксированная в праве и утвердившаяся в политике и нравственном сознании, выступает в качестве духовной гарантии защиты личности как от произвола других личностей, так и от превышения полномочий со стороны государства, его органов и организаций. Ценность справедливости состоит в том, что она «руководит» юридическим порядком, берет его под свое прямое властное влияние [36, с. 166-167].

С точки зрения этимологии справедливость больше всего соотносится с понятием меры как определенного количества. Понятие «мера» тождественно понятию «правило» и соответственно имеет отношение к любым проявлениям «правильного» и «правильности» в бытии. Со временем, обособившееся от политики право не только начинает ассоциироваться с истиной, но и превращается в ее гарантию и воплощение. Основой этой трансформации оказывается справедливость, которая сводится к духу закона, подкрепляющего собой его букву. Если основой материального является бытие, то духовного – справедливость [36, с. 166-167].

Исходя из вышесказанного, если говорить о справедливости с точки зрения наказания, то можно было бы на первый взгляд предположить, что справедливое наказание является мерой реагирования государства в отношении преступника, соразмерной совершенному им деянию. Однако такая позиция является весьма узкой для правовой плоскости на современном этапе.

Соответственно, актуален вопрос: когда можно считать справедливость восстановленной?

Справедливость, как отмечает О. В. Панкова, можно считать целью правосудия лишь в той степени, в которой она способствует наиболее полной защите нарушенного права [17, с. 539]. Мы согласны с данной точкой зрения и акцентируем внимание, что, восстановление справедливости должно означать не реализацию принципа Талиона, а в максимальной степени возможное восстановление нарушенного права, а также максимально соразмерное ограничение прав и свобод лица, совершившего преступление, в порядке, установленном нормативными правовыми актами.

Однако, именно в этой точке исследования возникает концептуальный вопрос: как можно сравнивать или измерять пропорциональность преступления и последующих действий, направленных на восстановление справедливости? Особенную остроту этот вопрос приобретает в случаях совершения отдельных видов преступлений, в результате которых нарушено право, восстановление которого объективно невозможно (убийства, акты терроризма и т. п.). При том не просто справедливости, а справедливости социальной.

Также, среди ученых, в обсуждении вопроса о восстановлении социальной справедливости, значительная часть дискуссий сводится к обсуждению вопроса о восстановлении ее путем возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Так, выступая в качестве сторонника позиции, что восстановление социальной справедливости осуществляется путем возмещения ущерба, причиненного преступлением, и иными формами компенсации, А. Н. Антипов утверждает, что восстановление социальной справедливости реализуется путем возмещения морального и материального вреда непосредственно осужденным, в то же время указывая на то, что материальное возмещение вреда, причиненного преступником, часто является весьма условной компенсацией преступного последствия, например, в случае убий-

ства близкого человека [3, с. 38].

Противоположную точку зрения отстаивает И. В. Упоров: ученый не согласен с тем, что средством достижения восстановления социальной справедливости является возмещение ущерба, причиненного преступлением, и считает, что отождествление возмещения ущерба, причиненного преступлением, с восстановлением социальной справедливости является некорректным, так как рассмотрение ее только с экономической точки зрения не охватывает всей ее сути, и, соответственно, позиция, что возмещение ущерба причиненного преступлением, восстановит социальную справедливость, не может быть принята за истину [31, с. 159]. К данной точке зрения склоняемся и мы.

Следующий актуальный вопрос: кем и на каком этапе осуществляется восстановление социальной справедливости?

Восстановление социальной справедливости является в соответствии с законодательством Республики Беларусь задачей, стоящей перед наказанием в уголовно-правовой плоскости, но не в уголовно-исполнительной. И данная позиция законодателя нами расценивается, как разумная, так как мы считаем, что восстановление социальной справедливости осуществляется на стадии назначения преступнику наказания, то есть этот аспект находится за пределами уголовно-исполнительных правоотношений. Аналогичную точку зрения в своих трудах высказывал А. М. Сысоев [22, с. 211-212].

Функция уголовно-исполнительной системы в данном случае скорее носит обеспечительный характер, так как подразумевает реализацию последствий справедливого приговора суда, определяющего порядок и условия наказания, в которых будет осуществляться процесс исправления и пенитенциарный этап ресоциализации осужденного. Иными словами, органы и учреждения уголовно-исполнительной системы реализуют сущность

приговора суда, то есть кару, назначенную преступнику. Схожее мнение высказывалось и В. Е. Южаниным [35, с. 11] и др.

На наш взгляд в основе восстановления социальной справедливости, как задачи наказания, должно находиться справедливое решение суда. Это значит, что, если преступнику будет назначено наказание в виде лишения свободы, то это будет результат решения суда, отвечающего критериям морали, нравственности, права, истины [6, с. 244]. Вполне разумно полагать, что наказание в виде лишения свободы не всегда является единственным оптимальным средством восстановления социальной справедливости. Однако оно представляется наиболее оптимальным средством восстановления социальной справедливости, в случаях назначения за совершение преступлений, обладающих наибольшей общественной опасностью, главным образом посягающих на невосполнимые ценности, такие как жизнь человека.

Вместе с тем, стоит отметить, что отдельные ученые высказывают мнение, что восстановление социальной справедливости наиболее полно возможно в единстве с достижением цели исправления. Это подразумевает, что исправление и восстановление социальной справедливости взаимосвязаны, так как предполагается, что к осужденному должно применяться наказание, которое не только удовлетворит ожидания общества, в меру дозволенного соразмерно среагировав на совершенное преступление, но и, в результате оказанного в процессе исполнения наказания исправительного воздействия, будет восприниматься осужденным, как справедливое. Указанную позицию занимают в своих трудах В. М. Степашин [21, с. 43], Н. С. Грудинин [6, с. 243-244] и др. Мы разделяем данную точку зрения, отмечая, что она предполагает, что в результате исправления в сознании осужденного будет сформировано осознание так

называемой «презумпции истинности судебного решения», выражающееся в признании назначенного наказания, как должной реакции государства на его преступное поведение.

Следует акцентировать внимание на том, что восстановление социальной справедливости является проблемой, лежащей не только в плоскости общественных отношений, складывающихся в результате совершения преступления, между преступником и потерпевшим.

И здесь имеют место также разные точки зрения.

Так И. Я. Козаченко, рассматривая восстановление социальной справедливости выделял два компонента: восстановление общественной и индивидуальной (личной) справедливости относительно пострадавшего от преступления [12, с. 51]. Другие ученые придерживаются точки зрения, что восстановление социальной справедливости также актуально с позиции общества и государства. Свое мнение об этом высказывали И. Д. Бадамшин [4, с. 96], В. В. Агильдин [1, с. 13] и др. Учитывая их мнения, мы полагаем, что общество в результате назначенного лицу наказания за совершенное им преступление не только убеждается в эффективности уголовного закона и деятельности правоохранительной системы государства, но и получает удовлетворение от осознания того, что в результате осуществления правосудия было в максимально возможной степени восстановлено нарушенное преступлением право, удовлетворение чувства безопасности. Государство же таким образом, повышает свой авторитет в глазах общества, способствует повышению доверия к правоохранительным органам и способствует предупреждению совершения новых преступлений, как осужденным, так и другими лицами.

В этом смысле процесс исполнения наказания непосредственно влияет не на защиту общества, как при назначе-

нии наказания, а на декриминализацию личности, что подразумевает не защиту, как сопротивление, борьбу или противодействие, а как процесс, направленный на исправление и ресоциализацию осужденного.

Нельзя без внимания оставить и то, что в восстановлении социальной справедливости также должна учитываться сторона осужденного. Речь идет о том, что наказание, являющееся, как недостаточным, так и чрезмерным дискредитирует идею социальной справедливости [12, с. 52].

Как верно отмечалось Н. А. Козьяковым, «адекватность» и «разумность» – необходимые понятия, с помощью которых можно вынести справедливый приговор, иначе он превращается в орудие необузданной и ничем не ограниченной репрессии [11, с. 134].

Иными словами, принимая решение о том, какое наказание должно явиться справедливой реакцией на совершенное лицом преступление, суд должен учитывать, что лицо в результате отбывания наказания не должно быть десоциализировано и в еще большей степени криминализировано, а должно быть способно после освобождения адаптироваться в обществе, с тем, чтобы более не представлять опасности для него. Учитывая, что одной из целей уголовной ответственности выступает предупреждение совершения осужденным новых преступлений, стоит обратить внимание на точку зрения Н. С. Грудинина, который утверждал, что проблему рецидивной преступности возможно будет решить только при выполнении одного условия: исполнение наказания должно осуществляться строго в рамках закона с соблюдением принципов гуманизма, справедливости и соразмерности наказания в отношении осужденного [6, с. 242].

Если же мы рассматриваем восстановление социальной справедливости через призму лишения свободы, то на первый взгляд разумно полагать, что вопрос

срока наказания должен решаться исходя из тяжести совершенного преступления. Однако, объективно, такая позиция является весьма узкой. Назначение чрезмерно длительного срока, обусловленное лишь тяжестью преступления создает определенные риски: десоциализация осужденного и еще большее его криминальное заражение. Как следствие, не только не достигаются цели уголовной ответственности, но и повышается общественная опасность лица.

В пенитенциарной науке ранее неоднократно отмечалось, что чем длительнее срок лишения свободы, тем выше у осужденных степень риска утраты социально полезных связей, десоциализации, приобретения социально негативных связей, криминализации, тем ниже степень вероятности их успешной ресоциализации в пенитенциарный и постпенитенциарный период, и тем выше риск совершения ими новых преступлений. Такую точку зрения высказывали в своих трудах В. М. Хомич [32, с. 10], А. Я. Гришко [5, с. 89] и др.

Более того, как показывают исследования ученых, среди осужденных к длительным срокам лишения свободы формируется состояние личностной беспомощности. Данную проблему затрагивали в своих трудах А. А. Тит [29, с. 131], П. В. Тепляшин [23] и др. Указанное состояние выражается в деградации у осужденного социально полезных навыков, атрофии способности к самостоятельной организации собственной жизни, возникших в результате длительной изоляции в условиях полной и жесткой регламентации жизнедеятельности. В результате укоренения личностной беспомощности, лицу в постпенитенциарный период становится гораздо сложнее интегрироваться в общество, вести социально активную жизнь, у него сформирована высокая степень пассивности, он не способен нести ответственность за свое существование. Тяжелая форма личностной беспомощности может

стимулировать совершение лицом новых преступлений. Об этом в своих трудах также упоминал Р. С. Нагорный [16, с. 20]. Лицо, не сумев адаптироваться в условиях свободы, будет искать возможность вернуться к жизни в условиях исправительного учреждения, где ответственность за обеспечение его основных потребностей будет лежать не на нем, а на администрации исправительного учреждения. Эта проблема нами также исследовалась ранее [24, с. 426-427].

Еще одной стороной проблемы длительных сроков лишения свободы выступает то, что, как отмечает В. М. Поздняков, длительный срок лишения повышает риск того, что осужденные, адаптировавшись к условиям исправительного учреждения, спустя определенный период, становятся невосприимчивы к исправительному воздействию, а больше подвержены риску десоциализации, в том числе под влиянием отрицательно характеризующихся осужденных. В таких условиях осужденные, привыкая к жизни в условиях лишения свободы, могут формировать о себе имидж образцового осужденного, однако это будет являться лишь следствием сформированного у них приспособленчества [18, с. 39].

Вместе с тем, как отмечалось В. М. Анисимковым, при отбывании длительного срока лишения свободы, на определенном этапе, в сознании осужденного наступает момент обесценивания свободы, снижается потребность в свободе, тем самым лишение свободы перестает восприниматься осужденным, как наказание [2, с. 81]. То есть происходит уже не просто приспособление к условиям исправительного учреждения, а возникает риск формирования у осужденного личностной беспомощности и зависимости от пенитенциарной среды.

Заслуживает внимание исследование А. Н. Ломакиной, которая отмечала, что в условиях стремительно меняющихся законодательства, социально-эконо-

мических отношений, освободившееся из мест лишения свободы лицо нередко сталкивается с проблемой более сложной, чем восстановление имевшихся навыков жизни на свободе, а именно с проблемой выработки нового стереотипа поведения. Освободившееся лицо может оказаться неспособным принять новые правила общежития, которые сформировались за время отбывания им наказания, в связи с чем значительно затрудняется его постпенитенциарная ресоциализация и возрастает риск совершения лицом нового преступления [15, с. 44].

Исходя из этого, хотя и можно утверждать, что длительная изоляция является временной мерой, направленной на обеспечение безопасности общества, однако она никак не гарантирует предупреждения совершения лицом постпенитенциарного рецидива. В данном случае длительная изоляция, напротив, повышает риск совершения лицом нового преступления после освобождения.

В исследовании аспектов десоциализации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, К. А. Долгополов отмечал значимость поддержания осужденными социально полезных связей в снижении степени ее риска и подчеркивал, что риск десоциализации осужденных повышается в случае утраты социально полезных связей [7, с. 15]. В ходе ранее проведенных исследований нами было установлено, что это, в свою очередь, нередко выступает детерминантом совершения новых преступлений [26; 27, с. 244-246].

Усугубляет последствия длительной изоляции социальная стигматизация лица, отбывшего наказание: к тем трудностям ресоциализации в постпенитенциарный период, которые встречаются в следствие длительного лишения свободы, добавляются трудности во взаимодействии с другими членами общества, в результате чего лицо, отбывшее наказание, покинув усло-

вия фактической изоляции, оказывается в изоляции социальной.

Если рассматривать социальную изоляцию с точки зрения теории иерархии потребностей А. Маслоу, согласно которой потребности по иерархии делятся на 7 уровней, то лицо, отбывшее длительный срок лишения свободы, может столкнуться с трудностями в удовлетворении своих потребностей уже на первом уровне (уровень физиологических потребностей: сон, еда и др.) в силу утраты жилья и социально полезных связей. Далее, соответственно, есть вероятность возникновения трудностей в удовлетворении потребностей второго уровня (уровень потребности в безопасности), которые обусловлены теми же детерминантами, что и в удовлетворении потребностей первого уровня. Далее, на следующих уровнях, вероятность удовлетворения потребностей лица снижается: потребности третьего уровня (потребности в общении и любви) в силу социальной стигматизации имеют низкую вероятность удовлетворения, по крайней мере среди членов общества, не ведущих асоциальный или/и криминальный образ жизни. Одним из базовых положений теории иерархии потребностей А. Маслоу выступает то, что человек не может удовлетворить потребности вышестоящего уровня, пока не будут удовлетворены потребности нижестоящего уровня. И здесь возникает проблема замкнутого круга: удовлетворение потребностей в общении и любви в кругу лиц, ведущих асоциальный или/и криминальный образ жизни, снижает вероятность успешной ресоциализации лица в постпенитенциарный период и повышает риск совершения им нового преступления.

Как точно подмечает А. Ф. Ковалев, главной целью наказания, в существующей парадигме ценностей, принятой большей частью мирового сообщества, является сохранение индивида как социализированного члена общества [10, с. 686], а для

этого необходимо по возможности поспособствовать тому, чтобы социально полезные связи были сохранены, и это также целесообразно учитывать на стадии назначения наказания в виде лишения свободы, при определении длительности его срока.

Так каким же должен быть предельный срок лишения свободы, чтобы достичь максимально возможного позитивного эффекта от наказания и не вызвать негативного эффекта, выраженного в десоциализации и еще большей криминализации осужденного, чтобы при этом не был нарушен принцип справедливости?

Особого интереса заслуживают исследования ученых в этой области. Так Е. Н. Казакова в своем исследовании указывала, что позитивный эффект исправления возможен примерно в первые пять лет отбывания наказания [9, с. 5]. В. М. Поздняков ссылается на исследования ученых-пенитенциаристов, которые отмечают, что после 5-7 лет нахождения в исправительной колонии у осужденного наступает регресс личности, причинами которого выступают «тюремный стресс» и «тюремная фрустрация», а при превышении 10 лет – деструктивная трансформация личности, обусловленная погружением осужденного в астеничные переживания [19, с. 186]. К близким по содержанию выводам в результате своего исследования пришел и П. В. Иванов, который утверждал, что максимальный срок, в течение которого осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы, смогли сохранить свои положительные характеристики, противостоять негативным воздействиям условий и порядка отбывания наказания, а также тюремной субкультуры – 5-6 лет [8]. А. В. Черкасов в своих трудах отмечал, что через 12-15 лет в условиях исправительной колонии осужденный полностью утрачивает социально полезные связи, а через 20 лет перестает ориентироваться в мире за пределами исправительного

учреждения. При выходе на свободу бывший осужденный, за неимением альтернативы, будет пытаться реализовать себя через девиантное поведение, в том числе совершать преступления с целью вернуться в привычное для него место [34, с. 68]. А. М. Смирнов и Б. А. Спасенников установили, что по истечении 5-6 лет у осужденных происходит ухудшение практически всех характеристик личности мужчин, осужденных к продолжительной изоляции от общества, что существенно понижает результативность исправительного процесса и готовность осужденных соблюдать порядок и условия отбывания наказания [20].

Исходя из результатов вышеуказанных исследований, очевиден вывод, что длительный срок лишения свободы дает эффект, обратный ожидаемому от наказания. С точки зрения предупреждения совершения лицом новых преступлений, длительная изоляция обеспечит определенную степень безопасности общества, однако в долгосрочной перспективе, долгое пребывание лица в условиях лишения свободы, повысит риск его десоциализации и дальнейшей криминализации.

Стоит рассмотреть идею Е. В. Костик, которая утверждает, что разумно рассмотреть целесообразность сокращения верхних пределов закрепленных в уголовном законе сроков лишения свободы, тем самым частично сместив акцент с длительности лишения свободы в сторону интенсификации исправительного процесса [13, с. 52].

Необходим консенсус между тем, чтобы наказание в виде лишения свободы по длительности являлось справедливым и оптимальным для достижения целей уголовной ответственности, успешной ресоциализации осужденного в пенитенциарный и постпенитенциарный период.

Несколько иную идею высказывали В. М. Анисимков и Е. В. Королева, заключающуюся в повышении минимального

порога наказания в виде лишения свободы на определенный срок за преступления, представляющие повышенную опасность для общества, не повышая при этом его максимальный порог, что позволит сузить судебное усмотрение при определении вида наказания, а также повысить предупредительное воздействие уголовного закона [2, с. 82].

Вместе с тем не должно иметь место необоснованное смягчение уголовной ответственности. Обязательным элементом социальной справедливости должно быть недопущение чрезмерной гуманности к преступникам, принцип гуманизма не должен отождествляться с безнаказанностью [1, с. 14]. Это может снизить ее предупредительное воздействие. В юридической литературе неоднократно отмечалось, что страх перед наказанием снимается мотивом безнаказанности [2, с. 82].

Концептуальная идея повышения эффективности наказания в виде лишения свободы состоит в том, чтобы добиваться положительного эффекта от данного наказания не путем назначения длительного срока лишения свободы, а путем интенсификации его исполнения: снизить риски возникновения у осужденных личностной беспомощности, приспособленчества, их десоциализации и дальнейшей криминализации, повысить качество исправительного воздействия, мероприятий, направленных на ресоциализацию в пениitenciарный и постпениitenciарный период. Следует помнить, что длительный срок лишения свободы – это жесткая реакция на совершенное лицом преступление, которая хоть и носит продолжительный характер, но является временным решением, направленным на обеспечение безопасности общества. Однако необходимо учитывать перспективу после отбытия наказания. Эффективным лишение свободы будет лишь тогда, когда лицо не просто будет ограничено в возможности совершения нового преступления, но и будет лишено

опасности для общества и после освобождения, что должно быть обусловлено его исправлением, успешной ресоциализацией в пениitenciарный и постпениitenciарный период, следствием чего будет являться несомнение лицом новых преступлений. Как отмечал В.М. Поздняков, работа с осужденными к длительным срокам лишения свободы должна осуществляться в рамках прогрессивной системы отбывания наказания, с учетом данных мониторинга трансформации их личности на различных этапах отбывания наказания [19, с. 187]. Модель такого мониторинга нами уже предлагалась ранее, путем внедрения в деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы единой электронной базы данных результатов воспитательной и профилактической работы [25].

Соглашаясь с В. М. Анисимковым и Е. В. Королевой, стоит подчеркнуть, что представляется целесообразным назначать наказание в виде лишения свободы на длительный срок только за преступления, посягающие на жизнь, общественную безопасность, здоровье населения, мир и безопасность человечества, которые по степени своей общественной опасности заслуживают наказания в виде лишения свободы [2, с. 82].

Как отмечают Т. Б. Гнеушева и Д. Ш. Цырендоржиева, среди обязательных признаков справедливого наказания должен иметь место принцип сострадания, заключающийся в том, что наказание должно быть направлено не на действие, а на деятеля [33, с. 109]. Данное мнение дает основания задуматься о том, что для восстановления социальной справедливости при назначении наказания требуется учитывать тип и криминологическую характеристику личности преступника. Хотя эта точка зрения вызывает вопросы, в частности, о том, кто будет определять тип конкретного преступника. На данный момент в системе органов государственной власти Республи-

ки Беларусь нет органа, который занимался бы этим. В рассмотрении данной проблемы вызывает интерес точка зрения А. А. Тита, который предлагает наделить полномочиями по составлению досудебного доклада уголовно-исполнительные инспекции [28, с. 153]. Предполагается, что именно уголовно-исполнительные инспекции должны быть наделены компетенцией и полномочиями для того, чтобы типологизировать лиц, совершивших преступления. Учитывая отсутствие в государственном аппарате Республики Беларусь органов пробации, стоит отметить, что данный орган в силу своей специфики представляется наиболее подходящим для осуществления подобной деятельности.

При подготовке досудебного доклада сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций нами предлагается в том числе использование информации, содержащихся в электронных базах данных, отражающих динамику в изменении поведения лица, проекты которых нами предлагались ранее [25].

Лишение свободы, как вид наказания, призван обеспечить достижение целей уголовной ответственности, вместе с тем он не должен способствовать десоциализации осужденного. Однако вполне логично возникает вопрос, как быть с осужденными, злостно нарушающими порядок и условия отбывания наказания? Теоретически, осужденный может практически с самого начала до конца срока отбывать наказание исключительно в штрафном изоляторе и помещении камерного типа, и в таком случае, очевидно, что успешное достижение целей уголовной ответственности в отношении данного осужденного, а также его успешная ресоциализация в пенитенциарный и постпенитенциарный период маловероятны. Указанное актуализирует вопрос о том, как можно повысить эффективность исправительного воздействия в отношении такой категории осужденных. И здесь стоит отметить, что в результате проведенно-

го нами социологического исследования путем анкетирования сотрудников исправительных учреждений Республики Беларусь было выявлено, что ряд респондентов высказали предложение о том, чтобы срок нахождения в порядке взыскания осужденного в штрафном изоляторе не засчитывать в срок наказания. Данная точка зрения носит весьма дискуссионный характер, однако, безусловно, заслуживает обсуждения в дальнейшей перспективе с целью повышения эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении указанной категории осужденных.

В заключение, можно сделать вывод, что при решении вопроса о том, какой срок лишения свободы должен быть назначен преступнику, необходимо руководствоваться не только тяжестью преступления, также нужно учитывать какой срок будет наиболее эффективен для его успешной ресоциализации и недопущения десоциализации. Однако, цель ресоциализации и недопущения десоциализации не должна подменять собой цель кары за совершенное преступление, а уж тем более не должна иметь доминирующее значение по сравнению с восстановлением социальной справедливости. Исходя из этого следует, по возможности, минимизировать практику назначения длительных сроков лишения свободы, делая выбор в пользу альтернативных видов наказания, подходящих в качестве эффективного средства восстановления социальной справедливости и достижения целей уголовной ответственности. Так же при назначении наказания целесообразно учитывать сведения из досудебного доклада, которые в перспективе могут предоставлять уголовно-исполнительные инспекции.

На основании изложенного, нами предлагается:

- внести изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь, а именно добавить в ст. 62 Уголовного кодекса Республики Беларусь часть 3, изложив ее в следующей редакции: «Суд, при опре-

делении срока лишения свободы имеет целью назначение справедливого наказания, по отбытии которого осужденный будет способен к успешной адаптации в обществе».

- уполномочить уголовно-исполнительные инспекции составлять кримино-

логические характеристики преступников, данные из которых учитывать при назначении наказания.

Полагаем, что указанные изменения способны повысить эффективность наказания в виде лишения свободы, как в целом, так и в рамках его исполнения.

Литература

1. *Агильдин В. В.* Восстановление социальной справедливости как цель наказания // Уголовная политика на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума. Иркутск: Байкальский государственный университет. 2021. С. 11–15.
2. *Анисимков В. М.* Сроки наказания в виде лишения свободы, проблема их оптимизации // Человек: преступление и наказание. 2013. №1 (80). С. 78–83.
3. *Антипов А. Н.* О некоторых направлениях совершенствования уголовно-исполнительной системы России // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 32–42.
4. *Бадамин И. Д.* Восстановление социальной справедливости как цель наказания // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 94–96.
5. *Гришко А. Я.* Уголовно-исполнительный закон будущего: направления реформирования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30). С. 88–93.
6. *Грудинин Н. С.* Гуманизм, справедливость и соразмерность уголовного наказания как факторы предупреждения рецидивной преступности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 2(835). С. 240–250.
7. *Долгополов К. А.* Факторы, компенсирующие десоциализацию индивида в местах лишения свободы // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8(150). С. 14–17.
8. *Иванов П. В.* Правовая природа принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 3. С. 23.
9. *Казакова Е. Н.* Институт пожизненного лишения свободы в России: проблемы теории и практики // Российский следователь. 2007. №8. С. 5–8.
10. *Ковалев А. Ф.* Фрагментарное лишение свободы как инновационная альтернатива уголовному наказанию в виде лишения свободы на определенный срок // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 685–688.
11. *Козьяков Н. А.* Восстановление социальной справедливости как цель наказания // Актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы России в условиях реформирования: сборник материалов комплекса научных мероприятий адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей. Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. С. 134–136.
12. *Корсаков К. В.* Концепт эквивалентности как связующее звено между идеей социальной справедливости и институтом уголовного наказания // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2015. № 1(25). С. 49–55.

13. *Костик Е. В.* Продолжительность сроков лишения свободы в России: проблемы исполнения и перспективы развития // Вестник международного Института управления. 2014. № 5-6 (129-130). С. 50–53.

14. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (дата обращения 28.06.2023).

15. *Ломакина А. Н.* Проблемы ресоциализации лиц, осужденных к длительным срокам отбывания наказания // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1(34). С. 44–46.

16. *Нагорный Р. С.* Смертная казнь или пожизненное лишение свободы: за и против // Российский следователь. 2006. №4. С. 20–22.

17. *Панкова О. В.* Правосудие в современной России: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 527–546.

18. *Поздняков В. М.* Психологические проблемы ресоциализации осужденных с длительными сроками лишения свободы // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3. № 1. С. 38–40.

19. *Поздняков В. М.* Психологические проблемы ресоциализации осужденных с длительными сроками лишения свободы // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний: сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Том 1. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. С. 185–189.

20. *Смирнов А. М.* Влияние длительной изоляции от общества на обеспечение режима отбывания наказания в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2008. № 4. С. 28–30.

21. *Степашин В. М.* Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности: дис.... д-ра юрид. наук. Омск, 2019.

22. *Сысоев А. М.* К вопросу об определении приоритетной цели уголовно-исполнительного законодательства и средствах ее достижения // Человек: преступление и наказание. 2020. Т. 28. № 2. С. 207–219.

23. *Тепляшин П. В., Сергиенко А. С.* Роль феномена выученной беспомощности в ресоциализации осужденных, изолированных от общества // Научный компонент. 2020. № 1(5). С. 68–73.

24. *Терешенко Е. Г.* Значение взаимосвязи целей исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок в определении его эффективности // Организационно-правовое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. Рязань: Академия ФСИН России, 2022. С. 424–429.

25. *Терешенко Е. Г.* Значение информационных технологий для эффективности исполнения наказаний учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2023. Т. 13. № 1. С. 121–127.

26. *Терешенко Е. Г.* Поддержание социально полезных связей осужденных как необходимый элемент эффективного исполнения наказания в виде лишения свободы // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 2 (42). С. 150–154.

27. *Терешенко Е. Г.* Проблема понятия и эффективности социально полезной связи

осужденного // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 2. С. 242–251.

28. *Тит А. А.* Оптимизация уголовной ответственности посредством досудебного доклада // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2021. № 1. С. 150–154.

29. *Тит А. А.* Решение проблемы личностной беспомощности у осужденных к лишению свободы // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2022. № 1. С. 130–136.

30. *Упоров И. В.* Восстановление социальной справедливости как цели уголовного наказания: проблема средств достижения // Дневник науки. 2022. № 12(72).

31. *Упоров И. В.* Цель уголовного наказания в виде восстановления социальной справедливости нуждается в определении критериев соотношения тяжести преступления и кары за его совершение // Современная научная мысль. 2015. № 3. С. 158–163.

32. *Хомич В. М.* К вопросу о состоянии и совершенствовании правового регулирования социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2015. № 8. С. 9–26.

33. *Цырендоржиева Д. Ш.* Социально-философский аспект понятия «справедливость» и его значение для наказания // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 1. С. 105–110.

34. *Черкасов А. В.* Реализация задач уголовного законодательства России при назначении лишения свободы на определённый срок и пожизненного лишения свободы // Символ науки: международный научный журнал. 2019. № 10. С. 66–71.

35. *Южанин В. Е.* О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4(32). С. 9–15.

36. *Юнусов С. А.* Воплощение принципа справедливости в уголовно-исполнительном праве России // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86). С. 166–171.

References

1. *Agil'din V. V.* Vosstanovlenie social'noj spravedlivosti kak cel' nakazaniya // Ugolovnaya politika na sovremennom etape: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, prohodivshej v ramkah II Bajkal'skogo yuridicheskogo foruma. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet. 2021. S. 11–15.

2. *Anisimkov V. M.* Sroki nakazaniya v vide lisheniya svobody, problema ih optimizacii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. №1 (80). S. 78–83.

3. *Antipov A. N.* O nekotoryh napravleniyah sovershenstvovaniya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2018. T. 12. № 1. S. 32–42.

4. *Badamshin I. D.* Vosstanovlenie social'noj spravedlivosti kak cel' nakazaniya // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2013. № 2. S. 94–96.

5. *Grishko A. Ya.* Ugolovno-ispolnitel'nyj zakon budushchego: napravleniya reformirovaniya // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2014. № 4 (30). S. 88–93.

6. *Grudin N. S.* Gumanizm, spravedlivost' i sorazmernost' ugolovnogo nakazaniya kak faktory preduprezhdeniya recidivnoj prestupnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2020. № 2 (835). S. 240–250.

7. *Dolgoplov K. A.* Faktory, kompensiruyushchie desocializatsiyu individa v mestah lisheniya svobody // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2020. № 8(150). S. 14–17.
8. *Ivanov P. V.* Pravovaya priroda prinuditel'nyh mer vospitatel'nogo vozdeystviya // *Ugolovno-ispol'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. 2007. № 3. S. 23.
9. *Kazakova E. N.* Institut pozhiznennogo lisheniya svobody v Rossii: problemy teorii i praktiki // *Rossiyskij sledovatel'*. 2007. №8. S. 5–8.
10. *Kovalev A. F.* Fragmentarnoe lishenie svobody kak innovacionnaya al'ternativa ugolovnomu nakazaniyu v vide lisheniya svobody na opredelennyj srok // *Yuridicheskaya tekhnika*. 2021. № 15. S. 685–688.
11. *Koz'yakov N. A.* Vosstanovlenie social'noj spravedlivosti kak cel' nakazaniya // *Aktual'nye problemy ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii v usloviyah reformirovaniya: sbornik materialov kompleksa nauchnyh meropriyatij ad'yunktov, kursantov, studentov i slushatelej*. Vologda: Vologodskij institut prava i ekonomiki Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2018. S. 134–136.
12. *Korsakov K. V.* Koncept ekvivalentnosti kak svyazuyushchee zveno mezhdu ideej social'noj spravedlivosti i institutom ugolovnogo nakazaniya // *Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya*. 2015. № 1(25). S. 49–55.
13. *Kostik E. V.* Prodolzhitel'nost' srokov lisheniya svobody v Rossii: problemy ispolneniya i perspektivy razvitiya // *Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya*. 2014. № 5-6 (129-130). S. 50–53.
14. Kratkie statisticheskie dannye o deyatel'nosti sudov obshchej yurisdikcii po osushchestvleniyu pravosudiya [Elektronnyj resurs] // Verhovnyj Sud Respubliki Belarus'. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/ (data obrashcheniya 28.06.2023).
15. *Lomakina A. N.* Problemy resocializatsii lic, osuzhdennyh k dlitel'nym srokam otbyvaniya nakazaniya // *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*. 2015. № 1(34). S. 44–46.
16. *Nagornyj R. S.* Smertnaya kazn' ili pozhiznennoe lishenie svobody: za i protiv // *Rossiyskij sledovatel'*. 2006. №4. S. 20–22.
17. *Pankova O. V.* Pravosudie v sovremennoj Rossii: ponyatie i priznaki // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2018. T. 22. № 4. S. 527–546.
18. *Pozdnyakov V. M.* Psihologicheskie problemy resocializatsii osuzhdennyh s dlitel'nymi srokami lisheniya svobody // *Mezhdunarodnyj penitenciarnyj zhurnal*. 2017. T. 3. № 1. S. 38–40.
19. *Pozdnyakov V. M.* Psihologicheskie problemy resocializatsii osuzhdennyh s dlitel'nymi srokami lisheniya svobody // *Ugolovno-ispolnitel'naya politika i voprosy ispolneniya ugolovnyh nakazaniy: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 2-h tomah. Tom 1*. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2016. S. 185–189.
20. *Smirnov A. M.* Vliyanie dlitel'noj izolyatsii ot obshchestva na obespechenie rezhima otbyvaniya nakazaniya v mestah lisheniya svobody // *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 2008. № 4. S. 28–30.
21. *Stepashin V. M.* Ekonomiya repressii kak princip ugolovnogo prava i ego realizatsiya v naznachenii mer ugolovnoj otvetstvennosti: dis.... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2019.
22. *Sysoev A. M.* K voprosu ob opredelenii prioritetnoj celi ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva i sredstvah ee dostizheniya // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2020. T. 28. № 2. S. 207–219.
23. *Teplyashin P. V., Sergienko A. S.* Rol' fenomena vyuchennoj bespomoshchnosti

v resocializacii osuzhdennyh, izolirovannyh ot obshchestva // Nauchnyj komponent. 2020. № 1(5). S. 68–73.

24. *Tereshenko E. G.* Znachenie vzaimosvyazi celej ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody na opredelennyj srok v opredelenii ego effektivnosti // Organizacionno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: problemy i perspektivy razvitiya: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2022. S. 424–429.

25. *Tereshenko E. G.* Znachenie informacionnyh tekhnologij dlya effektivnosti ispolneniya nakazaniy uchrezhdeniyami i organami ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni YAnki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie. 2023. T. 13. № 1. S. 121–127.

26. *Tereshenko E. G.* Podderzhanie social'no poleznyh svyazej osuzhdennyh kak neobhodimyj element effektivnogo ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2021. № 2 (42). S. 150–154.

27. *Tereshenko E. G.* Problema ponyatiya i effektivnosti social'no poleznoj svyazi osuzhdennogo // Ugovolno-ispolnitel'noe pravo. 2023. T. 18. № 2. S. 242–251.

28. *Tit A. A.* Optimizaciya ugovolnoj otvetstvennosti posredstvom dosudebnogo doklada // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2021. № 1. S. 150–154.

29. *Tit A. A.* Reshenie problemy lichnostnoj bespomoshchnosti u osuzhdennyh k lisheniyu svobody // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. 2022. № 1. S. 130–136.

30. *Uporov I. V.* Vosstanovlenie social'noj spravedlivosti kak celi ugovolnogo nakazaniya: problema sredstv dostizheniya // Dnevnik nauki. 2022. № 12(72).

31. *Uporov I. V.* Cel' ugovolnogo nakazaniya v vide vosstanovleniya social'noj spravedlivosti nuzhdaetsya v opredelenii kriteriev sootnosheniya tyazhesti prestupleniya i kary za ego sovershenie // Sovremennaya nauchnaya mysl'. 2015. № 3. S. 158–163.

32. *Homich V. M.* K voprosu o sostoyanii i sovershenstvovanii pravovogo regulirovaniya social'noj adaptacii lic, otbyvshih nakazanie v vide lisheniya svobody // Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendencii. 2015. № 8. S. 9–26.

33. *Cyrendorzhieva D. Sh.* Social'no-filosofskij aspekt ponyatiya «spravedlivost'» i ego znachenie dlya nakazaniya // Gumanitarnyj vektor. 2016. T. 11. № 1. S. 105–110.

34. *Cherkasov A. V.* Realizaciya zadach ugovolnogo zakonodatel'stva Rossii pri naznachenii lisheniya svobody na opredelyonnyj srok i pozhiznennogo lisheniya svobody // Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. 2019. № 10. S. 66–71.

35. *Yuzhanin V. E.* O resocializacii osuzhdennyh kak celi processa obespecheniya realizacii nakazaniya v vide lisheniya svobody // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2015. № 4(32). S. 9–15.

36. *Yunusov S. A.* Voploshchenie principa spravedlivosti v ugovolno-ispolnitel'nom prave Rossii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2014. № 3(86). S. 166–171.

Сведения об авторе

Терешенко Егор Геннадьевич: Академия МВД Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь), преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета. E-mail: teresh1994@mail.ru

Information about the author

Tereshchenko Yegor Gennadievich: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), lecturer of the Department of Penal Enforcement Law and Criminology of the Faculty of Penal Enforcement.
E-mail: teresh1994@mail.ru

УДК 343.81

Е. А. Царева, М. В. Сорокин

**ИЗМЕНЕНИЕ ВИДОВ УСЛОВИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ
УЧРЕЖДЕНИИ И ИЗМЕНЕНИЕ ВИДОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ПОСТУЛАТЫ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ
ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ**

Прогрессивная система отбывания наказания заключается в поэтапном изменении условий отбывания наказания в зависимости от поведения осужденного либо в сторону увеличения объема прав и свобод осужденного либо в сторону его уменьшения. В национальном уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрено два института, отражающих постулаты прогрессивной системы отбывания наказания. Одним институтом является изменение условий отбывания наказания внутри исправительного учреждения, а другим институтом является изменения вида исправительного учреждения.

Актуальность исследования основных постулатов прогрессивной системы отбывания наказания не вызывает сомнений, поскольку исследование изменения видов условий отбывания наказания и изменения видов исправительных учреждений позволит повысить эффективность наказания в виде лишения свободы. Целью исследования является усовершенствование процесса изменения видов условий отбывания наказания для осужденного.

Посредством применения юридического, статистического и системного методов исследования авторы рассмотрели основания и целесообразность всех законодательно предусмотренных вариантов изменения видов условий отбывания наказания в исправительном учреждении и изменения видов исправительных учреждений.

Авторами предпринята попытка предложить усовершенствованный процесс реализации постулатов прогрессивной системы отбывания наказания в национальном уголовно-исполнительном праве.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, наказание, изменение условий отбывания наказания, изменение видов исправительных учреждений, прогрессивная система отбывания наказания.

E. A. Tsareva, M. V. Sorokin

CHANGING THE TYPES OF CONDITIONS IN A CORRECTIONAL INSTITUTION AND CHANGING THE TYPES OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS AS THE POSTULATES OF A PROGRESSIVE PENALIZATION SYSTEM

The progressive system of serving a sentence consists in a gradual change in the conditions of serving a sentence, depending on the behavior of the convicted person, either in the direction of increasing the volume of rights and freedoms of the convicted person or in the direction of its reduction. The national penal enforcement legislation provides for two institutions reflecting the postulates of a progressive system of serving sentences. One institution is a change in the conditions of serving a sentence inside a correctional institution, and the other institution is a change in the type of correctional institution.

The relevance of the study of the main postulates of the progressive system of serving sentences is beyond doubt, since the study of changes in the types of conditions of serving sentences and changes in the types of correctional institutions will increase the effectiveness of punishment in the form of imprisonment. The purpose of the study is to improve the process of changing the types of conditions of serving a sentence for a convicted person.

Through the use of legal, statistical and systematic research methods, the authors examined the grounds and expediency of all legally provided options for changing the types of conditions for serving sentences in a correctional institution and changing the types of correctional institutions.

The authors attempt to propose an improved process of implementing the postulates of the progressive system of serving sentences in the national penal law.

Keywords: penal enforcement law, punishment, changing the conditions of serving a sentence, changing the types of correctional institutions, progressive system of serving a sentence.

В каждом виде исправительного учреждения законодательно определены виды условий отбывания наказания или режимы содержания. В исправительных колониях общего, строгого и особого режимов предусмотрены 3 вида условий отбывания наказания: строгие, обычные и облегченные. В воспитательной колонии помимо строгих, обычных и облегченных предусмотрены также льготные условия отбывания наказания. В тюрьме определены два вида режима для отбывания лишения свободы: строгий и общий.

Для изменения условий отбывания наказания администрацией учреждения устанавливаются материальное и формальное основание. Материальное основание заключается в установлении поло-

жительного поведения осужденного для улучшения его правового положения либо в признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания в сторону ухудшения его правового положения. Формальное основание заключается в отбытии определенного срока для перевода осужденного на менее строгие условия отбывания наказания, которое не учитывается для перевода в обратную сторону.

Минимально необходимый срок отбытия лишения свободы на определенном виде условий (режиме) для их изменения в сторону улучшения правового положения осужденного различен в зависимости от вида исправительного учреждения: в тюрьме – 1 год, в исправительной колонии осо-

бого режима для пожизненно лишенных свободы – 10 лет, в исправительной колонии особого режима – 12 месяцев, строгого режима – 9 месяцев, общего режима – 6 месяцев, в воспитательной колонии – 6 месяцев, в исключительных случаях 3 месяца.

На наш взгляд, законодатель предусмотрел идеальное стимулирование осужденных к правопослушному поведению с целью изменения условий отбывания наказания внутри исправительного учреждения, улучшая свой правовой статус. При этом если рассматривать содержание условий отбывания наказания, то они отличаются местом содержания, количеством посылок, передач, бандеролей, временем прогулки, количеством разрешенных свиданий, суммой денежных средств, разрешенных для ежемесячного использования. Предполагается, что увеличение объема прав и свобод осужденных в данных сферах является достаточным для стимулирования его правопослушного поведения в пределах одного исправительного учреждения. Об этом свидетельствуют статистические данные правоприменительной практики УИС. Численность осужденных, переведенных из одних условий отбывания наказания в другие, в сторону улучшения правового положения осужденных: из строгих в обычные условия – 2 071, из обычных в облегченные условия – 23 045, из облегченных в льготные условия в воспитательных колониях – 152, численность осужденных, переведенных в тюрьмах со строгого на общий режим – 60 [2, с. 378].

В тоже время исправительные колонии общего режима, строгого, особого и особого для пожизненно лишенных свободы имеют сравнительно одинаковые критерии в разграничении между собой, заключающиеся в помещении для содержания осужденных, количестве посылок, передач, бандеролей, времени прогулки, количестве разрешенных свиданий, сумме

денежных средств, разрешенных для ежемесячного использования. Однако, если эффективность данных критериев для разграничения условий отбывания наказания внутри исправительного учреждения подтверждена, то их эффективность для стимулирования осужденного изменить вид исправительного учреждения вызывает сомнения. В связи с чем перейдем к рассмотрению второго постулата прогрессивной системы отбывания наказания в национальном законодательстве – изменения вида исправительного учреждения.

Изменение вида исправительного учреждения предусмотрено ст. 78 УИК РФ и возможно при установлении судом формального и материального основания. Формальное основание для изменения вида исправительного учреждения заключается в отбытии установленного законом срока, которое учитывается только при изменении вида исправительного учреждения в сторону улучшения правового положения осужденного. А материальное основание для увеличения объема прав и свобод осужденного заключается в установлении судом данных о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершению деяния и о том, что осужденный частично или полностью возместил причиненный ущерб или иным образом загладил вред, причиненный в результате преступления, а также о назначенных и примененных принудительных мер медицинского характера, в то время как для перевода в иной вид исправительного учреждения в сторону ухудшения правового положения осужденного материальным основанием является факт признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

Таким образом, основания для изменения вида условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения очень схожи.

Для изменения вида исправительно-го учреждения в сторону улучшения правового положения осужденного законодатель также предусмотрел минимально необходимый срок отбывания наказания в зависимости от вида исправительного учреждения и заключающейся в определенной части срока, назначенного по приговору суда.

Численность осужденных, переведенных из тюрем в ИК – 20 человек. Численность осужденных, у которых наступил формальный срок возможного перевода в КП – 132 042, при этом численность осужденных, переведенных в КП в порядке п.п. «в», «г» части 2 статьи 78 УИК РФ – 10 240, из них из ИК общего режима – 3 868, из ИК строгого режима – 6 372 [2, с. 379].

Анализ представленных статистических данных свидетельствует о том, что у осужденных есть заинтересованность изменить вид исправительного учреждения, в которых различная степень изоляции. Из тюрьмы с покамерным содержанием осужденные переводятся в исправительные колонии разных видов с поотрядным содержанием, а также из исправительных колоний в колонии-поселения с меньшей степенью изоляции, чем в исправительных колониях. Однако изменение вида исправительной колонии, критерием разграничения которых является количество посылок, передач, бандеролей, время прогулки, количество разрешенных свиданий, сумме денежных средств, разрешенных для ежемесячного использования, предусмотрено уголовно-исполнительным законодательством РФ только в одном случае: из ИК особого режима в ИК строгого режима. При этом на практике по анализу статистических данных за 2022 год указанного перевода не производилось. В связи с чем, следует решать вопрос о критериях разграничения видов исправительных колоний.

В соответствии с Минимальными стандартными правилами ООН в отноше-

нии обращения с заключенными 2015 года вид исправительного учреждения определяется степенью изоляции осужденного и способами размещения осужденных.

Применительно к российской системе исправительных учреждений по степени изоляции осужденных следует выделить колонии-поселения как открытые учреждения, а тюрьмы и исправительные колонии как закрытые учреждения. При этом способ размещения осужденных является критерием для разграничения исправительных колоний с поотрядным размещением осужденных в общежитиях и тюрем с покамерным содержанием осужденных.

Вышеуказанные критерии не влияют на разграничение исправительных колоний общего, строгого и особого режимов, они разграничиваются между собой только на основании элементов режима, что не позволяет их рассматривать самостоятельными видами исправительных учреждений. В связи с чем, обозначенную проблему возможно было бы решить объединением всех видов исправительных колоний общего, строго, особого, за исключением для пожизненно лишенных свободы, в один вид – исправительная колония, внутри которой выделить виды условий отбывания наказания – обычные, строгие, облегченные. А тюрьмы и колонии-поселения имеют самостоятельную значимость в способе содержания осужденных, отличном от исправительной колонии.

Ухудшение правового статуса осужденного при переводе его из менее строгих условий отбывания наказания в более строгие условия, равно как и в исправительное учреждение с более строгим режимом содержания, возможно лишь при одном основании – признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания.

При этом основными правовыми последствиями придания осужденному статуса злостного нарушителя установленного порядка отбывания наказания являют-

ся помимо изменения условий содержания либо изменения вида исправительного учреждения в сторону ухудшения правового положения осужденного, является наложение дисциплинарного взыскания в виде водворения в ШИЗО, ПКТ, ОК, ЕПКТ,

По действующему российскому уголовно-исполнительному законодательству один юридический факт в виде совершения осужденным деяния, признаваемого злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания, согласно ч. 1 ст. 116 УИК РФ, фактически влечет два правовых последствия – назначение дисциплинарного взыскания в виде водворения в штрафной изолятор, перевод в помещение камерного типа, одиночную камеру, единое помещение камерного типа и перевод осужденного на более строгие условия отбывания наказания, а именно с обычных условий – в строгие (ч. 3 ст. 120, ч. 3 ст. 122 УИК РФ), с облегченных – в обычные или строгие (ч. 4 ст. 120, ч. 4 ст. 122 УИК РФ).

Данные обстоятельства фактически означают двойную ответственность за одно и то же противоправное деяние, что нарушает общетеоретический постулат принципа справедливости, заключающийся в запрете нести ответственность дважды за одно и то же правонарушение [1, с. 234-235].

Выход из сложившейся ситуации представляется в двух возможных вариантах. Первое предложение заключается в признании перевода в более строгие условия содержания осужденного, признанного злостным нарушителем условий отбывания наказания, одной из мер дисциплинарного взыскания, наряду с водворением в ШИЗО, ПКТ, ОК, ЕПКТ.

Противником данного положения является Ю. М. Ткачевский: «Водворение в помещения камерного типа, одиночные камеры и единые помещения камерного типа

не является элементом прогрессивной системы. Порядок применения этих мер дисциплинарного воздействия иной, нежели порядок применения элементов прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний. В связи с тем, что перевод осужденного за злостное нарушение режима на более строгие условия отбывания наказания не является дисциплинарным взысканием» [4, с. 45].

Прямая зависимость правового положения осужденного на определенных условиях отбывания наказания от поведения самого осужденного, а не от назначенных сроков соответствует постулатам прогрессивной системы отбывания наказания.

В связи с чем, целесообразно не учитывать минимально необходимый срок нахождения на определенных условиях отбывания наказания, а учитывать личность осужденного, степень его исправления и осознания собственной вины, а также его поведения после совершения правонарушения, максимально индивидуализируя степень карательного воздействия на осужденного.

По мнению С. М. Савушкина, индивидуализация исполнения наказаний – это обеспечение максимально возможного соответствия наказания и соединяемых с ним некарательных мер личности осужденного характеру и тяжести совершенного преступления, а также поведению в период отбывания наказания [3, с. 22-23].

Что касается изменения условий отбывания лишения свободы в одном исправительном учреждении, то предлагается схему изменения видов условий отбывания наказания, предусмотренную УИК РФ, оставить без изменения, но отменить учет формального основания в виде закрепления минимально необходимого срока отбытия осужденным на определенном виде условий, учитывая лишь

материальное основание в виде поведения самого осужденного.

При изменении вида исправительного учреждения также предлагаем учитывать лишь материальное основание.

При этом исправительная колония особого режима для пожизненно лишен-

ных свободы не должны быть включены в схему изменения видов исправительного учреждения, сохранив лишь за данной категорией осужденных возможность изменять вид условий в одном исправительном учреждении.

Литература

1. *Каганева Е. А.* Перевод в более строгие условия отбывания наказания в виде лишения свободы как правовое последствие признания осужденного злостным нарушителем // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-2(64). С. 233–236.

2. Основные показатели деятельности УИС (январь – декабрь 2022 год). Информационно-аналитический обзор. Тверь, 2023.

3. *Савушкин С. М.* Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные основы дифференциации осужденных к лишению свободы. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020.

4. *Ткачевский Ю. М.* Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. МГУ им. Ломоносова, 2007.

References

1. *Kadaneva E. A.* Perevod v bolee strogie usloviya otbyvaniya nakazaniya v vide lisheniya svobody kak pravovoe posledstvie priznaniya osuzhdenного zlostnym narushitelem // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 4-2(64). S. 233–236.

2. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti UIS (yanvar' – dekabr' 2022 god). Informacionno-analiticheskij obzor. Tver', 2023.

3. *Savushkin S. M.* Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye osnovy differenciacii osuzhdenных k lisheniyu svobody. Novokuzneck: Kuzbasskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2020.

4. *Tkachevskij Yu. M.* Rossijskaya progressivnaya sistema ispolneniya ugolovnyh nakazaniy. MGU im. Lomonosova, 2007.

Сведения об авторах

Царева Елена Александровна: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), начальник кафедры организации охраны и конвоирования в УИС, кандидат юридических наук. E-mail: kadaneva_elena@mail.ru

Сорокин Михаил Владимирович: ФКОУ ВО Владимирский юридический институт ФСИН России (г. Владимир, Российская Федерация), начальник кафедры организации режима и надзора юридического факультета, кандидат юридических наук. E-mail: sorokinmike@mail.ru

Information about the authors

Tsareva Elena Aleksandrovna: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation), Head of the department of organization of security and escort in the penitentiary system, candidate of legal sciences.
E-mail: kadaneva_elena@mail.ru

Sorokin Mikhail Vladimirovich: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vladimir, Russian Federation), Head of the Department of Organization of the Regime and Supervision of the Faculty of Law, Candidate of Legal Sciences.
E-mail: sorokinmike@mail.ru

ПЕДАГОГИКА
Pedagogy

УДК 376.58

Э. В. Зауторова, А. А. Ефименко

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ
ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

В статье предпринята попытка провести ретроспективный анализ развития и становления профессионально-технического обучения осужденных в годы советской власти.

Отмечается, что система профессионально-технического обучения в исправительно-трудовых учреждениях была призвана решать задачи исправления и перевоспитания осужденных, а также подготовки их к честной трудовой жизни после освобождения. Особое внимание уделялось приобщению осужденных к общественно-полезному труду. Это выражалось, прежде всего, в развитии необходимой учебно-материальной базы для проведения практических занятий в процессе обучения. Применение технических средств обучения способствовало развитию у учащихся познавательной активности, самостоятельности мышления, лучшего усвоения учебного материала. Вместе с тем, для ряда категорий осужденных требовались специальные педагогические формы и методы, позволяющие заинтересовать их в получении рабочей специальности.

Исследования показывают, что успех в исправлении осужденных зависел не только от учебно-материальной базы профессионально-технических училищ, но и от их эстетического оформления. Выявлено, что педагогические коллективы училищ в местах лишения свободы уделяли большое внимание оформлению учебных кабинетов и мастерских наглядной агитацией (графики, диаграммы, аналитические отчеты, правила производственной безопасности).

В выводе статьи подчеркивается, что учебно-воспитательная деятельность педагогических коллективов училищ в местах лишения свободы была направлена, прежде всего, на формирование у осужденных потребностей к повышению интеллектуального уровня и профессионального мастерства.

Ключевые слова: исправление, перевоспитание, труд, профессионально-техническое обучение, исправительно-трудовое учреждение, специальность, профессия.

E. V. Zautorova, A. A. Efimenko

**FROM THE HISTORY OF THE FORMATION OF VOCATIONAL TRAINING
OF CONVICTS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY**

The article attempts to conduct a retrospective analysis of the development and formation of vocational training of convicts during the years of Soviet power.

© Зауторова Э.В., Ефименко А.А., 2023

© Zautorova E.V., Efimenko A.A., 2023

It is noted that the system of vocational training in correctional labor institutions was designed to solve the problems of correction and re-education of convicts, as well as preparing them for an honest working life after release. Special attention was paid to the introduction of convicts to socially useful work. This was expressed, first of all, in the development of the necessary educational and material base for conducting practical classes in the learning process. The use of technical means of teaching contributed to the development of cognitive activity, independent thinking, and better assimilation of educational material in students. At the same time, special pedagogical forms and methods were required for a number of categories of convicts, allowing them to be interested in obtaining a working specialty.

Studies show that the success in the re-education of convicts depended not only on the educational and material base of vocational schools, but also on the aesthetic design. It was revealed that the pedagogical collectives of schools in places of deprivation of liberty paid great attention to the design of classrooms and workshops with visual agitation (graphs, diagrams, analytical reports, rules of industrial safety).

The conclusion of the article emphasizes that the educational activity of the pedagogical collectives of schools in places of deprivation of liberty was aimed primarily at the formation of convicts' needs to improve their intellectual level and professional skills.

Keywords: correction, re-education, labor, vocational training, correctional labor institution, specialty, profession.

В первые годы Советской власти возможности для профессионально-технического обучения осужденных в местах лишения свободы были достаточно ограниченными.

Однако Коммунистическая партия и Советское государство поставили перед органами, исполняющими наказание в виде лишения свободы, задачу создания необходимых условий для успешной подготовки правонарушителей к честной трудовой жизни на свободе.

Профессиональное обучение закреплялось рядом нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность исправительно-трудовых учреждений.

В частности, Временная инструкция от 23.07.1918 «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» предусматривала организацию профессионально-технического обучения осужденных. Она разъясняла не только вопросы организации обучения, но и воспитания заключенных [1].

¹ Постановление Наркомюста РСФСР от 07.08.1918 «О создании тюремных мастерских, о внешних работах и об оплате труда заключенных» / Официальный сайт Кузбасского института ФСИН России. URL: https://ki.fsin.gov.ru/history/index.php?ELEMENT_ID=61462. (дата обращения 20.07.2023).

07.08.1918 был принят циркуляр Центрального карательного органа Комиссариата юстиции РСФСР. В нем отмечалось, что одна из главных задач тюрем состоит в том, чтобы отбывающий наказание мог найти применение приобретенным им знаниям, трудовым навыкам без «излишних» затруднений¹.

В этот период в результате принятых мер в местах лишения свободы организулись курсы и индивидуально-бригадное профессионально-техническое ученичество [10].

В связи с быстрым развитием крупной машинно-строительной индустрии в стране возрастает потребность в технически грамотных рабочих специалистах. На этой основе появляются первые школы фабрично-заводского ученичества. Отмечалось, что они с наибольшей для того времени полнотой отвечали требованиям партии к профессионально-техническому обучению граждан. Так в Положении об общих местах заключения говорилось,

что профессионально-техническое обучение должно проводиться в специальных мастерских. Согласно данному Положению каждый заключенный должен получить специальность, по которой мог бы работать, отбыв срок наказания. Однако проведенные исследования показывают, что претворить в жизнь это условие было крайне тяжело, так как места заключения располагали ограниченными возможностями, позволяющими обучать заключенных только неотложному ремеслу [5]. Тем не менее, отношение к труду и трудовым достижениям рассматривались Положением как один из критериев исправления заключенных.

Основополагающими документами в области дальнейшего развития профессионально-технического обучения в местах лишения свободы явились Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года и кодексы других союзных республик. Профессиональное обучение включалось в трудовое воспитание заключенных и рассматривалось как мера исправительно-трудового воздействия на них. В первую очередь, Кодекс предусматривал организацию школ ремесленного и профессионально-производственного типа.

Стоит отметить, что Исправительно-трудовой кодекс 1933 года в области профессионально-технического обучения заключенных закрепил организацию школ фабрично-заводского ученичества особого типа. Воспитательное значение профессионально-технического обучения лиц, лишенных свободы, заключалось в подготовке квалифицированных кадров для быстро развивающихся промышленности и сельского хозяйства.

С 1947 года стала широко внедряться практика досрочного освобождения из мест заключения с направлением осужденных на работу в промышленность. Отдельные категории осужденных закреплялись в качестве вольнонаемных на стройках, которые обслуживали испра-

вительно-трудовые учреждения (далее – ИТУ) до конца 1948 года.

Отбор осужденных возлагался на МВД и Прокуратуру СССР. Подлежали освобождению совершеннолетние осужденные с остатком срока не менее трех месяцев. По согласованию с Генеральным прокурором СССР с освобожденных, занятых на одном из крупных строительства, снималась судимость при условии выполнения и перевыполнении ими плана в период с 01.08.1947 года по второй квартал 1948 года [6].

В последующие годы интересы производственно-хозяйственной деятельности потребовали внедрения системы зачета рабочих дней и в другие ИТУ. В тех ИТУ, где система зачетов рабочих дней не применялась, осужденные освобождались досрочно по иным основаниям – условно-досрочно или в связи со снижением срока наказания за успехи в труде и примерное поведение.

В 1965 году принято Положение о профессионально-техническом обучении заключенных. Подчеркивается, что с этого момента получают быстрое развитие профессионально-технические училища и их филиалы во всех ИТУ.

В Основах исправительно-трудового законодательства СССР, принятых в 1969 году, профессионально-техническое обучение осужденных называли одним из основных средств их исправления и перевоспитания. Осужденные, отбывая наказание, имели право получить профессиональное образование (ст. 31). Впервые осужденные, не имеющие специальности и общего образования, в первую очередь, привлекались к профессионально-техническому обучению. Причем никаких возрастных ограничений законодателем установлено не было. Правом на освобождение от профессионально-технического обучения пользовались инвалиды I и II групп. Следует отметить, что обучение их в профессионально-техническом

училище по собственному желанию поощрялось администрацией ИТУ[9].

Профессионально-техническое обучение лиц, лишенных свободы, организовывалось в соответствии с Основами исправительно-трудового законодательства СССР и соответствующими документами Государственного комитета СССР по профессиональному образованию. Исходными положениями организации профессионально-технического обучения осужденных являлись принципы народного образования в СССР с учетом специфики осуществления обучения в местах лишения свободы:

- свободный выбор рабочей специальности или профессии;
- соответствие состояния здоровья и физического развития выбранной профессии;
- необходимая общеобразовательная подготовка;
- взаимодействие теоретического и практического обучения, организация практических занятий на основе производственного труда;
- универсальность учебно-материальной базы при организации обучения;
- создание курсов профессионально-технического обучения;
- планирование профессионально-технического обучения [3].

Общее руководство профессионально-техническим обучением осужденных, а также планированием, финансированием и контролем за состоянием этой работы осуществляло Главное управление исправительно-трудовых учреждений МВД СССР и Главное управление лесных исправительно-трудовых учреждений МВД СССР.

Обязательным для управлений, отделов ИТУ и подчиненных им подразделений, осуществляющих подготовку квалифицированных рабочих из числа осужденных, являлись указания Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию

по учебно-методической документации, перечням профессий, срокам обучения и другим вопросам, входящим в его компетенцию.

На начало 1990-х годов порядка 90 % ИТУ располагало профессионально-техническими училищами с соответствующей материально-технической базой. Не вызывает сомнения тот факт, что это способствовало формированию трудовых навыков, успешному выполнению производственных планов, росту производительности труда, повышению качества выпускаемой продукции, экономии сырья и материалов, мобилизации осужденных на безупречное выполнение правил внутреннего распорядка [8]. Основной задачей при этом являлось обучение в максимально короткий срок вновь прибывающих осужденных специальности, соответствующей требованиям производства учреждения.

Проведенный анализ показал, что осужденные, не имеющие полного среднего образования, в профессиональное училище не принимались. Это было связано с тем, что на предприятиях ИТУ молодым рабочим присваивались высшие разряды по ряду профессий с учетом их общеобразовательного уровня, учебы в вечерних школах. На предприятиях цветной и черной металлургии устанавливался соответствующий перечень профессий, требующих полного среднего образования.

Обращает на себя внимание тот факт, что с теми осужденными, которые имели рабочую специальность, велась разъяснительная и агитационная работа о необходимости дальнейшего повышения квалификации. Во многих ИТУ имелся положительный опыт по подготовке рабочих кадров для собственного производства. Суть его заключалась в том, что разрабатывался перспективный план, в рамках которого ежемесячно проводились заседания секции совета коллектива осужденных колонии, где обсуждались актуальные производственные вопросы.

При организации курсов по подготовке рабочих кадров, а также для повышения квалификации учитывалась не только потребность производства ИТУ, но и интересы народного хозяйства, чтобы осужденные имели возможность после освобождения трудоустроиться по полученной специальности. Успехи бывших осужденных в работе или учебе пропагандировались в материалах и стенной печати, в выпусках местных радиогазет, на общих собраниях осужденных, на заседаниях секций профессионально-технического обучения [2].

Основной формой теоретической работы в профессионально-техническом училище являлся урок. Педагогические коллективы ПТУ в колониях постоянно совершенствовали учебно-воспитательный процесс с учетом постоянно изменяющейся материально-технической базы. Активизация учебно-воспитательной работы на уроке зависела от организации мобилизующего начала урока, экономии времени в процессе урока, активной деятельности учащихся на уроке (поэлементный и поисковый пути усвоения знаний), элементов программированного обучения. Методически урок строился с учетом специфических особенностей обучаемых. Подчеркнем, что современный урок в профессионально-техническом училище конца 1980-х годов – это урок воспитания осужденных-учащихся в духе коммунистической идейности, урок утверждения чувства гражданского долга, любви к труду и коллективизму [4]. Естественно, на уроках обучающиеся получали не только теоретические знания, но и практические умения и навыки. Обязательной формой обучения являлись практические занятия в учебно-производственных мастерских, где условия обучения максимально приближены к производству. Обучающиеся имели возможность не только практиковаться, но и выполнять отдельные производственные заказы. Это позволяло воспитывать

у них сознательную производственную дисциплину, культуру труда, стремление к новаторству.

С целью повышения качества практических занятий в процессе обучения широко применялись действующие модели, наглядные пособия, кинопроекторная аппаратура. По мнению мастеров, применение технических средств обучения повышает эффективность занятий, развивает у обучающихся познавательную активность и самостоятельность мышления. В этой связи особое внимание уделялось организации самостоятельной работы обучающихся профессионально-технических училищ. Процесс формирования умений и навыков разделялся на несколько этапов:

- объяснение и показ;
- пробное выполнение действий;
- упражнение и усовершенствование;
- применение в разнообразной практике.

Несомненно, наиболее распространенной самостоятельной работой являлась работа с книгой, справочной литературой и учебниками. Анкетирование обучающихся профессионально-технических училищ в 1985 году показало, что главным источником основной научно-технической информации в условиях лишения свободы являлась книга. Поэтому с первых дней занятий в училище преподаватели обучали учащихся приемам работы с книгой, приучали к самостоятельной работе с таблицами, справочниками, диаграммами. В процессе объяснения нового материала преподаватели ссылались на печатные издания, показывали иллюстрации, схемы, приводили высказывания ученых и писателей. Это побуждало осужденных постоянно обращаться к книге для закрепления полученных знаний, найти ответы на возникающие вопросы. Некоторые осужденные считали, что обращение к книге является лишней тратой времени, что лучше спросить у мастера – ответ получишь быстрее

и вернее [7]. Отсылая учащихся к книге, педагоги действительно замедляли процесс получения ими ответов на вопросы, но решалась важная задача – осужденные учатся пользоваться книгой и справочной литературой.

Проведенные авторами исследования показывают, что успех в перевоспитании осужденных зависел не только от учебно-материальной базы профессионально-технического училища, но и от ее состояния и эстетического оформления. Педагогические коллективы училищ в местах лишения свободы уделяли ключевое внимание оформлению учебных кабинетов, производственных мастерских и наглядной агитации.

Мастера и преподаватели училищ, имея возможность изучать каждого обучающегося, положительно влияли на их взгляды и чувства. В этой связи огромное значение имело регулярное посещение учащимися занятий и различных воспитательных мероприятий. Только при этом обязательном условии совершенствовались профессиональные знания и навыки, достигались воспитательные цели.

Особое внимание педагогические коллективы училищ обращали на проведение технических конференций с осужденными. К обсуждению поставленных на конференции вопросов привлекались все учащиеся учебных групп, что давало возможность выступить и слабо подготовленным осужденным. В выступлениях учащиеся освещали вопросы, требующие критического отношения к самим себе: это бережное отношение к использованию материала, сознательное отношение к порученному делу, повышение производительности труда на конкретных примерах из производственной жизни учреждения.

Практика показала, что многие бывшие осужденные 1980-х годов – выпускники училищ при ИТУ учились в дальнейшем

заочно в техникумах и институтах. Условно-освобожденные с обязательным привлечением к труду из числа выпускников училищ, как правило, хорошо зарекомендовывали себя на стройках народного хозяйства и предприятиях металлургии.

Не вызывает сомнения, что теоретические знания, полученные в школе, училище, помогали повышать осужденным производственную квалификацию. При проведении итогов трудовых соревнований между бригадами учитывалось отношение членов бригады к учебе в школе и профессионально-техническом училище. В то же время при подведении итогов соревнования между классами, группами учитывались производственные показатели учащихся. В большинстве школ ИТУ проводилось соревнование за получение звания «Отличник учебы – передовик производства». Осужденные были заинтересованы в том, что им может быть присвоено данное звание, так как оно учитывалось при решении вопроса об освобождении от наказания раньше срока.

Таким образом, учебно-воспитательная деятельность педагогических коллективов профессионально-технических училищ ИТУ вплоть до 1990-х годов в целом была направлена на формирование у осужденных потребностей к повышению интеллектуального уровня, профессионального мастерства, к самообразованию. Учебные занятия и воспитательные мероприятия, проводимые на высоком идейно-теоретическом и методическом уровне, способствовали воспитанию познавательных интересов и склонностей. Достигалось это путем проведения разъяснительной работы с осужденными, показом на конкретных примерах пользы приобретения знания, необходимости повышения общего и профессионального уровня. Только грамотному, высококвалифицированному рабочему под силу управлять техникой

и участвовать в развитии общества.

Попытка провести ретроспективный анализ по становлению профессионально-технического обучения осужденных в ИТУ СССР предпринята с целью

обобщения представленного опыта и возможности частичной интеграции его в современную учебно-воспитательную работу с разными категориями осужденных в местах лишения свободы.

Литература

1. *Борисенко И. В.* Пенитенциарная система России: история и современность // Актуальные вопросы изучения и преподавания истории, социально-гуманитарных дисциплин и права: Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию исторического факультета ВГУ им. П.М. Машерова. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова. 2018. С. 369–372.

2. *Горбунов В. А.* Обучение осужденных в уголовно-исполнительной системе России: теоретические и практические аспекты // Вестник Владимирского юридического института. 2008. №4(9). С. 17–20.

3. *Ефименко А. А., Сидакова М. А.* Из истории организации исправления несовершеннолетних осужденных в 1960-х годах // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. 2021. №3 (44). С. 91–98.

4. *Ефименко А. А., Сидакова М. А.* Индивидуальные особенности лиц, осужденных к лишению свободы, получающих образование в местах лишения свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2022. № 1 (11). С.143–149.

5. *Ефименко А. А., Дворцов В. Б.* О некоторых исторических аспектах становления воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы // Вестник самарского юридического института: научно-практический журнал. 2019. №5. С.115–120.

6. *Кузьмин С. И.* Деятельность советской исправительно-трудовой системы в 1954-1968 годах // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 6 (145). С. 54–61.

7. *Ломакин А. Н.* Особенности обучения осужденных в исправительных учреждениях // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1(38). С. 39–41.

8. *Молчанов Н. А., Вербицкая Н. О.* Профессиональное образование осужденных в развитии лесной отрасли уральского региона: исторические пути и современные перспективы // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 25–38.

9. *Санташов А. Л., Ускова Т. В.* Отдельные проблемы получения профессионального образования и прохождения профессионального обучения осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 7. С.46–53.

10. *Строева Г. В.* Обучение как центральная категория процесса самоисправления осужденных: историко-дидактический аспект // Академический Вестник Института образования взрослых Российской академии образования: Человек и образование. 2009. № 3(20). С. 154–158.

References

1. *Borisenko I. V.* Penitenciarnaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost' // Aktual'nye voprosy izucheniya i prepodavaniya istorii, social'no-gumanitarnyh disciplin i prava: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii k 100-letiyu istoricheskogo fakul'teta

VGU im. P.M. Masherova. Vitebsk: Vitebskij gosudarstvennyj universitet im. P.M. Masherova. 2018. S. 369–372.

2. *Gorbunov V. A.* Obuchenie osuzhdennyh v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2008. №4(9). S. 17–20.

3. *Efimenko A. A., Sidakova M. A.* Iz istorii organizacii ispravleniya nesovershennoletnih osuzhdennyh v 1960-h godah // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal. 2021. №3 (44). S. 91–98.

4. *Efimenko A. A., Sidakova M. A.* Individual'nye osobennosti lic, osuzhdennyh k lisheniyu svobody, poluchayushchih obrazovanie v mestah lisheniya svobody // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2022. № 1(11). S.143–149.

5. *Efimenko A. A., Dvorcov V. B.* O nekotoryh istoricheskikh aspektah stanovleniya vospitatel'noj raboty s osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody // Vestnik samarskogo yuridicheskogo instituta: nauchno-prakticheskij zhurnal. 2019. №5. S.115–120.

6. *Kuz'min S. I.* Deyatel'nost' sovetskoj ispravitel'no-trudovoj sistemy v 1954-1968 godah // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2014. № 6 (145). S. 54–61.

7. *Lomakin A. N.* Osobennosti obucheniya osuzhdennyh v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2016. № 1(38). S. 39–41.

8. *Molchanov N. A., Verbickaya N. O.* Professional'noe obrazovanie osuzhdennyh v razvitii lesnoj otrasli ural'skogo regiona: istoricheskie puti i sovremennye perspektivy // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013. № 6. S. 25–38.

9. *Santashov A. L., Uskova T. V.* Otdel'nye problemy polucheniya professional'nogo obrazovaniya i prohozhdeniya professional'nogo obucheniya osuzhdennymi, otbyvayushchimi nakazanie v vide lisheniya svobody // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2019. № 7. S.46–53.

10. *Stroeveva G. V.* Obuchenie kak central'naya kategoriya processa samoispravleniya osuzhdennyh: istoriko-didakticheskij aspekt // Akademicheskij Vestnik Instituta obrazovaniya vzroslyh Rossijskoj akademii obrazovaniya: Chelovek i obrazovanie. 2009. № 3(20). S. 154–158.

Сведения об авторах

Зауторова Эльвира Викторовна. ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН России» (г. Вологда, Российская Федерация), профессор кафедры юридической психологии и педагогики; ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва, Российская Федерация), ведущий научный сотрудник, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: elvira-song@mail.ru

Ефименко Александр Александрович: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), доцент кафедры организации исполнения наказаний, кандидат педагогических наук. E-mail: AAE.13@yandex.ru

Information about the authors

Zautorova Elvira Viktorovna: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Russian Federation), Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy; Leading Researcher at the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia» (Moscow, Russian Federation), Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. E-mail: elvira-song@mail.ru

Efimenko Aleksandr Alexandrovich: Tomsk Institute of the professional development of employees of the FPS of Russia (Tomsk, Russian Federation), associate professor of the department of organization of execution of punishments, candidate of Pedagogical Sciences. E-mail:AAE.13@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЯ
Psychology

УДК 159.99

А. А. Гриднева, Е. С. Коваленко

**ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДОВ ОСУЖДЕННЫХ
ПОСРЕДСТВОМ РАЗВИТИЯ СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ**

В современном обществе уголовно-исполнительная система Российской Федерации ориентирована на коррекцию деструктивных личностных факторов и поведенческих проявлений, что обусловлено высокой ролью УИС в осуществлении социального контроля и исправления осужденных.

Актуальность работы заключается в рассмотрении малоизученных возможностей профилактики суицидального поведения осужденных путем стабилизации их экзистенциального состояния. В статье рассматривается гипотеза о том, что при развитии смысложизненных ориентаций осужденных, которые лежат в основе иррациональных убеждений личности, можно эффективно снизить риск их суицидального поведения. Проведен теоретический анализ психологических причин суицидального поведения; исследована роль смысложизненных ориентаций, лежащих в основе иррациональных убеждений личности, в формировании суицидального риска у осужденных; на основе результатов эмпирического исследования разработана психокоррекционная программа для проведения занятий с осужденными, состоящими на профилактическом учете как склонные к совершению суицида и членовредительству, оценена ее эффективность. Использовались общенаучные (метод анализа и синтеза информации), психодиагностические методы (метод тестирования), методы математической и статистической обработки данных. В ходе исследования гипотеза подтвердилась, разработанная психокоррекционная программа позволяет повысить уровень осмысленности жизни и эффективно снизить уровень суицидального риска у осужденных (подозреваемых, обвиняемых).

Ключевые слова: осужденные, суицидальное поведение, психокоррекция, смысложизненные ориентации, иррациональные убеждения, суицидальный риск, профилактика.

A. A. Gridneva, E. S. Kovalenko

**PREVENTION OF SUICIDE OF CONVICTS THROUGH
THE DEVELOPMENT OF MEANINGFUL LIFE ORIENTATIONS**

In modern society, the penal enforcement system of the Russian Federation is focused on the correction of destructive personal factors and behavioral manifestations, which is due to the high role of the Criminal justice system in the implementation of social control

© Гриднева А.А., Коваленко Е.С., 2023

© Gridneva A.A., Kovalenko E.S., 2023

and correction of convicts.

The relevance of the work is to consider the little-studied possibilities of preventing suicidal behavior of convicts by stabilizing their existential state. The article discusses the hypothesis that with the development of the meaning-of-life orientations of convicts, which underlie the irrational beliefs of the individual, it is possible to effectively reduce the risk of their suicidal behavior. A theoretical analysis of the psychological causes of suicidal behavior is carried out; the role of the life-meaning orientations underlying the irrational beliefs of the individual in the formation of suicidal risk in convicts is investigated; based on the results of an empirical study, a psychocorrection program for conducting classes with convicts who are on preventive registration as prone to suicide and self-harm is developed, its effectiveness is evaluated. General scientific methods (method of information analysis and synthesis), psychodiagnostic methods (testing method), methods of mathematical and statistical data processing were used. During the study, the hypothesis was confirmed, the developed psychocorrection program allows to increase the level of meaningfulness of life and effectively reduce the level of suicidal risk in convicts (suspects, accused).

Keywords: convicts, suicidal behavior, psychocorrection, life-meaning orientations, irrational beliefs, suicidal risk, prevention.

Несмотря на проведение профилактических мероприятий, такая форма личностной деструкции как суицидальное поведение является достаточно распространенной проблемой, как в предварительном заключении, так и в местах лишения свободы при отбывании наказания. Так в Сибирском федеральном округе за 2022 год допущен 31 (АППГ – 33) случай суицида среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных¹.

Согласно научным взглядам на причины совершения суицидов, а также исходя из статистических данных, основными переживаниями, опосредующими суицидальную активность, являются утрата смысла жизни, потеря социального статуса, репутации, неоправданными надеждами или ожиданиями. Ведущими мотивами совершения осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми суицидов являлись: длительный срок отбывания наказания (6 случаев); наличие в анамнезе неоднократных актов членовредительства и попыток суицида, неустойчивое психоэмоциональное состояние или психиатрическое заболевание

(5 случаев); утрата, либо отсутствие социально-полезных связей (4 случая); несогласие с решением суда (3 случая); осознание вины за совершенное преступление (2 случая); наличие денежных обязательств (2 случая); наличие тяжелых заболеваний (ВИЧ-инфекция, группа риска по туберкулезу, 2 случая); стремление избежать предполагаемой ответственности за совершенный поступок, неприемлемый в среде осужденных (2 случая); переживание по поводу своего социального статуса среди осужденных, подозреваемых, обвиняемых (1 случай); боязнь получить реальный срок (1 случай); в ряде случаев на момент составления обзора причины совершения суицидов не были установлены².

Особое внимание в ситуации принятия решений, по мнению гуманистической психологической школы, уделяется экзистенциальному состоянию человека. Классическая когнитивно-поведенческая психотерапия говорит о влиянии мыслей на эмоциональное состояние и поведение человека. Для современного этапа развития психологической науки характерно «слия-

¹ Письмо ГУФСИН России по Красноярскому краю от 26.01.2023 №исх-24/ТО/302732 «Обзор о суицидах среди подозреваемых, обвиняемых, осужденных территориальных органов ФСИН России по Сибирскому федеральному округу за 2022 год».

² Там же.

ние» некоторых представлений различных научных направлений в совершенно новые теории, наиболее полно объясняющие психические феномены. Мы предполагаем, что при развитии смысложизненных ориентаций осужденных (подозреваемых, обвиняемых), которые лежат в основе иррациональных убеждений личности, можно эффективно снизить риск их суицидального поведения.

В попытке систематизации причин суицидального поведения разработаны несколько подходов, ставящих во главу угла различные аспекты взаимодействия человека с окружающим миром, в частности: биологический («душевная патология», физиологическая предрасположенность), социологический (суицид как способ разрешения жизненных проблем, возникающих в результате отчуждения индивида от его социальной группы), психологический (наличие актуального амбивалентного конфликта), социально-психологический (невозможность преодолеть нормативный и ненормативный кризис) и интегративный подход к самоубийству.

В рамках психологического подхода наиболее значимыми являются концепции, разработанные З. Фрейдом и К. Абрахамом (концепция аутоагрессии), К. Меннингером (три желания: убить, быть убитым и умереть вместе), Э. Фроммом («качели» от агрессии до аутоагрессии), Ф. Александером (путь удовольствия пролегает сквозь тернии болезненного самоограничения и страдания), А. Адлером (при выраженном чувстве неполноценности агрессию, необходимую для победы над соперниками в борьбе за существование, приходится сдерживать и добиваться победы путем самоистязания), Р. Фэйрберном (садомазохизм как «моральная защита от плохих объектов») и т.д. [2].

Интересной, на наш взгляд, и подтверждающей результатами статистического изучения условий и причин совер-

шения осужденными (подозреваемыми, обвиняемыми) суицидов, приведенными выше, является концепция Э. Шнейдмана. Исследователь перечисляет 10 общих психологических характеристик самоубийств: 1) общей целью самоубийства является нахождение решения; 2) общая задача самоубийства состоит в прекращении сознания; 3) общим стимулом к совершению суицида является невыносимая душевная боль – психалгия; 4) общим стрессором при суициде являются фрустрированные психологические потребности; 5) общей суицидальной эмоцией является беспомощность-безнадежность; 6) общим внутренним отношением к суициду является амбивалентность; 7) общим состоянием психики при суициде является сужение когнитивной сферы; 8) общим действием при суициде является бегство; 9) общим коммуникативным действием при суициде является сообщение о своем намерении; 10) общей закономерностью является соответствие суицидального поведения общему жизненному стилю поведения [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что причиной суицидального поведения становится потребность в прекращении ощущения душевной боли, вызванной чувством беспомощности (безнадежности) в следствие фрустрированных психологических потребностей. Еще одним ключевым феноменом при формировании суицидальных намерений является сужение когнитивной сферы, которое проявляется в снижении когнитивных функций (памяти, внимания, гнозиса, мышления) под действием стрессора, но и, согласно теории когнитивно-поведенческой психологии, наличие когнитивных искажений (иррациональных убеждений личности), которые являются детерминантами фрустрации психологических потребностей и дезадаптации.

Рассматриваемые закономерности характерны и для осужденных (подозреваемых, обвиняемых), что подтверждается

результатами эмпирических исследований [5].

Несмотря на то, что в рассматриваемых нами теориях формирования суицидального поведения нет четкого указания на влияние ценностей и смыслов, мы считаем, что смысложизненные ориентации лежат в основе формирования как рациональных, так и иррациональных убеждений личности, предопределяющих поступки человека. Так классическая «модель ABC», рассматриваемая в рамках когнитивной психотерапии, описывает компонент «В», состоящий из глубинных убеждений, представляющих базовые установки по отношению к миру, и промежуточных убеждений, определяющихся как отношения, правила, предположения, связанные с жизненным опытом. Основанные на глубинных и промежуточных убеждениях автоматические мысли становятся источником когнитивных искажений и дезадаптивного поведения [1]. Вместе с тем, понятие «смысл», которое не имеет точного определения, может быть описано как личностный смысл – индивидуализированное и субъективизированное значение, «значение значения», «значение для меня» (А. Н. Леонтьев) [3]. Таким образом, личностный смысл представляет собой отражение в сознании мотива деятельности к цели действия, а значит, имеет схожую природу с глубинными и промежуточными убеждениями компонента «В».

Смысложизненные ориентации – это комплексные психологические образования, вызванные актуальными для субъекта жизненными взаимоотношениями с объектами жизнедеятельности и отражающие субъективно-значимую трактовку сути этих отношений [3].

В контексте формирования суицидального поведения смысложизненные ориентации можно рассматривать как особенности субъективного восприятия действительности, лежащие в основе суицидальных замыслов.

Эмпирическое исследование проведено на базе ФКУ ИК-4 УФСИН России по Омской области. В исследовании приняли участие 20 осужденных, состоящих на профилактическом учете как склонные к совершению суицида и членовредительству. Использовались методики: «Опросник суицидального риска» (ОСР, А. Г. Шмелев, И. Ю. Белякова (1992)), «Методика изучения смысложизненных ориентаций» (СЖО, Дж. Крамбо, Л. Махолик (1964), в адаптации Д. А. Леонтьева (1988)). Математическая обработка данных производилась с помощью следующих методов: корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона), t-критерий Стьюдента для зависимых выборок. Для математической обработки данных использовалась компьютерная программа SPSS Statistics 23.

Результаты исследования.

По всем шкалам методики «Опросник суицидального риска», определяющим суицидальный риск, получены выше среднего, высокие результаты, что говорит о наличии следующих тенденций. Респонденты желают привлечь внимание окружающих к своим несчастьям, добиться сочувствия и понимания. Оцениваемое из внешней позиции порой как «шантаж», «истероидное выпячивание трудностей», демонстративное суицидальное поведение переживается изнутри как «крик о помощи» («демонстративность» 2 ± 1 балла). Доминируют эмоции над интеллектуальным контролем в оценке ситуации. Готовность реагировать на психотравмирующую ситуацию непосредственно эмоционально. В крайнем варианте – аффективная блокада интеллекта («аффективность» 3 ± 1 балла). Респонденты воспринимают себя, ситуации, и, возможно, собственную жизнь в целом как явления исключительное, не похожее на другие, и, следовательно, подразумевающее исключительные варианты выхода, в частности суицид. Тесно связана с феноменом «непроницаемости»

для опыта, т. е. с недостаточным умением использовать свой и чужой жизненный опыт («уникальность» 2 ± 1 балла). Респонденты чувствуют себя несостоятельными, некомпетентными («несостоятельность» 2 ± 1 балла). Характерна выраженная отрицательная концепция окружающего мира, экстернальный локус-контроля («социальный пессимизм» 4 ± 1 балла). Неустойчивая тенденция к заимствованию суицидальных моделей поведения, оправданию самоубийств («слом культурных барьеров» 1 ± 1 балл). Аффективная фиксация на неудачах в личностно-значимых ситуациях («максимализм» 2 ± 1 балла). Трудности при осуществлении конструктивного планирования будущего («временная перспектива» 1 ± 1 балл). Отмечается высокий уровень суицидального риска («суицидальный риск» 15 ± 4 баллов), что подтверждает наличие склонности к суицидальному поведению. Вместе с тем присутствует антисуицидальный фактор, сдерживающий суицидальную активность («антисуицидальный фактор» 1 ± 0 баллов).

Следует отметить, что показатели выраженности смысложизненных ориентаций, полученные с помощью «Методики изучения смысложизненных ориентаций», находятся в пределах среднестатистической нормы (чуть ниже среднего), что может говорить об их сформированности, но не устойчивости. Так в ситуации, связанной с яркими эмоциональными переживаниями, скорее всего, поставленные цели в жизни, способность к контролю собственных переживаний и жизни в целом, позитивная самооценка имеющихся знаний и опыта перестанут иметь значение, а решение закончить жизнь самоубийством не будет иметь рационального объяснения.

Взаимосвязь между смысложизненными ориентациями, удовлетворенностью жизнью и суицидальным риском оценивалась с помощью коэффициента корреляции Пирсона. Выявлена умеренная корреляционная связь между шкалами

(при $p=0,05$): «демонстративность» и «несостоятельность» ($r_{xy}=0,45$), «слом культурных барьеров» и «временная перспектива» ($r_{xy}=-0,484$), «несостоятельность» и «антисуицидальный фактор» ($r_{xy}=0,479$), «антисуицидальный фактор» и «суицидальный риск» ($r_{xy}=0,449$), «несостоятельность» и «цели в жизни» ($r_{xy}=-0,452$), «несостоятельность» и «процесс жизни» ($r_{xy}=-0,488$), «аффективность» и «локус-контроля Я» ($r_{xy}=-0,461$), «суицидальный риск» и «локус-контроля Жизнь» ($r_{xy}=-0,483$), «суицидальный риск» и «общий показатель осмысленности жизни» ($r_{xy}=-0,467$). Средняя корреляционная связь выявлена между шкалами: «аффективность» и «несостоятельность» ($r_{xy}=0,646$, при $p=0,01$), «уникальность» и «несостоятельность» ($r_{xy}=0,493$, при $p=0,05$), «уникальность» и «слом культурных барьеров» ($r_{xy}=0,576$, при $p=0,01$), «несостоятельность» и «временная перспектива» ($r_{xy}=0,559$, при $p=0,05$), «социальный пессимизм» и «антисуицидальный фактор» ($r_{xy}=0,573$, при $p=0,01$), «максимализм» и «антисуицидальный фактор» ($r_{xy}=0,565$, при $p=0,01$), «демонстративность» и «суицидальный риск» ($r_{xy}=0,685$, при $p=0,001$), «аффективность» и «суицидальный риск» ($r_{xy}=0,646$, при $p=0,01$), «слом культурных барьеров» и «суицидальный риск» ($r_{xy}=0,547$, при $p=0,05$), «максимализм» и «цели в жизни» ($r_{xy}=-0,521$, при $p=0,05$), «суицидальный риск» и «процесс жизни» ($r_{xy}=-0,518$, при $p=0,05$), «суицидальный риск» и «локус-контроля Я» ($r_{xy}=-0,619$, при $p=0,01$), «антисуицидальный фактор» и «локус-контроля Жизнь» ($r_{xy}=-0,638$, при $p=0,01$), «цели в жизни» и «локус-контроля Жизнь» ($r_{xy}=0,49$, при $p=0,05$), «результативность жизни» и «локус-контроля Жизнь» ($r_{xy}=0,512$, при $p=0,05$), «локус-контроля Я» и «локус-контроля Жизнь» ($r_{xy}=0,583$, при $p=0,01$), «несостоятельность» и «общий показатель осмысленности жизни» ($r_{xy}=-0,519$, при $p=0,05$), «локус-контроля Жизнь» и «общий показатель осмыс-

ленности жизни» ($r_{xy}=0,638$, при $p=0,01$). Сильная корреляционная связь выявлена между шкалами (при $p=0,05$): «демонстративность» и «уникальность» ($r_{xy}=0,808$), «уникальность» и «суицидальный риск» ($r_{xy}=0,747$), «несостоятельность» и «суицидальный риск» ($r_{xy}=0,803$), «цели в жизни» и «процесс жизни» ($r_{xy}=0,882$), «цели в жизни» и «результативность жизни» ($r_{xy}=0,817$), «процесс жизни» и «результативность жизни» ($r_{xy}=0,848$), «цели в жизни» и «локус-контроля Я» ($r_{xy}=0,888$), «процесс жизни» и «локус-контроля Я» ($r_{xy}=0,92$), «результативность жизни» и «локус-контроля Я» ($r_{xy}=0,756$), «цели в жизни» и «общий показатель осмысленности жизни» ($r_{xy}=0,924$), «процесс жизни» и «общий показатель осмысленности жизни» ($r_{xy}=0,906$), «результативность жизни» и «общий показатель осмысленности жизни» ($r_{xy}=0,931$), «локус-контроля Я» и «общий показатель осмысленности жизни» ($r_{xy}=0,9$).

Наблюдается согласование показателей по шкалам внутри методик. Анализ взаимосвязей между смысловыми ориентациями и факторами, определяющими высокий суицидальный риск, показывает, что:

а) для осужденных, ощущающих свою ненужность и «выключенность» из окружающего мира, характерны трудности в формировании целей в жизни, неудовлетворенность процессом жизни, неверие в способность контролировать события своей жизни, низкая осмысленность собственной жизни;

б) максимализм ценностных установок связан с неспособностью к постановке реалистичных целей в жизни;

в) общий уровень суицидального риска связан с восприятием своей жизни как неинтересной, не насыщенной эмоционально, фатализмом и неверием в способность влиять на свою жизнь.

Вместе с тем, выявлено наличие тенденции: высокий уровень выражен-

ности антисуицидального фактора связан с высоким уровнем несостоятельности, социального пессимизма, склонностью к оправданию суицидального поведения и высоким уровнем суицидального риска в целом, убежденностью в неспособности контролировать события собственной жизни. По нашему мнению, это может быть связано с неустойчивостью установок респондентов, стремлением к перекладыванию ответственности за собственную жизнь на других лиц, диссонансом между рациональным и эмоциональным в структуре личности или особенностями формирования шкалы «антисуицидальный фактор» и процедуры присваивания баллов. Выявленный феномен нуждается в последующем глубоком изучении, однако это не входит в перечень задач проводимого исследования.

Психокоррекционная программа направлена на развитие у осужденных смысловых ориентаций посредством формирования адекватной самооценки и проработки жизненных перспектив, решения личностных проблем, развития ресурсного потенциала личности. В основной части занятий содержатся упражнения логотерапии и когнитивно-поведенческой терапии, элементы арт-терапии. Разработана рабочая тетрадь, включающая в себя памятки с рекомендациями, упражнения для выполнения на занятиях и домашние задания. Сроки реализации программы: 1 раз в неделю по 2 академических часа в течение 5 недель.

Рассмотрим различия между выраженностью исследуемых параметров до и после проведения психокоррекционных мероприятий (использован t -критерий Стьюдента для зависимых выборок). После проведения психокоррекционных мероприятий произошло значимое снижение выраженности рассматриваемых показателей по шкалам: «аффективность» ($p=0,001$), «несостоятельность» ($p=0,0$), «максимализм» ($p=0,024$), «временная перспектива»

($p=0,0$), «суицидальный риск» ($p=0,005$). Таким образом, наблюдается снижение суицидальных тенденций, что говорит об эффективности проведенных психокоррекционных мероприятий.

После проведения психокоррекционных мероприятий наблюдается увеличение значений показателей осмысленности жизни. Высоко достоверных различий при статистическом анализе данных не выявлено, однако существуют различия по шкале «результативность жизни» при $p=0,055$ и по шкале «общий показатель осмысленности жизни» при $p=0,053$.

По результатам исследования мы можем сделать следующие **выводы**:

1) теоретический анализ психологических причин суицидального поведения показал, что основной причиной суицидального поведения становится потребность в прекращении ощущения душевной боли, вызванной чувством беспомощности (безнадежности) в следствие фрустрированных психологических потребностей; из-за сужения когнитивной сферы, которое проявляется в снижении когнитивных функций (памяти, внимания, гнозиса, мышления) под действием стрессора, а также наличия иррациональных убеждений личности, которые являются детерминантами фрустрации психологических потребностей и дезадаптации, осужденные (подозреваемые, обвиняемые), склонные к совершению суицида, не способны самостоятельно найти выход из сложившейся ситуации иным путем;

2) в основе иррациональных убеждений личности, способствующих формированию суицидального риска у осужденных, лежат ощущение ненужности и «выключенности» из окружающего мира; трудности в формировании целей в жизни; неудовлетворенность процессом жизни;

неверие в способности контролировать события своей жизни; низкая осмысленность собственной жизни; максимализм ценностных установок, который связан с неспособностью к постановке реалистичных целей в жизни; восприятие своей жизни как неинтересной, не насыщенной эмоционально; фатализм и неверие в способность влиять на свою жизнь;

3) выявлено наличие положительной связи антисуицидального фактора и несостоятельности, социального пессимизма, склонности к оправданию суицидального поведения и уровнем суицидального риска в целом, что требует последующего глубокого изучения;

4) на основе полученных данных разработана и апробирована психокоррекционная программа для проведения занятий с осужденными, состоящими на профилактическом учете как склонные к совершению суицида и членовредительству, которая направлена на развитие у осужденных смысловых ориентаций посредством формирования адекватной самооценки и проработки жизненных перспектив, решения личностных проблем, развития ресурсного потенциала личности;

5) разработанная психокоррекционная программа позволяет повысить уровень осмысленности жизни и эффективно снизить уровень суицидального риска у осужденных (подозреваемых, обвиняемых).

Заявленная гипотеза подтверждается результатами эмпирического исследования. При развитии смысловых ориентаций осужденных (подозреваемых, обвиняемых), которые лежат в основе иррациональных убеждений личности, можно эффективно снизить риск их суицидального поведения.

Литература

1. Бек А. Т. 60-летняя эволюция когнитивной теории и терапии // VIII Международный Форум Ассоциации Когнитивно-Поведенческой Психотерапии

CBTFORUM: Сборник научных статей VIII Международного Форума. Санкт-Петербург: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2022. С. 7–16.

2. *Змановская Е. В.* Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб.заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 2004.

3. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. Москва, 2003.

4. *Старшенбаум Г. В.* Суицидология и кризисная психотерапия. Москва: Когито-Центр, 2018.

5. *Шредер О. Б.* К вопросу об особенностях когнитивных процессов осужденных, склонных к совершению суицида и членовредительства // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Томск: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2021. С. 301–310.

References

1. *Bek A. T.* 60-letnyaya evolyuciya kognitivnoj teorii i terapii // VIII Mezhdunarodnyj Forum Asociacii Kognitivno-Povedencheskoj Psihoterapii CBTFORUM: Sbornik nauchnyh statej VIII Mezhdunarodnogo Foruma. Sankt-Peterburg: ООО «Izdatel'stvo «LEMA», 2022. S. 7–16.

2. *Zmanovskaya E. V.* Deviantologiya: (Psihologiya otklonyayushchegosya povedeniya): Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb.zavedenij. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2004.

3. *Leont'ev D. A.* Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. Moskva, 2003.

4. *Starshenbaum G. V.* Suicidologiya i krizisnaya psihoterapiya. Moskva: Kogito-Centr, 2018.

5. *Shreder O. B.* K voprosu ob osobennostyah kognitivnyh processov osuzhdennyh, sklonnyh k soversheniyu suicida i chlenovreditel'stva // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psihologiya i pravo: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tomsk: FKU DPO Tomskij IPKR FSIN Rossii, 2021. S. 301–310.

Сведения об авторах

Гриднева Алёна Андреевна: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы, кандидат психологических наук. E-mail: alenmy81@gmail.com

Коваленко Екатерина Сергеевна: ФКУ ИК-4 УФСИН России по Омской области (г. Исилькуль, Российская Федерация), старший психолог психологической лаборатории. E-mail: kovalenko.ekaterina.sergeevna@yandex.ru

Information about the authors

Gridneva Alena Andreevna: Tomsk Institute of the professional development of employees of the FPS of Russia (Tomsk, Russian Federation), great teacher of the department of staff, social, psychological and educational Work, candidate of psychological sciences. E-mail: alenmy81@gmail.com

Kovalenko Ekaterina Sergeevna: correctional colony No. 4 Department of the FPS of Russia in the Omsk region (Isilkul, Russian Federation), senior psychologist of the psychological laboratory. E-mail: kovalenko.ekaterina.sergeevna@yandex.ru

А. Д. Пашукова, Л. Г. Мачульная

**«ЭФФЕКТ ПРОЖЕКТОРА» КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ
САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ КУРСАНТОВ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ)**

Актуальные для прогресса современного мира сложные проблемы образования молодых людей, выбора ими ориентиров жизненного пути, профессий и самореализации исследуют ученые многих стран. В научной статье представлен анализ важнейшей составляющей профессиональной подготовки молодежи (курсантов) – самореализации личности. Основное содержание исследования составляет анализ важного аспекта, который касается каждого человека. Психологическая проблема страха перед сценой не обходит стороной молодых людей, начинающих строить свое профессиональное будущее и попытки реализации себя. В статье выделены и описаны характерные особенности людей, у которых сильно выражен «эффект прожектора», а также предложены рекомендации по преодолению рассматриваемого феномена. Предмет исследования – психологические проблемы самореализации современной молодежи. Цель исследования – изучить «эффект прожектора» как одну из проблем современной молодежи. Для изучения проблемы применялся анализ статистических данных и результатов социологических опросов. Полученные результаты вносят вклад в развитие комплексных исследований по проблемам самоопределения и самореализации современной молодежи. Материалы статьи будут полезны образовательным организациям, а также научному сообществу при исследовании взаимосвязанных проблем самоопределения и самореализации молодежи.

Ключевые слова: «эффект прожектора», самореализация личности, дискомфорт, идеальное и реальное «Я», социальная фасилитация, эффект ложного консенсуса.

A. D. Pashukova, L. G. Machulnaya

**«SPOTLIGHT EFFECT» AS ONE OF THE PROBLEMS
OF YOUTH SELF-REALIZATION (ON THE EXAMPLE OF CADETS
OF THE ACADEMY OF THE FPS OF RUSSIA)**

Scientists from many countries are investigating the complex problems of education of young people relevant to the progress of the modern world, their choice of life orientations, professions and self-realization. The scientific article presents an analysis of the most important component of the professional training of young people (cadets) – self-realization of personality. The main content of the study is an analysis of an important aspect that concerns each person. The psychological problem of stage fright does not bypass young people who are beginning to build their professional future and attempts to realize themselves. The article highlights and describes the characteristic features of people who have a strong «spotlight effect», and also offers recommendations for overcoming the phenomenon under consideration. The subject of the research is psychological problems of self-realization of modern youth.

© Пашукова А.Д., Мачульная Л.Г., 2023

© Pashukova A.D., Machulnaya L.G., 2023

The purpose of the study is to study the «spotlight effect» as one of the problems of modern youth. The analysis of statistical data and the results of sociological surveys was used to study the problem. The obtained results contribute to the development of comprehensive research on the problems of self-determination and self-realization of modern youth. The materials of the article will be useful to educational organizations, as well as the scientific community in the study of interrelated problems of self-determination and self-realization of young people.

Keywords: «spotlight effect», self-realization of personality, discomfort, ideal and real self, social facilitation, false consensus effect.

В современном мире существует довольно много факторов для возникновения стресса, неуверенности в себе или же ощущения дискомфорта, находясь в социуме. То самое чувство, когда человеку волнительно выйти на сцену, выступить при незначительной по численности аудитории, и даже находясь в кругу родных и близких, приходится обдумывать каждое свое слово или действие. Все вышеперечисленное можно назвать «эффектом прожектора» [1].

«Эффект прожектора» – явление, характеризующееся как свойство переоценивать внимание и свою значимость в глазах других людей.

Развитие феномена чревато негативными последствиями. Многие люди не способны осмелиться на выступления, высказать свое мнение на особых мероприятиях, каждый выход на публику представляется пыткой. Проявляется «эффект прожектора» в форме тревоги или неуверенности, что формирует закомплексованность и преграждает путь развитию личности и раскрытию ее потенциалов. В социальных ситуациях данный эффект заставляет чувствовать себя неловко и беспокоиться, отсюда и сложности в коммуникации, что порождает дополнительное давление, влияющее на человека [6, 7].

Первым, кто описал понятие «эффект прожектора» был профессор когнитивных искажений Корнеллского университета Томас Гиловис. В исследовании, которое он провел вместе со своими коллегами-студентами, участников просили прийти на лекцию в футболках с изображением Барри Манилоу.

Манилоу – американский эстрадный певец, и носить футболку с его фотографией в конце 1990-х годов, будучи студентом в Америке, мягко говоря, было экстравагантно. Авторы же работы описали Манилоу как «музыканта, который не пользуется ужасной популярностью у студентов колледжей». Студентов (которым явно было некомфортно) отправили на занятия, после чего спросили, сколько человек в аудитории, по их мнению, обратят внимание, что на футболке у них изображен именно Манилоу, а затем сравнили их ответы с реальными цифрами [9].

Ученые исходили из теории, что участники исследования сочтут свои футболки со столь антипатичной фигурой заметными. Оказалось, что они переоценили внимание к себе окружающих на 23 %.

Похожее произошло, когда участникам предложили надеть футболки с изображением более популярных в то время личностей (Мартина Лютера Кинга, Боба Марли и Джерри Сайнфелда): в этот раз внимание оказалось переоценено на 40 %.

По итогам своих исследований Томас Гиловис, обозначил несоответствие мнений людей о том, что их внешний вид оценивают или вообще обращают ожидаемое внимание, с реальным положением дел.

Говоря о подобном феномене, который вызывает дискомфорт у людей, находящихся в социуме, необходимо раскрыть его сущность и предпосылки возникновения.

Человек с данной проблемой имеет ряд сложностей в коммуникации с окружающими его людьми [2]. Страдающим от «эффекта прожектора», свойственен глубокий самоанализ, прокручивания вновь и вновь дней минувших и что в них было сделано «не так». Такие люди в процессе развития данной проблемы все острее ощущают несоответствие реального «Я» с идеальным, точнее, это понимание искажается, от чего страдает самооценка личности [3]. Подобные люди придают большое значение мелочам и считают, что окружающие их люди будут придерживаться похожей стратегии, однако это доводит до абсурда, не связанного с реальным обстоятельством дел.

Чрезмерное обращение в свой внутренний мир сконцентрировал человека на себя, что проявляется как эгоцентризм, а также наличие когнитивного предубеждения. Данные характеристики заставляют человека вести себя довольно застенчиво и даже скрытно в социальных ситуациях, что мешает личности нормально социализироваться и коммуницировать с окружающими его людьми.

Люди с «эффектом прожектора» подвержены социальной фасилитации (или попросту – выжить в социуме), вследствие чего – оцениванию каждого движения, контролю своего поведения до мельчайших деталей, так как иначе, по их мнению, не получится выставить себя в лучшем свете.

Данная особенность вынуждает репетировать каждое свое выступление, обдумывать алгоритм своих действий, выходя в свет, обращать внимание на внешний вид, что в свою очередь формирует нездоровый перфекционизм и утрированную манию к достижению безупречности. Ничто не должно вызывать подозрений, наводящих на мысль о чем-то скверном. Однако при всем старании страдающих «эффектом прожектора» внутреннего спокойствия довольно трудно добиться; ма-

лейший взгляд прохожего способен разрушить выстроенную идеальную картинку. Однако это касается личностей, у которых наблюдается эффект в патологическом развитии.

Постоянное осмысление своих действий и приписывание окружающим их собственной неодобрительной оценки в отношении личности заставляет страдающего «эффектом прожектора» навязывать самому себе негативные мысли в отношении себя от лица близкого, что парадоксально, но действительно для искажения понимания взаимоотношений и резкого отторжения без какой-либо очевидной для этого причины. Данная проблема часто стоит наравне с «эффектом ложного консенсуса», который основывается на присвоении своих мыслей другим людям. Человек думает, что мнение окружающих о нем же аналогично его точки зрения.

Вынужденная замкнутость и отказ от социальных связей сродни психологической защите личности с целью избежать эмоционального стресса и излишнего напряжения. Создание и поддержание «идеальной картинки» для окружающих эмоционально влияет на человека, отчего личность больше ссылается на интровертивную сторону себя. Если человек никак не решает данную проблему самостоятельно или при помощи специалиста, то он действует по иной стратегии. Снижение социального взаимодействия, погружение в свою жизнь, и концентрация внимания на самом себе как самое важное, формирует удобную позицию, что довольно выгодно, если человек также подвержен экстернальному локусу контроля. Человек не пытается изменить себя, а «ищет подвохов» от окружающих. Последнее также оправдывает резкие вспышки гнева страдающего «эффектом прожектора». Для человека с данной проблемой характерны постоянные споры и отстаивание своих границ, ведь, по его мнению, на него всегда пытаются напасть и как-то обидеть.

Данное мнение формируется в связи с наличием набора, включающего в себя нестабильную самооценку, ряд комплексов и излишнего внимания на собственные недостатки. Из-за подобного комбинирования свойств формируются и нарциссические наклонности. Внимание, что уделяют личности, для нее очевидно и естественно, нет ничего более интересного, чем обсуждение ее недостатков, а иногда и осуждение. Вследствие такой направленности на себя, присутствует и напористость в плане споров, которые, как уже было отмечено, возникают из-за искаженного понимания сложившейся ситуации, ведь данные лица привыкли принимать все на свой счет, от чего и чувствуют ущемление и недовольство происходящим.

Данная категория лиц зачастую напоминают детей. Инфантилизм оправдано присутствует в наборе личностных особенностей, что наводит на установление причин возникновения данного феномена.

Отсутствие должного внимания и воспитания со стороны родителей естественным образом влияют на формирование личности, и явно не в положительном ключе. Обращаясь к «эффекту прожектора» нетрудно догадаться, что со стороны первого социального института было немало упущений со стороны воспитания. Можно предположить, что пренебрежение ребенком сформировало чувство «недолюбленности». Или же сработала обратная модель поведения родителей, которые делали акцент на неудачах ребенка, стимулируя его на достижение «идеала», что повлекло за собой в процессе взросления личности появление завышенных требований к себе. Также стоит отметить предпосылку зарождения «эффекта прожектора» и в осознанном возрасте, когда человек подвергается буллингу, абьюзивному или иному отравляющему воздействию на психику.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Академии ФСИН России,

в нем участвовали 30 девушек и 30 юношей-курсантов в возрасте от 17 до 20 лет.

Работа была построена по аналогии с исследованием Томаса Гиловича с некоторыми коррективами.

Испытуемым были предложены темы докладов, которые они должны были подготовить и выступить на небольшую аудиторию. После выступления каждому участнику необходимо было охарактеризовать сначала себя самостоятельно, а потом сделать предположение о мнении со стороны аудитории.

Среди общего числа лиц женского пола 70 % девушек отзывались о себе в негативном ключе. Девушки ссылались на собственную недостаточную подготовку, не вызывающей интереса выбранной ими темы или же вовсе наличие речевых ошибок, проявление неконтролируемой пантомимики, что сказалось на их уверенности перед слушателями.

45 % от общего числа юношей также выделили недостаточную подготовку выполненной работы, неуверенность в выступлении и отсутствие интереса темы доклада, в силу ее неактуальности.

Остальные 30 % девушек и 55 % юношей отнеслись либо положительно к данному мероприятию, либо вовсе нейтрально.

По данным результатам становится ясно, что девушки-курсанты более строги к себе в плане самооценивания и предъявляемым к себе требованиям.

Учитывая традиционное воспитание подавляющего числа девушек и прививание привычки следить за своим внешним видом, подобная самокритика вполне адекватна в отношении самой себя. Жизнь курсанта, включающая в себя постоянное внимание на внешний вид (форма одежды), режим (распорядок дня) и тотальный контроль со стороны начальствующего состава, сформировали благоприятную почву для развития данного феномена. Так как любое отклонение от вышеперечис-

численных требований влечет за собой соответствующее наказание в виде взыскания, это порождает тревожность и усиленное акцентирование на себе.

Стоит также учитывать мужской состав курсантов, которые также подвержены данному феномену. Помимо курсантской жизни в Академии ФСИН России факт существования данного эффекта у личности может обуславливать социальные ситуации прошлого опыта, повлиявшие на ее формирование.

Однако после выступлений были также опрошены слушатели, которые оценили докладчиков. Мнение наших испытуемых не соответствовало реальной оценке сторонних лиц.

Выступления девушек и юношей были отмечены не так отрицательно, как они себе это предполагали. От лица слушателей необходимо было ответить на несколько вопросов, из чего и был резюмирован вывод о том, что курсанты подвержены влиянию «эффекта прожектора» в той или иной степени.

Вопросы звучали следующим образом:

1. Было ли Вам интересно выступление докладчика?

2. По вашему мнению, выступающий чувствовал себя на сцене уверенно?

3. Заметили ли вы речевые ошибки в процессе доклада?

На рисунке продемонстрированы положительные и отрицательные ответы опрошенных лиц.

Современный этап развития образования в целом и профессионального образования в частности характеризуется новыми высокими требованиями к качеству профессиональной подготовки специалистов. Это непосредственно касается и подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Поэтому инновационный процесс в пенитенциарной системе должен быть направлен на форми-

рование личности сотрудника, способной к непрерывному самосовершенствованию, росту профессиональной компетентности и саморазвитию [4]. Саморазвитие курсанта будет выступать как повышение своей эффективности во всех значимых областях и развитие собственной мотивационной системы. Поэтому борьба с таким психологическим феноменом как «эффект прожектора» будет иметь особую актуальность в профессиональной самореализации молодежи.

Однако нет ничего страшного в данном феномене, если он не развивается в патологической прогрессии. В силу социализированности человека естественно обращать внимание на свой внешний вид или же действие в той или иной степени.

Но, если же данный эффект доставляет Вам дискомфорт, находясь в окружении социума, то в данной работе предусмотрены рекомендации:

1. Смотрите на мир реально. Люди больше всего заняты своими задачами, мыслями и проблемами. И даже если на вас пристально смотрят, скорее всего, человек погружен в свои собственные мысли и даже не замечает вас.

2. Делайте выводы разумно. Вряд ли все ваши несовершенства смогут в глобальном смысле оказать негативное влияние на мир.

3. Берегите свои психоэмоциональные силы. Не тратьте их впустую — субъективное мнение окружающих не должно оказывать на вас серьезного влияния. Важно лишь то, что вы сами о себе думаете.

4. Открыто выражайте эмоции. Иногда стоит сказать о том, что вы думаете и чувствуете по тому или иному вопросу. Это поможет разъяснить ситуацию и снимет внутреннее напряжение, ведь искренность и честность всегда ценятся.

5. Накапливайте положительный опыт. Можно записывать свои успехи, регулярно вспоминать о своих достижениях

и удачных моментах.

6. Помните о своей значимости. Чтобы было легче и проще строить взаимоотношения с окружающими, также старайтесь помнить о своей полезности.

Будьте к себе снисходительней, все люди не идеальны, у каждого есть свои недостатки, однако заострять на них свое внимание явно не хорошая идея. Сублимируйте внутреннюю закомплексованность в развитие потенциала и коррекцию имеющихся минусов.

Примите тот факт, что Вы не центр этого мира, и поймите, если же Вы фокусируете свое внимание на себе, то остальные действуют точно также, поэтому другие люди не будут так сильно заострять внимание на Вас, так как заняты собой [5, 8].

Практикуйте задавать себе вопрос «И что?». Если Вы боитесь совершить ошибку при выполнении того или иного действия, то в большинстве случаев, ответ

наведет на мысль, что она не так сильно повлияет на Вашу жизнь, как пустое присваивание особой значимости своему образу в глазах других людей.

Необходимо также усвоить, то, что думают о Вас другие, никак не характеризует Вашу личность. Чтобы больше не чувствовать излишнюю застенчивость, развивайте самопознание, что, в свою очередь, научит контролировать свои эмоции.

В заключение стоит сказать, что «эффект прожектора» хоть и присущ всем людям, однако относительно преодолим. Преодоление данной проблемы способствует личностному росту, что также касается коммуникаций, интегрированности и лабильности в обществе, принятию себя. Это затрагивает как студентов, так и курсантов, обе категории могут упустить множество возможностей реализовать себя в своей профессиональной деятельности.

Литература

1. *Абдуллин А. Г.* Самоопределение и самореализация молодежи России: социально-нравственные и психолого-педагогические аспекты проблемы // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 3(104). С. 440–462.
2. *Аниськова Д. Е.* Физиологические и психологические факторы возникновения и преодоления боязни сценических выступлений // Образовательный форсайт. 2022. № 4(16). С. 11–16.
3. *Аронсон Э.* Социальная психология: психологические законы поведения человека в социуме [пер. с англ.: Н. Волохонский и др.]. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак; Москва: Олма-Пресс, 2004.
4. *Кириллова Т. В., Пашукова А. Д.* Профессиональное саморазвитие как средство повышения профессиональной компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Глобальный научный потенциал. 2020. № 3(108). С. 83–86.
5. *Кузнецова Т. П.* Некоторые приемы развития у курсантов навыков публичных выступлений в военном вузе // Информационные технологии в системе военного образования России: проблемы и пути решения: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2023. С. 56–60.
6. Социальная психология: психология малых групп: учебное пособие. Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020.
7. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления

изучения. Часть 2. ФГУ «Московский НИИ психиатрии» Минздравсоцразвития России. Социальная и клиническая психиатрия. 2011, т.21, № 1.

8. Царева Н. А. Технологии формирования речевой культуры курсантов военного вуза // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: Материалы VI Международной научно-методической конференции. Омск: Филиал федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске. 2020. С. 99–103.

9. Югай Л. Г. Признаки и влияние общества на индивида: эффект прожектора (spotlighteffect) // Молодой ученый. 2022. № 5(400). С. 266–271.

References

1. Abdullin A. G. Samoopredelenie i samorealizaciya molodezhi Rossii: social'no-nravstvennye i psichologo-pedagogicheskie aspekty problemy // Integraciya obrazovaniya. 2021. T. 25, № 3(104). S. 440–462.

2. Anis'kova D. E. Fiziologicheskie i psichologicheskie faktory vozniknoveniya i preodoleniya boyazni scenicheskikh vystuplenij // Obrazovatel'nyj forsajt. 2022. № 4(16). S. 11–16.

3. Aronson E. Social'naya psichologiya: psichologicheskie zakony povedeniya cheloveka v sociume [per. s angl.: N. Volohonskij i dr.]. Sankt-Peterburg: Prajm-Evroznak; Moskva: Olma-Press, 2004.

4. Kirillova T. V., Pashukova A. D. Professional'noe samorazvitie kak sredstvo povysheniya professional'noj kompetentnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Global'nyj nauchnyj potencial. 2020. № 3(108). S. 83–86.

5. Kuznecova T. P. Nekotorye priemy razvitiya u kursantov navykov publicnykh vystuplenij v voennom vuze // Informacionnye tekhnologii v sisteme voennogo obrazovaniya Rossii: problemy i puti resheniya: sbornik nauchnykh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Saratov: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe voennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Saratovskij voennyj ordena Zhukova Krasnoznamennyj institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii», 2023. S. 56–60.

6. Social'naya psichologiya: psichologiya malyh grupp: uchebnoe posobie. Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet. Perm', 2020.

7. Social'naya trevozhnost': sodержание ponyatiya i osnovnye napravleniya izucheniya. Chast' 2. FGU «Moskovskij NII psihiatrii» Minzdravsocrazvitiya Rossii. Social'naya i klinicheskaya psihiatriya. 2011, t.21, № 1.

8. Careva N. A. Tekhnologii formirovaniya rechevoj kul'tury kursantov voennogo vuza // Problemy modernizacii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty: Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Omsk: Filial federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo voennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Voennaya akademiya material'no-tekhnicheskogo obespecheniya imeni A.V. Hruleva» Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii v g. Omske. 2020. S. 99–103.

9. Yugaj L. G. Priznaki i vliyanie obshchestva na individa: effekt prozhektora (spotlighteffect) // Molodoj uchenyj. 2022. № 5(400). S. 266–271.

Сведения об авторах

Пашукова Анастасия Дмитриевна: Академия ФСИН России (г. Рязань, Российская Федерация), преподаватель кафедры общей и педагогической психологии психологического факультета, кандидат педагогических наук.
E-mail: pashukova_21@mail.ru

Мачульная Людмила Георгиевна: Академия ФСИН России (г. Рязань, Российская Федерация), курсант психологического факультета.
E-mail: machulnaya04@inbox.ru

Information about the authors

Pashukova Anastasia Dmitrievna: the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), lecturer of the Department of General and Pedagogical Psychology of the Faculty of Psychology, Candidate of Pedagogical Sciences.
E-mail: pashukova_21@mail.ru

Machulnaya Lyudmila Georgievna: the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), cadet of the psychological faculty.
E-mail: machulnaya04@inbox.ru

УДК 316.61:343.83

Н. А. Цветкова

**ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ И ПРОФИЛАКТИКА
СУИЦИДОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ¹**

В статье представлены результаты анализа теоретических и практических аспектов психологической профилактики суицидов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Предмет исследования – связь суицидального поведения с психическим здоровьем личности. Цель – систематизация методологических предпосылок, лежащих в основе деятельности пенитенциарных психологов, нацеленной на профилактику самоубийств. Статья содержит: характеристики основных направлений и предлагаемых ими методов изучения и профилактики суицида (биологического, психопатологического, социального, психологического);

¹ По материалам вебинара «Психическое здоровье личности и профилактика суицидов в уголовно-исполнительной системе», проведенного Межрегиональным отделом психологической работы для психологов Центрального федерального округа в рамках учебно-методических сборов с начальниками психологических служб территориальных органов ФСИН России 15 июня 2023 года.

описание признанных подходов психологического направления (когнитивно-поведенческого, личностно-ориентированного, социально-психологического, ситуационного, экзистенциально-гуманистического) и их методов; оценку перспективы использования теории и методов самоактуализации, разработанных в русле экзистенциально-гуманистического подхода, в целях профилактики суицидов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и одновременно – исправления преступников. Отмечены нюансы суицидальной темы – «общие черты, свойственные всем самоубийствам», «личность-В-ситуации», «уцелевшие после суицида». Сделаны выводы: о наличии связи психического здоровья личности и риска суицида, который не всегда совершается по причине психического расстройства, однако косвенные признаки суицидальных намерений возможно заметить; о важности диагностического компонента в структуре социально-психологической профилактики суицидов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации; о включении в профилактические мероприятия методов укрепления психического здоровья подозреваемых, обвиняемых, осужденных и самих сотрудников. Статья предназначена для пенитенциарных психологов.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, сотрудники, подозреваемые, обвиняемые и осужденные, психическое здоровье, суицид, пути профилактики суицидов.

N. A. Tsvetkova

MENTAL HEALTH OF THE INDIVIDUAL AND SUICIDE PREVENTION IN THE PENAL SYSTEM: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE PROBLEM

The article presents the results of the analysis of theoretical and practical aspects of psychological suicide prevention in the FPS. The subject of the study is the relationship of suicidal behavior with the mental health of the individual. The aim is to systematize the methodological prerequisites underlying the activities of penitentiary psychologists aimed at suicide prevention. The article contains: characteristics of the main directions and their proposed methods of studying and preventing suicide (biological, psychopathological, social, psychological); description of recognized approaches of the psychological direction (cognitive-behavioral, personality-oriented, socio-psychological, situational, existential-humanistic) and their methods; assessment of the prospects for the use of theory and methods of self-actualization, developed in line with the existential-humanistic approach, in order to prevent suicides in the criminal justice system and at the same time - to correct criminals. The nuances of the suicidal theme are noted – «common features common to all suicides», «personality-In-a-situation», «survivors of suicide». Conclusions are drawn: about the presence of a connection between the mental health of the individual and the risk of suicide, which is not always committed due to a mental disorder, but indirect signs of suicidal intentions can be noticed; about the importance of the diagnostic component in the structure of socio-psychological prevention of suicide in the penal system; about the inclusion in preventive measures of methods to strengthen the mental health of defendants, convicts and employees themselves. The article is intended for prison psychologists.

Keywords: penal enforcement system, employees, persons under investigation and convicted, mental health, suicide, ways of suicide prevention.

Актуальность рассмотрения психического здоровья личности в связи с психологической профилактикой самоубийств в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС) может быть аргументирована следующими фактами:

- суициды ежегодно случаются среди подозреваемых и обвиняемых, заключенных под стражу в следственных изоляторах, а также среди осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях УИС;

- суициды ежегодно случаются среди сотрудников УИС;

- динамика суицидов в УИС имеет волнообразный характер. Тенденция на снижение числа случаев добровольного ухода из жизни не является устойчивой, хотя применяются положительно зарекомендовавшие себя меры превентивно-профилактического характера, изыскиваются и внедряются новые способы нивелировки факторов, провоцирующих самоубийства;

- поиск и объяснение причин суицидов в УИС как среди подозреваемых, обвиняемых, осужденных, так и среди сотрудников этой системы продолжается, поскольку кажется, что существует наилучший вариант решения данной проблемы.

Теоретические аспекты проблемы психического здоровья и профилактики суицидов в УИС. Анализ трудов, составляющих основу современной суицидологии, показывает, что пока не удалось создать целостную теорию, дающую исчерпывающее объяснение природе суицида и предлагающую эффективные методы его профилактики. В то же время отчетливо сложились четыре научных направления в изучении этого социального феномена:

I – *биологическое направление.* Его разработчики основное внимание уделяют инстинктивной природе самоубийств (S. Pepper, 1942), а также его эволюционному назначению в качестве «приспособительного», хотя и неадаптивного, меха-

низма освобождения от неполноценных, болезненных индивидов (H. Murray, 1953); считают суицид элементом естественного отбора (R. Dawkins, 1976); результатом депрессии (G. Murphy, 1998; A. Beck, G. Brown, R. J. Berchicketal, 1990; F. Goodwin, 1999 и др.), вызванной биохимическими процессами в организме. В русле этого направления созданы концепции, объясняющие природу самоубийств физиологическими и характерологическими особенностями людей (E. Kretchmer, 1977);

II – *психопатологическое направление.* Его сторонники (преимущественно – медики) исходят из того, что все суицидальные действия обусловлены проявлением острых или хронических психических расстройств, поэтому все суициденты – душевно больные люди. Ближе к концу XX века выяснилось, что не все самоубийцы страдали депрессией; есть механизмы сугубо суицидального поведения; имеет значение стратегия совладания с суицидальными импульсами; сделать надежные выводы о корректности применяемых методов профилактики суицида затруднительно, ведь обследование самоубийц невозможно. В настоящее время позиция: «Все самоубийцы психически больны» – считается несостоятельной, однако попытки ей следовать предпринимаются. Так в 2016 году доктор медицинских наук С. В. Булатецкий хоть и объяснил суицид мощным психологическим кризисом личности, вызванным психотравмирующим событием, однако отметил, что психические расстройства на момент его совершения были более чем у 90 % суицидентов, а значит, «профилактика самоубийств в УИС должна включать в себя психотерапевтические и медикаментозные воздействия, направленные на раннее выявление и лечение психических расстройств, потенцирующих суицидогенез, и на предупреждение формирования суицидальной активности» [1];

III – *социологическое, или социаль-*

ное направление. Его сторонники, начиная с Э. Дюркгейма, убедительно доказывают, что суицид во всех случаях может быть понят с точки зрения взаимоотношений личности с социальной средой, а самоубийства обуславливаются снижением и неустойчивостью социальной интеграции. Современные исследователи уже не абсолютизируют утверждения его основоположника, однако отмечают, что среди суицидентов доля одиноких, безработных и разведенных высока; что большинство суицидальных действий направлено не на уход из жизни, а на восстановление нарушенных социальных связей;

IV – *психологическое направление изучения и объяснения суицида*. Исследователи, работающие в его русле, суть проблемы усматривают в психологических факторах. С их точки зрения, суицид – это убийство, направленное на себя. К настоящему времени предложено множество психологических концепций, дающих объяснение данному феномену. Так, например, в 1980 году А. Г. Амбрумова с соавторами классифицировали основные суицидальные мотивы, выделив:

1. *Лично-семейные мотивы*: а) семейные конфликты с угрозой развода; б) болезнь и/или смерть близких; в) неразделенная любовь и одиночество; г) сексуальная несостоятельность; д) притеснение, оскорбления и угрозы со стороны окружающих и др.;

2. *Состояние здоровья*: а) психические заболевания; б) соматические заболевания; в) физические уродства;

3. *Конфликты с законом*: а) страх уголовной ответственности; б) боязнь иного наказания или позора;

4. *Конфликты, связанные с учебой или работой*;

5. *Материально-бытовые трудности*;

6. *Другие мотивы* [11].

Среди психологических факторов риска суицида исследователи чаще всего

выделяют *безнадежность, бессмысленность, бесперспективность*, альтернативой которым является *жизнестойкость*. Жизнестойкость, будучи сильно взаимосвязанной с ними (также, как и с депрессией), является мощным фактором, усиливающим антисуицидальный барьер личности. Ее наличие означает готовность человека действовать в ситуации неизменности прошлого и неизвестности будущего, делать выбор в пользу жизни при любых обстоятельствах (такой ситуацией для большинства людей является нахождение в местах лишения свободы) [11].

Исследователи, анализирующие характер семейных отношений суицидентов, пришли к выводу о высокой значимости таких факторов, как: а) *ранние утраты в родительской семье* (депривация, связанная со смертью, уходом из семьи или разводом родителей, искажает психическое развитие личности); б) *дисгармоничное родительское воспитание* (жестокое обращение с ребенком в детстве, его отвержение матерью и/или предпочтение, отдаваемое родителями другому ребенку в семье) [13, 14].

В психологическом направлении также сложился *ситуационный подход*. Его разработчиками выступили социальные психологи. Им удалось некоторым образом сблизить позиции психологов-персоналистов, по мнению которых, выход из любой трудной жизненной ситуации зависит от того, *какая личность* в ней оказалась, и психологов-ситуационистов, полагающих, что *все зависит от характера ситуации*, в которую человек попал (бывают очень напряженные ситуации, совладать с которыми даже сильная личность не может). Это сближение было выражено понятием: «личность-В-ситуации». Оно означает открытую возможность (кто или что возьмет верх в сложных жизненных обстоятельствах однозначно сразу определить трудно). Об этом свидетельствуют примеры, приведенные в книге Л. Росса и Р. Нисбетта [12]. Конфликт че-

ловека с законом, ситуацию досудебного и судебного разбирательства, осуждение к отбыванию наказания в местах лишения свободы возможно считать чередой трудных жизненных ситуаций. Совладание с ними во многом зависит как от социально-психологического климата в месте заключения под стражу, так и от качеств личности, совершившей преступление. Однако участие психологов в ситуациях подозреваемых, обвиняемых, осужденных значительно усиливает их шансы на преодоление пенитенциарного стресса, активизирующего суицидальные импульсы. Ситуационный подход так же эффективен и в психопрофилактической работе с сотрудниками УИС [5; 13].

Общие черты, свойственные всем самоубийствам, впервые выделил американский суицидолог Э. Шнейдман [16]: общая цель всех суицидов – поиск решения; общая задача – прекращение сознания; общий стимул – невыносимая психическая (душевная) боль; общий стрессор – фрустрированные психологические потребности; общие эмоции – беспомощность и безнадежность (эти эмоции всегда стоят за гневом, стыдом или виной, переживаемыми суицидентом); общее внутреннее отношение к самоубийству – амбивалентность (потребность уйти из жизни и одновременно желать, даже планировать, вмешательство других людей и спасение); общее состояние психики – сужение когнитивной сферы (сознание становится «туннельным»), и значимые для суицидента люди не помещаются в его рамки); общее действие – бегство (агрессия), приводящее к этой цели; общий коммуникативный акт – сообщение о намерении; общая закономерность – соответствие характерному для индивида стилю поведения в жизни (суицидальное действие есть логическое завершение определенного жизненного сценария, который в принципе поддается коррекции).

В суицидальной проблематике есть и такой аспект, как «оставшиеся в жи-

вых», «уцелевшие после суицида» [10]. В этом ракурсе рассматриваются психология и поведение тех, кто, совершая попытку самоубийства, не достиг своей цели, а также тех, кто имеет отношение к самоубийце, – его близких и родных (в этом кругу обычно оказываются 6 человек). Исследования данного аспекта показывают, что факт суицида разрушительно влияет на ближайшее окружение самоубийцы, – отягощает динамику его семьи и рода, обременяет негативными чувствами и тенденциями лиц, причастных к конфликтной ситуации, разрешившейся таким образом. Те 6 человек, которые входят в этот круг, сталкиваются с целым рядом проблем социально-психологического характера: *мучаются вопросом «Почему?»*. Тревога и душевная боль присутствуют в жизни уцелевших после суицида до тех пор, пока они не определяют различия между «виной» и «причиной смерти»; *испытывают сожаление*: «Если бы я был(а) внимательнее, профессиональнее..., то он был бы жив». Сожаление такого рода обуславливает появление агрессивных мыслей, направленных на себя, и чувства стыда у близких, а у родственников эволюционирует в хроническую семейную проблему; *ощущают гнев*. Уцелевшим после суицида невозможно оправдаться. И психологически посмертная записка самоубийцы: «В моей смерти прошу никого не винить», – часто более тяжкий упрек, чем явное обвинение; *вынуждены что-то предпринимать, чтобы сохранить семью*. Суицид всегда охватывает семью как целое и проецируется на новое поколение, появившееся в ней. Одни семьи извлекают из случившегося важный интеграционный урок (улучшают межличностные отношения и спланируют будущее), другие – дегенерируют и самоуничтожаются; *у них появляется ощущение клейма, что провоцирует социальную стигматизацию*. Уцелевшие после суицида часто начинают чувствовать себя отличающимися от других людей, поэтому выбирают

стратегию дистанцирования от окружающих. Они полагают, что люди обвиняют их в смерти члена семьи и осуждают за это, а в итоге оказываются в добровольной самоизоляции; *возникает необходимость контролировать появившиеся суицидальные намерения*. Уцелевшие после суицида, ранее не допускавшие самоубийство в качестве варианта обращения со своей жизнью, перестают его исключать как альтернативный выход из сложного положения. Такие намерения возникают у уцелевших во много раз чаще, чем у тех, кто горюет из-за других потерь; *теряют веру и отказываются от прежних ценностей*. Многие из уцелевших после суицида теряют веру в Бога, переживают сильный гнев на него, переоценивают собственные духовные ценности. Это мучительный процесс, однако он является важным для их постепенного сближения с реальностью.

В 2009 году, опираясь на достижения мировой суицидологии, психиатры-психотерапевты-когнитивисты А. Бек и Г. Браун опубликовали полное описание специального протокола помощи лицам с суицидальным поведением. Когнитивная теория позволила им утверждать, что в основе суицидального поведения лежит запускающая его когнитивная схема, которая формируется в детстве, хранится в опыте личности и проявляется в ее ценностях и убеждениях. Активизация этой схемы ведет к активизации когнитивных процессов: повышается внимание к триггерам – провокаторам суицидального акта, происходит фиксация *на мысли о суициде как единственно верном выходе из представляющейся безвыходной ситуации* (именно эта мысль является признаком суицидального кризиса). Например, кризису в ситуации осуждения может способствовать убеждение в том, что «жизнь интеллигентного мужчины с судимостью не имеет смысла». Введенное А. Беком и Г. Брауном понятие «суицидальный кризис» является ключевым в их практико-ориентированной теории. Затем оно поя-

вилось и в отечественной суицидологии. Помощь лицам с суицидальными намерениями стала включать антикризисную работу в острой фазе и ее продолжение в посткризисный период. При этом учитывались их устойчивые личностные черты (склонность к импульсивной агрессии, недостаток жизненно важных умений и навыков, перфекционизм и др.), способствующие стрессу, дисрегуляции аффекта в острой фазе, развитию психической патологии [17].

Практическое приложение суицидологической теории в пенитенциарных целях имеет смысл начинать с вопроса о связи психического здоровья личности и риска суицида. Для этого необходимо определить два альтернативных понятия – психическое здоровье и психическое расстройство. Согласно определению Всемирной организации здравоохранения, *психическое здоровье* (оно же духовное, душевное, ментальное) – «это состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, противостоять обычным жизненным стрессам, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего общества». *Психически здоровыми* обычно считаются люди, умеющие приспособиться к условиям жизни и разрешать жизненные проблемы.

Некогда З. Фрейд выделил два основных критерия психического здоровья человека: желание работать + способность любить. К ним со временем были добавлены: + умение общаться + умение отдыхать + наличие 2-х – 3-х хороших друзей из своего поколения.

Если же перечисленные выше признаки мало свойственны индивиду, и он не справляется с повседневными задачами в личной, семейной жизни или на работе, не в состоянии достичь личных целей, то есть основание предполагать у него ту или иную степень психического расстройства.

В широком смысле *психическое расстройство*¹ – это состояние психики, отличное от нормального, здорового. Более частное определение этого термина есть в юриспруденции, психиатрии и психологии. По тяжести и характеру нарушений психические расстройства могут варьироваться от «лёгких расстройств» до «представляющих угрозу жизни»².

Термин «расстройство» чаще используется в медицине, а термин «нарушение» – в психологии [3]. Психологи, если используют термин «психическое расстройство», то имеют в виду любое состояние психики, отличное от здорового. И критерии психического расстройства в психологии выделяются в широком смысле [2]. Ими являются: «нарушение чувства непрерывности, постоянства и идентичности своего физического и психического «Я»; отсутствие чувства постоянства и идентичности переживаний в однотипных ситуациях; некритичность к себе, своей психической продукции (деятельности) и ее результатам; несоответствие психических реакций (их неадекватность) силе и частоте воздействий среды, социальным обстоятельствам и ситуациям; неспособность: управлять своим поведением, сообразуясь с социальными требованиями (нормами, правилами, законами); планировать свою жизнедеятельность и реализовывать эти планы; выбирать способ поведения, соответствующий наличным обстоятельствам и характеру текущей ситуации» [2].

Из тех концепций, которые рассмотрены нами выше, следует, что *связь между психическим здоровьем людей*

и суицидом весьма тесная. Однако суицид далеко не всегда случается на почве психопатии, психоза или невроза. Есть реальные факты, когда добровольный уход из жизни предпочитали люди, психически совершенно здоровые. Существуют индивиды с косвенными признаками суицидального риска, например, такими, как: долготерпение плохих отношений и мученичество; недооценка последствий рискованного поведения; нежелание обсуждать действия и поступки, относящиеся к саморазрушающим; отрицание или рационализация опасного для собственной жизни поведения; увеличение числа рискованных поступков, приближающих к гибели; поиск вторичной выгоды в виде сочувствия или/и проявлений враждебности во время саморазрушения. Об этих мало заметных признаках писал С. J. Frederick – исследователь из Национального Института психического здоровья США [15].

Г. В. Курбатова с соавторами, анализируя официальные статистические данные, отметили, что свыше 50 % попыток совершения суицидов лицами, находящимися в местах лишения свободы, предпринимались ими для того, чтобы привлечь внимание к их положению, которое требует вмешательства извне (защиты от угрозы физического уничтожения или насилия, медицинской помощи, лучших условий содержания) [6].

Если эпизоды с такой мотивацией считать манипулятивными, осуждать или высмеивать тех, кто их предпринимает, или никак на них не реагировать, то число суицидов будет возрастать, причем они не будут являться обусловленными пси-

¹ Психическое расстройство – это болезненное состояние с психопатологическими или поведенческими проявлениями, связанное с нарушением функционирования организма в результате воздействия биологических, социальных, психологических, генетических или химических факторов. Оно определяется степенью отклонения от взятого за основу понятия психического здоровья.

² В МКБ-10 под термином «психическое расстройство» понимается клинически определенная группа *симптомов* и поведенческих признаков, причиняющих человеку *страдание* и препятствующих его функционированию. С 1 января 2022 года по рекомендации ВОЗ начался переход на использование МКБ-11 – более современной клинической классификационной системы идентификации и учета проблем здоровья населения.

хическими расстройствами суицидентов. Также опасно активно разоблачать манипулятивный подтекст любой попытки суицида – для психолога это значит проявлять профессиональную психологическую некомпетентность. Целесообразнее воспринять суицидальные действия манипулятора как неадекватно выражаемую им просьбу о помощи, чтобы затем вместе с ним уточнить, чего на самом деле он хотел, проявляя при этом непредубежденность и неподдельную заинтересованность в нахождении истинной причины его покушения на собственную жизнь. Беседа может быть начата вопросом: «Отчего Вы предприняли попытку уйти из жизни не раньше и не позже, а именно сейчас?»

Сказанное выше свидетельствует о важности диагностического компонента в структуре психологической профилактики суицидов в УИС. Например, известная методика «Нервно-психическая адаптация», разработанная отечественным психиатром, ныне доктором психологических наук И. Н. Гурвичем³ для экспресс-оценки психического состояния в ходе психопрофилактических обследований, позволяет распределить обследуемых по 5-и группам / уровням психического здоровья: психически здоровые; практически психически здоровые с благоприятными прогностическими признаками; практически психически здоровые с неблагоприятными прогностическими признаками (предпатология); легкая психическая патология; с признаками психической патологии.

Существуют методики, предназначенные для диагностики риска суицида. Среди них, на наш взгляд, наиболее соответствующими цели профилактики являются графические тесты⁴. На основе

данных, полученных с их помощью, возможно быстро и вполне достоверно изучить особенности восприятия человеком своего положения в текущей ситуации (методика «Паутина»); уровень самооценки, депрессии и наличие ресурсов для совладания с трудностями (методика «Ущелье»), отношение к смерти и др.

Мировое сообщество в целях профилактики самоубийств предлагает три модели: 1) *медицинскую модель* (когда методы медикаментозного лечения сочетают с консультированием и психотерапией); 2) *социальную, или социологическую модель* (выявляют суицидальные факторы, определяют группы риска и, беря во внимание эти факторы, осуществляют контроль за их поведением); 3) *экологическую модель* (изучают связи суицида с внешними социальными факторами: анализируют социальное взаимодействие в конкретной культуре, в малых социальных группах, к которым принадлежали суициденты, в конкретной социальной ситуации добровольно ушедшего из жизни; устанавливают контроль за выявленными суицидальными факторами; блокируют доступ к средствам самоубийства).

Нам представляется перспективным распространение социально-психологического подхода к профилактике суицида в УИС.

Имеется в виду деятельность психологов, нацеленная на сохранение жизни и здоровья подозреваемых, обвиняемых, осужденных, а также сотрудников этой системы, основанная на знаниях суицидальных и антисуицидальных факторов, а также социально-психологических условий и методов ослабления одних и усиления других [11]. Она может осуществляться в индивидуальном и групповом формате.

³ Более подробно – в научной статье: Гурвич И.Н. Тест нервно-психической адаптации // Вестник гипнологии и психотерапии. 1992. №3. С. 46-53.

⁴ Например, Королева З. «Говорящий» рисунок: 100 графических тестов. Москва: ЭКСМО-ПРЕСС. 2002. 208 с.

Идеальный вариант содержания индивидуальной социально-психологической профилактики суицида в УИС включает:

«- экспресс-диагностику личности и кризисную интервенцию (при выявлении признаков суицидальной угрозы);

- сбор и изучение информации: о лицах, склонных к суициду; об их социально-психологическом статусе, характере межличностного общения и взаимодействия в малых референтных группах; об особенностях их социальной сети за пределами УИС;

- осуществление в отношении лиц, отнесенных по результатам психологического обследования к группе суицидального риска, социального контроля путем их постановки на профилактический учет и организации психологического сопровождения, а также путем установления над ними общественного надзора (например, создание в местах лишения свободы сектора скорой психологической помощи);

- оказание превентивного воздействия на малые группы, куда включено лицо с признаками суицидального риска;

- индивидуальное психологическое консультирование и индивидуальная психотерапия;

- вовлечение лиц суицидального риска в работу психокоррекционной группы;

- консультирование родственников подозреваемых, обвиняемых, осужденных, а также сотрудников УИС и членов их семей» [11].

Групповая социально-психологическая профилактика суицида в УИС предполагает реализацию различных мер и применение разнообразных методов, направленных на выявление и нейтрализацию социально-психологических факторов, извне обуславливающих суициды среди спецконтингента и сотрудников

(проведение социально-психологических исследований в отрядах, бригадах, группах с целью выявления потенциально суицидоопасных межличностных и межгрупповых конфликтов; изучение социально-психологического климата в коллективах сотрудников, а также их семейных, финансовых, жилищных и других ситуаций). В идеале она включает профилактическую социально-психологическую работу в условиях специально организованных психокоррекционных групп, состоящих из лиц, имеющих индивидуально-личностные предпосылки суицида (психокоррекционные группы для подозреваемых и обвиняемых; для осужденных в местах лишения свободы; для сотрудников).

В 2021 году А. М. Мамченко в рамках диссертационного исследования разработал программу социально-психологической профилактики суицида среди подследственных, содержащихся в следственных изоляторах (далее – СИЗО), нацеленную на повышение уровня их жизнестойкости. В ходе анализа и систематизации суицидальных и антисуицидальных факторов им было установлено, что среди первых наиболее весомым фактором является безнадёжность, а среди вторых – жизнестойкость. Он обнаружил следующую закономерность: чем выше был уровень жизнестойкости у подследственных, тем ниже уровень их безнадёжности, а также общий уровень суицидального риска. На этом основании был сделан вывод: повышение уровня жизнестойкости может решать задачу профилактики суицидов среди подследственных, находящихся в СИЗО⁵.

Индивидуально-групповая психопрофилактическая работа может быть начата с поиска ответа на вопрос: «Отчего Вы до сих пор не самоубились?»

Нами также была обнаружена возможность коррекционно-профилактиче-

⁵ Более подробно – Мамченко А. М. Социально-психологическая профилактика суицида у подследственных с низким уровнем жизнестойкости, заключенных под стражу в СИЗО: дис. ... канд. психол. наук. Москва. 2021. 232 с.

ской работы с виной и рефлексивностью подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Задача состоит в том, чтобы сильное чувство вины – состояния, характерного для многих лиц, обвиняемых в содеянных ими преступлениях, постепенно перерастало не в усиление аутоагрессии и суицидальных тенденций в поведении, а в повышение уровня вины как моральной нормы (в таком случае в процессе достижения цели профилактики самоубийств может решаться задача перевоспитания преступников) [9].

Эффективной психологической профилактикой суицида в УИС, с нашей точки зрения, может стать та, которая основана на теории самоактуализации. У человека, совершившего преступление и получившего статус подозреваемого, обвиняемого или осужденного, ближайшая перспектива весьма предсказуема: криминализация, суицид или самоактуализация [7]. Последний вариант притягательнее двух предыдущих, однако у большинства лиц, впервые имеющих дело с правосудием, нет опыта его реализации (если человек совершил второе преступление, отбыв наказание за первое, или во время отбывания наказания по первой судимости, то, вероятнее всего, он придерживается стратегии криминальной самоактуализации) [4]. Без профессиональной психологической (возможно, педагогической, социальной) помощи им такой выбор, как подлинная, а не криминальная самоактуализация, не реализовать. На начальном этапе подлинная самоактуализация дается гораздо труднее, чем криминализация или даже суицид. В то же время без подлинной самоактуализации невозможна постепенная ресоциализация. Именно она запускает процесс социальной адаптации и обеспечивает социальную реабилитацию личности с клеймом судимости.

Судя по нашим данным [8] и выражая их понятиями Э. Шострома, предложившего методику диагностики самоактуализации (тест «САТ»)⁶, среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных встречаются: 1) псевдосамоактуализирующиеся лица (сознательно или бессознательно идущие по пути криминальной самоактуализации) [4]; 2) психически здоровые лица, которым в период до получения статуса обвиняемых самоактуализация субъективно была не нужна (доставало самореализации), а в новом статусе они оказались достаточно адаптивными; 3) лица с психическими расстройствами (страдающие депрессией, неврозами, различными аддикциями и т. п.); 4) самоактуализирующиеся индивиды, для которых характерны два основных признака, – *хорошая ориентация во времени жизни* (осознают единство прошлого, настоящего и будущего; несут меньший груз обиды, вины, сожаления, идущими из прошлого; их надежды реалистично связаны с поставленными в настоящее время целями, а вера в будущее опирается на выполнимые планы) и *самоподдержка*, то есть они умеют находить опору в самих себе (осознают, что из чего выбирают, и не поддаются групповому давлению; соизмеряют ориентацию на себя с ориентацией на других; принимая решения, опираются на свои чувства и мысли; критически оценивают воздействие внешних факторов; руководствуются собственными жизненными принципами; имеют творческий подход к решению житейских проблем).

Самоактуализация показана тем, кто «сбился с дороги», «промахнулся мимо своего предназначения», «остановился на развилке дорог и не знает, какую из них предпочесть». Она не важна для тех, у кого все идет своим чередом, кто самореализуется в семье, работе, общении, в хобби и при этом чувствует себя идущим в ногу

⁶ Уровень самоактуализации личности. (Тест САТ, Опросник САМОАЛ). URL: <https://psycabi.net/testy/226-uroven-samoaktualizatsii-lichnosti-test-sat-voprosnik-samoal><https://psycabi.net/testy/226-uroven-samoaktualizatsii-lichnosti-test-sat-voprosnik-samoal> (дата обращения 15.07.2023).

со временем. Факт привлечения к уголовной ответственности является сигналом человеку о том, что в его жизни что-то пошло не так. И чтобы исправить положение, ему придется начать сначала – с того места и того момента, где и когда случился срыв в его социализации.

Самоактуализация показана сотрудникам УИС, которые чувствуют себя вынужденными жить, работать, обеспечивать семью и т. п.; кто погряз в долгах и кредитах, недоволен своей карьерой и не видит в этой системе перспектив для своего профессионально-личностного роста, завидует сослуживцам, каждое утро заставляет себя идти на нелюбимую работу и вынужден целый день ее выполнять, а также тем, кого не поддерживает ни его семья, ни его друзья (или их вовсе нет), ни рабочий коллектив, и он чувствует себя лишним.

Методы самоактуализации разнообразны. Однако они, как и сама теория, еще не нашли широкого применения в деятельности пенитенциарных психологов. Также существует дефицит эмпирических исследований, выполненных на основе концепций самоактуализации.

В целом анализ теоретического и практического аспектов проблемы психического здоровья и профилактики суицидов в УИС позволяют сделать следующие выводы:

1. К настоящему времени в психологическом направлении объяснения суицида получили признание, и сосуществуют несколько дополняющих друг друга подходов и принципов их практической реализации, в совокупности составляющих теоретико-методологическую основу организации психологической работы в УИС, нацеленной на профилактику этого явления среди подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО, осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и сотрудников. Это: *общепсихологический подход* (от представлений З. Фрейда о «танатосе» до современных

научных теорий дезадаптации, жизнестойкости и др.); *социально-психологический подход*, объясняющий самоубийство характером взаимодействия и общения в малой группе, где у индивида возник конфликт со значимой для него стороной действительности. Если изменить их характер, то изменится и характер поведения индивида, у которого ослабнет или вовсе исчезнет причина, толкающая его к реализации суицидального намерения; *ситуационный подход*, в русле которого разработано понятие: «личность-В-ситуации», которое показывает, что в трудной жизненной ситуации есть две стороны – личность и ситуация; и важно понять, каков характер их взаимодействия, какая сторона «берет верх» и в силу каких причин у нее это получается; *экзистенциально-гуманистический подход* и методы, которые предлагают его разработчики с целью побуждения индивида к *самоактуализации* – осмыслению собственной жизни и ее стратегии, осознанию своих ценностей и целей, что может привести его к принятию ответственности за свои решения и свое поведение, а также к коренному преобразованию жизненного сценария; *принцип развития*, ориентирующий психологов на изучение динамики аутодеструктивного поведения конкретной личности с признаками суицидального риска (Когда и в связи с чем это началось? Были ли улучшения или ухудшения? Как это есть сейчас?); *принцип детерминизма*, нацеливающий на поиск индивидуально-личностных и социально-психологических причин отказа от жизни, а также на установление причинно-следственных связей; *теория и методы когнитивно-поведенческой психотерапии* (А. Бек, Г. Браун и др.);

2. Научно доказано, что между психическим здоровьем людей и суицидом существует весьма тесная связь. Однако суицид далеко не всегда совершают лица с психическими расстройствами (имеют психопатии, находятся в состоянии пси-

хожа или невроза). В то же время среди самоубийц часто выявляются лица с косвенными признаками суицидального риска. Более 50 % попыток совершения суицидов лицами, отбывающими наказание в местах лишения свободы, имеют манипулятивный подтекст, и они тоже далеко не всегда обусловлены психическими расстройствами тех, кто их предпринимал. Отсюда возникает вывод о важности диагностического компонента в структуре психологической профилактики суицидов в УИС – будь-то заключенные под стражу в СИЗО, отбывающие наказания в местах лишения свободы или сотрудники. Причем в диагностический инструментарий, помимо признанных

методик выявления риска суицида, целесообразно включать графические тесты, поскольку они информативны и их выполнение не требует больших временных затрат [11].

3. В целях повышения эффективности психологической профилактики суицида в УИС возможно, используя теорию самоактуализации, провести исследование особенностей самоактуализации у лиц, содержащихся в СИЗО и местах лишения свободы, и на основе полученных результатов осуществить методическое обеспечение превентивно-профилактической деятельности пенитенциарных психологов.

Литература

1. Булатецкий С. В. Основные детерминанты суицидального поведения // Международный пенитенциарный журнал. 2016. №3(7). С. 6–10.
2. Гурвич И. Н. Социальная психология здоровья: авторефер. дис. ... д-ра психол. наук. Санкт-Петербург, 1998.
3. Емалетдинов Б. М. Психические расстройства ли психические нарушения? // Вестник Башкирского ун-та. 2020. Т. 25. № 3. С. 681–687.
4. Жмуров Д. В., Завьялов А. Г. Криминальная самоактуализация // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3. С. 66–71.
5. Кулакова С. В., Цветкова Н. А. Суицидальное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы как актуальная проблема // Суицидология. 2017. № 4(29). С. 91–98.
6. Курбатова Г. В., Кутякин С. А., Егорова Т. И. Основные детерминанты и профилактика суицидальных проявлений среди лиц, находящихся в местах лишения свободы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4(50). С. 58–64.
7. Кротова Д. Н., Мамченко А. М. Экзистенциальная дилемма рефлексизирующего делинквента: самоактуализация или суицид? // Проблемы детерминации и предупреждения преступности: сб. науч. ст. / под ред. А. И. Долговой. Москва: РКА, 2017. С. 517–522.
8. Кротова Д. Н., Цветкова Н. А. Исследование самоактуализации мужчин, впервые оказавшихся под стражей в следственном изоляторе, в связи с другими характеристиками их личности // Пенитенциарная наука. № 12. 2022. Т. 16. № 4(60). С. 425–433.
9. Кротова Д. Н., Цветкова Н. А. Рефлексивность и вина у мужчин в период до и после кризиса среднего возраста, содержащихся в следственном изоляторе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 1(248). С. 55–65.
10. Лукас К., Сейген Г. М. Молчаливое горе: жизнь в тени самоубийства / пер. с англ. Москва: Смысл, 2000.
11. Мамченко А. М., Цветкова Н. А. Социально-психологическая профилактика суицидов в СИЗО среди подследственных с низким уровнем жизнестойкости: научно-методическое пособие. Москва: Русайнс, 2018.

12. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999.
13. Цветкова Н. А., Колесникова Н. Е. Интервенция, поственция и превенция суицидальных состояний у взрослых: Методическое пособие для психологов силовых структур. Псков: ПЮИ ФСИН России, 2011.
14. Чернышкова М. П., Цветкова Н. А., Лобачева Л. П., Дебольский М. Г., Дикопольцев Д. Е. Суициды среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных: аналитический обзор // Суицидология. 2017. № 3(28). С. 62–70.
15. Frederick C. J. Suicide, Homicide and Alcoholism Among American Indians: Guidelines for Help. 1973. Rockville, Maryland: National Institute for Mental Health.
16. Schneidman E. The suicidal mind. Oxford: OUP USA 1991.
17. Wenzel A., Brown G. K., Beck A.T. Cognitive therapy for suicidal patients: Scientific and clinical applications // Washington: American Psychological Association, 2009.

References

1. Bulateckij S. V. Osnovnye determinanty suicidal'nogo povedeniya // Mezhdunarodnyj penitenciarnyj zhurnal. 2016. №3(7). S. 6–10.
2. Gurvich I. N. Social'naya psihologiya zdorov'ya: avtorefer.dis. ... d-ra psihol. nauk. Sankt-Peterburg, 1998.
3. Emaletdinov B. M. Psihicheskie rasstrojstva li psihicheskie narusheniya? // Vestnik Bashkirskogo un-ta. 2020. T. 25. № 3. S. 681–687.
4. Zhmurov D. V., Zav'yalov A. G. Kriminal'naya samoaktualizaciya // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2013. № 3. S. 66–71.
5. Kulakova S. V., Cvetkova N. A. Suicidal'noe povedenie sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy kak aktual'naya problema // Suicidologiya. 2017. № 4(29). S. 91–98.
6. Kurbatova G. V., Kutyakin S. A., Egorova T. I. Osnovnye determinanty i profilaktika suicidal'nyh proyavlenij sredi lic, nahodyashchihsya v mestah lisheniya svobody // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2019. № 4(50). S. 58–64.
7. Krotova D. N., Mamchenko A. M. Ekzistencial'naya dilemma refleksiruyushchego delinkventa: samoaktualizaciya ili suicid? // Problemy determinacii i preduprezhdeniya prestupnosti: sb. nauch. st. / pod red. A. I. Dolgovoj. Moskva: RKA, 2017. S. 517–522.
8. Krotova D. N., Cvetkova N. A. Issledovanie samoaktualizacii muzhchin, v pervye okazavshihsya pod strazhej v sledstvennom izolyatore, v svyazi s drugimi karakteristikami ih lichnosti // Penitenciarnaya nauka. № 12. 2022. T. 16. № 4(60). S. 425–433.
9. Krotova D. N., Cvetkova N. A. Refleksivnost' i vina u muzhchin v period do i posle krizisa srednego vozrasta, sodержashchihsya v sledstvennom izolyatore // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2023. № 1(248). S. 55–65.
10. Lukas K., Sejgen G. M. Molchalivoe gore: zhizn' v teni samoubijstva / per. s angl. Moskva: Smysl, 2000.
11. Mamchenko A. M., Cvetkova N. A. Social'no-psihologicheskaya profilaktika suicidov v SIZO sredi podsledstvennyh s nizkim urovnem zhiznestojkosti: nauchno-metodicheskoe posobie. Moskva: Rusajns, 2018.
12. Ross L., Nisbett R. Chelovek i situaciya. Perspektivy social'noj psihologii / Per. s angl. M.: Aspekt Press, 1999.
13. Cvetkova N. A., Kolesnikova N. E. Intervenciya, postvenciya i prevenciya suicidal'nyh sostoyanij u vzroslyh: Metodicheskoe posobie dlya psihologov silovyh struktur. Pskov: PYUI FSIN Rossii, 2011.

14. *Chernyshkova M. P., Cvetkova N. A., Lobacheva L. P., Debol'skij M. G., Dikopol'cev D. E.* Suicidy среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных: аналитический обзор // *Suicidologiya*. 2017. № 3(28). S. 62–70.

15. *Frederick C. J.* Suicide, Homicide and Alcoholism Among American Indians: Guidelines for Help. 1973. Rockville, Maryland: National Institute for Mental Health.

16. *Schneidman E.* The suicidal mind. Oxford: OUP USA 1991.

17. *Wenzel A., Brown G. K., Beck A.T.* Cognitive therapy for suicidal patients: Scientific and clinical applications // Washington: American Psychological Association, 2009.

Сведения об авторе

Цветкова Надежда Александровна: ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва, Российская Федерация), главный научный сотрудник, доктор психологических наук, доцент. E-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

Information about the author

Tsvetkova Nadezhda Aleksandrovna: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor. E-mail: TsvetkovaNA@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ
Management

УДК 343.8;331.101.1

Р. М. Карабанов

**К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ БЕЗОПАСНОГО
И ЭФФЕКТИВНОГО ТРУДА ОПЕРАТОРОВ
ПОСТОВ ВИДЕОКОНТРОЛЯ УЧРЕЖДЕНИЙ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В статье проводится анализ нормативного правового регулирования условий службы сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, обеспечивающих охранные, надзорные и контрольные функции с использованием технических средств охранного телевидения. Определены основные нормы труда и организации рабочих мест операторов системы охранного телевидения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Актуализированы эргономические параметры рабочего места, обеспечивающие комфортные и безопасные условия труда. Обращается внимание на отдельные противоречия в ведомственных требованиях к площади помещения и рабочего места оператора системы охранного телевидения. Указывается на несовершенство нормативной базы в части определения показателей допустимой нагрузки на органы зрения операторов. Выводы по результатам исследования обобщены в виде предложений в части совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей условия несения службы операторами системы охранного телевидения, а также проведения ряда организационных мероприятий, направленных на снижение психофизиологической нагрузки на операторов и повышение эффективности надзора и охраны в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Результаты исследования могут быть использованы при организации деятельности сотрудников подразделений безопасности, осуществляющих надзор и охрану с использованием средств видеонаблюдения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, охранное телевидение, оператор, условия службы, эргономика, законодательство, нормы.

R. M. Karabanov

**ON THE ISSUE OF THE CONDITIONS FOR SAFE
AND EFFICIENT WORK OF OPERATORS OF VIDEO CONTROL
POSTS OF INSTITUTIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM**

The article analyzes the legal regulation of the conditions of service of employees of the penitentiary system, providing security, supervisory and control functions using the technical means of security television. The basic norms of labor and organization

© Карабанов Р.М., 2023

© Karabanov R.M., 2023

of workplaces for operators of the CCTV system are determined. The ergonomic parameters of the workplace have been updated to ensure comfortable and safe working conditions. Attention is drawn to individual contradictions in departmental requirements for the area of the premises and the operator's workplace. The imperfection of the regulatory framework in terms of determining the indicators of the permissible load on the organs of vision of operators is indicated. The conclusions based on the results of the study are summarized in the form of proposals in terms of improving the regulatory framework governing the conditions for serving by operators of the CCTV system, as well as a number of organizational measures aimed at reducing the psychophysiological burden on operators and increasing the efficiency of supervision and protection in institutions of the penal system. The results of the study can be used in organizing the activities of employees of security units carrying out supervision and protection using video surveillance means.

Keywords: penitentiary system, security television, operator, service conditions, ergonomics, legislation, norms.

Обеспечение безопасности в учреждениях пенитенциарной системы является одной из основных задач Федеральной службы исполнения наказаний. Основные мероприятия по поддержанию безопасности обеспечиваются непосредственно сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС).

В соответствии с положениями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, Правительством Российской Федерации обозначены новые направления развития УИС, которые ориентированы на ее совершенствование и развитие, включая «совершенствование служебной деятельности, предусматривающее условия несения службы (выполнение работы) и социальную защищенность сотрудников уголовно-исполнительной системы». Так в соответствии с Концепцией «в целях эффективного исполнения служебных (трудовых) обязанностей сотрудниками уголовно-исполнительной системы и с учетом специфики службы одним из приоритетных направлений является создание комфортных условий для несения службы (выполнения работы)».

Под условиями труда, в соответствии с положениями Трудового кодекса Российской Федерации, понимается

«совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника». Таким образом, к условиям несения службы сотрудника УИС можно отнести организацию рабочего места, содержание выполняемых действий в объеме функциональных обязанностей, а также режим их исполнения, которые в совокупности могут оказывать влияние на эффективность служебной деятельности и состояние здоровья. В период прохождения службы, в соответствии со статьей п. 1. ч.1 ст. 11 Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» каждый сотрудник УИС имеет право «на условия, необходимые для исполнения служебных обязанностей и профессионального развития», также в соответствии с положениями п. 18 ч. 1 ст. 11 данного федерального закона сотрудник имеет право «на охрану здоровья».

Условия несения службы рассмотрим на примере деятельности оператора поста видеоконтроля (далее – ПВК), как обобщенного должностного лица, к которому могут относиться опера-

торы системы охранного телевидения (далее – СОТ), центральных постов системы охранного телевидения (далее – ЦПСОТ), постов системы охранного телевидения у камер (далее – ПСОТ у камер), пультов управления технических средств надзора (далее – ПУТСН), центральных постов технического контроля и видеонаблюдения (далее – ЦПТКВ) в исправительных учреждениях (далее – ИУ), тюрьмах и следственных изоляторах (далее – СИЗО). Под ИУ в исследовании будем понимать исправительные и воспитательные колонии, колонии-поселения, лечебно-исправительные и лечебно-профилактические учреждения, единые помещения камерного типа. Тюрьмы будут отнесены в отдельную категорию исправительных учреждений.

Проведенный управлением режима и надзора ФСИН России анализ нагрузки на операторов ПВК в ИУ, тюрьмах и СИЗО по итогам 2020 года показал, что в УИС функционировало 206 ЦПСОТ, 676 ПВК, а также 282 ПСОТ у камер. Ежедневно для дежурства на ЦПСОТ, ПВК, СОТ у камер заступало 2184 оператора, в том числе 1 780 операторов ЦПСОТ и ПВК, а также 404 оператора ПСОТ у камер.

По состоянию на 01.07.2021 в ИУ (включая тюрьмы) и СИЗО в надзоре за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными использовалось 158 845 стационарных видеокамер¹. Анализ эффективности использования средств видеонаблюдения в надзоре свидетельствует, что при помощи технических средств видеофиксации зарегистрировано 1 125 942 нарушений правил внутреннего распорядка, допущенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, при этом операторами ПВК выявлено 800 076 или 71 % нарушений от их общего количества. В качестве доказательств правонарушений и преступлений, совершенных обвиняемыми и осу-

жденными, в судебные и правоохранительные органы направлено 454 видеозаписи².

Приведенные данные подтверждают важную роль в обеспечении безопасности и правопорядка в ИУ, тюрьмах и СИЗО всех категорий сотрудников, несущих службу на рабочих местах, на которые выведена информация от средств видеонаблюдения.

Вопросам организации служебной деятельности операторов ПВК и повышению ее эффективности посвящены работы ряда авторов [1-6]. Однако, по нашему мнению, в этих исследованиях недостаточно внимания уделяется условиям труда, неблагоприятно оказывающим существенное влияние на утомляемость, внимательность и безопасность труда оператора, и как следствие, – на эффективность охраны и надзора; не полностью раскрыты нормативные и правовые основания организации работы оператора, или отдельные излагаемые сведения утратили актуальность. В связи с этим, актуальными являются исследования в области обеспечения нормативных правовых и организационных условий деятельности сотрудников УИС, осуществляющих в процессе сменного дежурства видеонаблюдение за текущей обстановкой на объекте охраны.

Служебная деятельность операторов ПВК, регламентируется требованиями Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, ведомственных нормативных правовых актов и положениями трудового законодательства Российской Федерации. Обязанности операторов ПВК, требования к оборудованию в исправительных колониях помещений для несения службы ими определены в соответствующем приказе Минюста России о надзоре в учреждениях УИС. Эти должностные лица выполняют служебные обязанности в соответствии с графиком сменности по 12 часов.

¹ Об обеспечении подразделений безопасности (режима и надзора) техническими средствами надзора по итогам 1 полугодия 2021 года. Письмо ФСИН от 09.08.2021 № исх-03-53278.

² Там же.

В процессе несения службы на сотрудника влияют факторы внешней нагрузки, являющиеся причиной профессиональной утомляемости, и определяющиеся условиями труда, выполняемой работой, что приводит к усталости, «полностью обратимой с помощью отдыха»³.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 19.08.2018 № 197-ФЗ сотрудник имеет право «на отдых в соответствии с законодательством Российской Федерации», также, на основании статьи 108 Раздела V Трудового кодекса Российской Федерации, сотруднику «должен быть предоставлен перерыв для отдыха и питания продолжительностью не более двух часов и не менее 30 минут».

Положениями приказа ФСИН России от 26.09.2013 № 533 «Об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» регулируется продолжительность смены и еженедельного непрерывного отдыха сотрудников. В приказе установлено, что в течение смены сотруднику предоставляется перерыв для отдыха и питания продолжительностью не более двух часов и не менее 30 минут. Приказом Минюста России о надзоре в учреждениях УИС оператору ПВК также устанавливаются перерывы в работе продолжительностью от 30 минут до двух часов. Кроме того, ежечасно должны быть предусмотрены перерывы продолжительностью 5-10 минут с временной подменой оператора на его посту⁴.

Таким образом, законодательно и на ведомственном уровне закреплены гарантии на отдых и прием пищи сотрудникам, исполняющим обязанности операторов ПВК в период сменного дежурства. Следовательно, указанные гарантии долж-

ны быть учтены в правилах внутреннего распорядка и должностных инструкциях сотрудников рассматриваемых категорий, и неукоснительно выполняться в учреждениях.

Важным фактором, определяющим условия и эффективность труда оператора ПВК, являются помещение и техническое оснащение рабочего места. В этом смысле условия труда должны соответствовать принятым эргономическим нормам для рабочего места оператора, основной обязанностью которого является наблюдение за текущей обстановкой на объекте охраны и реагирование на ее критическое изменение.

Общие требования к организации рабочих мест регулируются Трудовым кодексом Российской Федерации, санитарно-эпидемиологическими правилами и нормативами (далее – СанПиН), а также другими правовыми документами. В статье 209 Трудового кодекса РФ приводится понятие рабочего места: «рабочее место – место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя». Одними из важных характеристик условий труда являются помещение, в котором сотрудник выполняет служебные обязанности, его площадь и площадь, выделенная под рабочее место.

Операторы ПВК несут службу, как правило, на автоматизированных рабочих местах (далее – АРМ). В соответствии с приказом Минюста РФ от 04.09.2006 № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы» (в редакции 2023 года) условия труда операторов ПВК (организация рабочих мест, а также режим рабочего времени

³ ГОСТ Р 56274-2014. Национальный стандарт Российской Федерации. Общие показатели и требования в эргономике.

⁴ Письмо ФСИН России от 29.04.2021 № исх-03-28617.

операторов АРМ) должны соответствовать санитарным правилам и нормативам СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03, в которых установлены требования к помещениям, предназначенным для эксплуатации всех типов персональных электронно-вычислительных машин (далее – ПЭВМ), а также к организации рабочих мест с ПЭВМ. Однако с 01.01.2021 СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 отменен, заменен на СП 2.4.3648-20, но как по содержанию, так и по названию заменяющий документ нельзя отнести к руководящим документам, определяющим условия труда операторов ПВК. Тем не менее, минимальная площадь рабочего места пользователей персональных компьютеров на базе плоских дискретных экранов установлена в п. 249 СП 2.2.3670-20, и составляет 4,5 кв.м.

В действующих ИУ, тюрьмах и СИЗО оператору ПВК, согласно Наставлению по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы, выделяется рабочее место площадью не менее 12 кв.м. Следует ли из этих данных, что 12 кв.м. выделяется именно на рабочее место, а не на помещение для размещения рабочего места – непонятно, так как в нормативных документах, введенных в действие позднее, такие же и близкие по значению цифры приводятся именно для площади помещения оператора. Так для вновь строящихся и подлежащих реконструкции ИУ и тюрем УИС помещение оператора ПВК предусмотрено площадью не менее 10 кв.м.⁵, в то же время, для СИЗО площадь аналогичного помещения должна быть не менее 12 кв.м.⁶, но нормы площади рабочего места различаются по категориям должностных лиц и

местам несения службы. В ИУ, тюрьмах и СИЗО площадь 8 кв.м. выделяется на рабочее место оператора ПВК, осуществляющего видеонаблюдение в режимных зданиях, помещениях и блоках помещений, секторах. В то же время, на рабочее место оператора ЦПТКВ в СИЗО предусмотрено выделение площади 6 кв.м., а для ИУ и тюрем Сводом правил эти данные не предусмотрены, хотя, для вновь строящихся и подлежащих реконструкции ИУ, тюрем и СИЗО предусмотрена общая площадь помещений ЦПТКВ – не менее 40 кв.м., а для ситуационного центра – от 20 до 28 кв.м., в зависимости от наполнения учреждения спецконтингентом.

Таким образом, при практически одинаковых условиях ведения наблюдения за объектом, в нормативных документах, устанавливающих требования к площади помещений и рабочих мест операторов ПВК приведены различные нормативы. Хотя эти нормы не нарушают допустимые показатели, установленные в СП 2.2.3670-20, следует учитывать, что в действующих санитарных правилах и нормативах приведены требования к рабочим местам пользователей персональных компьютеров, но не операторов, осуществляющих постоянное наблюдение за видеоизображениями, отображаемыми на нескольких мониторах, размещенных, кроме того, не только на рабочем столе, но и на удаленных видеопанелях.

В соответствии с должностной инструкцией служебная деятельность оператора ПВК осуществляется путем наблюдения за обстановкой на территории учреждения УИС на мониторах, отображающих текущую информацию с камер видеонаблюдения. Мониторы являются электронными устройствами, излучаю-

⁵ Свод правил СП 308.1325800.2017. Исправительные учреждения и центры уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования (в двух частях); Свод правил СП 509.1325800.2021 Тюрьмы. Правила проектирования».

⁶ Свод правил СП 247.1325800.2016 Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы. Правила проектирования.

щими тепло, изображения от видеокамер, выводимые на экраны мониторов формируют изображение различной цветовой гаммы, контрастности и четкости, динамически меняющееся с течением времени. Деятельность оператора сопровождается восприятием зрительных сигналов, требует концентрации и переключения внимания, выявления незначительного изменения в текущей информации, быстрого реагирования на ситуацию. Все эти факторы формируют негативную психофизиологическую нагрузку на оператора.

Технические параметры мониторов обеспечиваются требованиями к объекту закупки при заключении государственного контракта на поставку новых мониторов для оборудования рабочих мест, часть параметров мониторов, находящихся в эксплуатации могут быть настроены органами регулировки для комфортного восприятия видеоинформации. В то же время, отдельные вопросы обеспечения эффективной, безопасной и комфортной работы операторов ПВК требуют от администрации учреждений УИС принятия решений организационного характера и контроля их выполнения.

Введенные Приказом Минтруда России от 29.10.2021 №774н «Об утверждении общих требований к организации безопасного рабочего места» общие требования к организации безопасного рабочего места определяют необходимость обеспечения сохранения жизни и здоровья работников при применении рабочего места, его оборудования и оснащения. При организации рабочих мест администрацией учреждения УИС должны быть минимизированы риски причинения вреда здоровью сотрудников. В связи с тем, что основную нагрузку при работе оператора ПВК воспринимают ор-

ганы зрения, имеет значение количество мониторов и выведенных на них изображений с камер видеонаблюдения, закрепленных за одним оператором.

В соответствии с требованиями к системе охранного телевидения для всех АРМ максимальное количество видеокамер, отображаемых на мониторах с диагональю 19-21 дюйм – 9, а на мониторах с диагональю более 21 дюйма – 16⁷. В то же время, существуют рекомендации для отображения изображений с 16 видеокамер: использовать видеомонитор размером не менее 27 дюймов с разрешением не менее 2560×1440 пикселей⁸.

По статистическим данным в среднем на одного оператора ЦПСОТ и ПВК приходится 9 мониторов. При этом фактическая средняя нагрузка на одного оператора, заступающего на ЦПСОТ и ПВК в день, составляет 125 видеоизображений, а на одного оператора, заступающего в ночь, – 132 видеоизображения. На одного оператора ПСОТ у камер в среднем приходится 5 мониторов, а средняя нагрузка на него составляет 71 видеоизображение. В соответствии с ведомственными рекомендациями, нагрузка на одного оператора системы охранного телевидения не должна превышать 65 видеоизображений. В то же время, в Сводах правил проектирования ИУ, СИЗО и тюрем предусмотрено обслуживание с одного АРМ оператора СОТ ориентировочно 30 видеокамер. Вместе с тем, в ряде учреждений УИС нагрузка на операторов ЦПСОТ и ПВК превышает фактическую среднюю в 3,3-6,25 раза, а на операторов ПСОТ у камер – в 1,4-2,47 раза⁹.

Следует отметить, что в настоящее время законодательно в нормативных документах по охране труда и государствен-

⁷ См. Наставлению по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы.

⁸ ГОСТ Р 51558-2014 Средства и системы охранные телевизионные. Классификация. Общие технические требования. Методы испытаний.

⁹ Письмо ФСИН от 07.10.2020 № исх-03-61558.

ных стандартах не установлено предельное количество мониторов, обслуживаемых оператором видеонаблюдения на рабочем месте, а в ведомственных документах эти значения разнятся. Также, требования к количеству изображений от видеокамер, выводимых на мониторы системы охранного телевидения, в нормативных документах носят рекомендательный характер. Соответственно, однозначно не установлены нормы допустимой нагрузки на органы зрения оператора, что может приводить к повышению утомляемости, снижению концентрации внимания и бдительности, и в целом негативно сказываться на его здоровье.

Функциональные обязанности операторов ПВК предусматривают не только видеонаблюдение, но и контроль состояния средств охранно-тревожной и пожарной сигнализации, контроля и управления доступом, использование средств оперативно-диспетчерской связи и оповещения, обеспечение заданного режима технических средств надзора.

Наблюдение за территорией, зданиями и помещениями учреждения операторы ПВК осуществляют с использованием соответствующего оборудования, обеспечивающего¹⁰:

- одновременный вывод информации от одной или нескольких видеокамер на соответствующие мониторы АРМ с возможностью масштабирования выбранного окна;
- вывод избирательно, на отдельный монитор требуемых видеокамер;
- видеонаблюдение за участками по периметру и за внутренними зонами (территорией), зданиями и помещениями с возможностью автоматического перевода видеоизображения, полученного от видеокамер участка, на котором произошло срабатывание системы охранно-тревожной сигнализации, на «тревожный» монитор;

- управление купольными поворотными видеокамерами;

- дистанционный контроль несения службы сотрудниками караула и дежурной смены.

Таким образом, обобщенное рабочее место оператора ПВК предусматривает использование следующих технических средств, как в составе АРМ, так и дополнительно:

- ПЭВМ;
- видеоконтрольные устройства (мониторы, видеопанели) вывода изображения видеокамер и мнемонических схем учреждения, зданий и помещений;
- программные (аппаратные) средства управления купольной видеокамерой;
- средства оперативной и громкой-говорящей связи;
- средства тревожной сигнализации;
- устройства сбора, обработки и документирования информации от систем охранно-тревожной и пожарной сигнализации, системы контроля и управления доступом;
- пульт открытия электромеханических замков;
- печатающее устройство для распечатки видеоинформации на бумажном носителе (принтер).

Исходя из содержания функциональных обязанностей, а также используемых на рабочем месте технических средств, оператору за смену приходится совершать множество движений руками, корпусом, головой, поэтому эргономически правильно организованное рабочее место должно способствовать снижению нагрузки на оператора. При этом на АРМ должны быть рационально размещены технические средства, к ним должен быть обеспечен удобный доступ, реализованы оптимальный обзор средств отображения информации, условия для комфортной позы, удобство работы с документацией.

¹⁰ См. Наставление по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы.

Основными элементами рабочего места оператора являются: рабочий стол, рабочий стул (кресло), дисплей, клавиатура¹¹. С 01.03.2022 Приказом Минтруда России от 29.10.2021 № 774н введены в действие общие требования к организации безопасного рабочего места. В Приказе отмечается, что «удобство рабочей позы работника в положении «сидя» достигается регулированием взаимного положения места для сидения и рабочей поверхности, в том числе ее высоты и размеров, а также высоты и угла наклона подставки для ног при ее применении». Реализация этих указаний будет способствовать уменьшению профессиональной утомляемости оператора.

Рабочая мебель оператора ПВК должна удовлетворять требованиям для рабочего места с дисплеем, приведенным в ГОСТ Р 50923-96, и соответствовать антропологическим данным человека (мужчины или женщины, в зависимости от пола оператора). Рабочий стул (кресло) должен быть с подлокотниками, подвижным, подъемно-поворотным и регулируемым по высоте поверхности сидения в пределах 400-550 мм и углам наклона спинки в пределах $\pm 30^\circ$. Подлокотники должны быть длиной не менее 250 мм, шириной 50-70 мм. Модульные размеры рабочей поверхности стола должны составлять по ширине 1200-1600 мм, а по глубине – 800-1000 мм. Высота рабочей поверхности стола должна составлять 700-725 мм. Рабочий стол должен иметь пространство для ног высотой не менее 600 мм, шириной – не менее 500 мм, глубиной на уровне колен – не менее 450 мм, на уровне вытянутых ног – не менее 650 мм. Большинство этих

эргономических требований к мебели рабочего места оператора закреплены также и на ведомственном уровне¹².

Комфортные условия несения службы в помещении оператора ПВК также должны обеспечиваться естественным и искусственным освещением, системой кондиционирования воздуха¹³. Стол оператора целесообразно располагать так, чтобы оконные проемы находились слева, кроме того, согласно п. 251 СП 2.2.3670-20, компьютеры размещают таким образом, чтобы показатели освещенности и микроклимата не превышали установленных гигиенических нормативов, приведенных в СанПиН 1.2.3685-21.

Важным фактором зрительной нагрузки на оператора ПВК и эффективности восприятия видеоинформации является расстояние до мониторов и размещение их на рабочем месте. При этом следует учитывать места размещения мониторов – на рабочем столе оператора или за его пределами. При размещении мониторов на рабочем столе оптимальное расстояние для офисных работ с ПЭВМ составляет 600 мм, при обязательном соблюдении требования – не менее 500 мм¹⁴. Считая, что анализируемая оператором информация, выведенная на мониторы, размещенные за пределами стола, по характеру ближе к телевизионному изображению, чем к знаковой информации офисного работника, за минимальное расстояние наблюдения, по мнению автора, можно принять четырехкратную длину диагонали экрана монитора, что при диагонали 21 дюйм составит 193 см. Принятый оптимальный угол обзора оператором основной зоны средств отображения информации в вер-

¹¹ ГОСТ Р 50923-96. Государственный Стандарт Российской Федерации. Дисплей. Рабочее место оператора.

¹² См. Письмо ФСИН от 29.04.2021 № исх-03-28617.

¹³ См. Наставлению по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы.

¹⁴ ГОСТ Р ИСО 9241-5-2009. Национальный стандарт Российской Федерации. Эргономические требования к проведению офисных работ с использованием видеодисплейных терминалов (VDT). Часть 5. Требования к расположению рабочей станции и осанке оператора. Москва: Стандартинформ, 2010.

тикальной плоскости составляет ± 40 град. относительно нормальной линии взгляда и ± 35 град. в горизонтальной плоскости¹⁵. С учетом размещения средств отображения информации и в периферийных областях, все мониторы должны находиться в пределах поля зрения оператора при возможных углах поворота головы и корпуса на рабочем месте, а линия взгляда в центр каждого монитора должна быть ортогональна плоскости экрана. Такие требования предполагают монтаж периферийных мониторов по дуге, как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости.

Таким образом, в целом нормативными документами на государственном и ведомственном уровне установлены нормы безопасных для здоровья и жизни условий труда для категорий работников, осуществляющих анализ видеoinформации на мониторах персональных компьютеров или АРМ. Тем не менее, следует отметить, что при установленных эргономических и санитарных нормах к организации рабочего места оператора ПВК, на практике в учреждениях УИС наблюдается несоблюдение ряда предъявляемых требований. Зачастую это вызвано трудностями выделения для операторов ПВК требуемых по площади помещений в учреждениях старой постройки, проблемными вопросами организационного, кадрового, финансового, а также материально-технического характера.

В качестве выводов, на основе вышеизложенного, возможно сформулировать ряд предложений.

При реализации Концепции развития УИС на период до 2030 года с целью создания комфортных условий для несения службы сотрудниками, требуется предусмотреть мероприятия по анализу существующих условий труда всех рабочих мест сотрудников УИС, а также приве-

дению их в соответствие с современными требованиями трудового законодательства, санитарных правил и нормативов, а также актуальных ведомственных нормативных документов.

В связи с развитием технических систем безопасности объектов и повышением роли средств видеонаблюдения в контроле за обстановкой целесообразно выделить операторов ПВК в отдельную категорию работников со специфическими условиями труда и законодательно установить для них нормативы и требования к обеспечению безопасного и комфортного труда.

В части совершенствования нормативной правовой базы, регламентирующей условия несения службы операторов ПВК, предлагается:

- упорядочить требования к нормам площади помещения и рабочего места с учетом размещения средств отображения информации как на рабочем столе, так и за его пределами;

- определить научно обоснованные предельно допустимые нормы количества мониторов, закрепленных за одним оператором, а также изображений от видеокамер с учетом характера и объема выполняемых оператором задач, исключив понятия ориентировочного или рекомендуемого количества.

При обеспечении условий труда операторов ПВК необходимо особое внимание уделить эргономическим и санитарным требованиям, обеспечивающим рациональное размещение предусмотренных на АРМ технических средств, оптимальный обзор средств отображения информации, комфортность рабочей позы, удобство документирования информации, а также защиту оператора от отрицательного воздействия внешней среды. Это позволит снизить психофизиологическую нагрузку на оператора и, как следствие, – професси-

¹⁵ ГОСТ Р ИСО 11064-4-2015. Национальный стандарт Российской Федерации. Эргономическое проектирование центров управления. Часть 4. Расположение и размеры рабочих мест. Москва: Стандартинформ, 2016.

ональную утомляемость.

В действующих учреждениях при выявлении несоответствий норм размещения и оборудования мест несения службы операторов ПВК установленным требованиям целесообразно предусмотреть:

- выделение дополнительных помещений и площадей для организации рабочих мест;
- выделение дополнительных штатных единиц операторов ПВК с целью оптимизации их нагрузки и обеспечения эффективного надзора и охраны на объекте;
- оптимизацию размещения средств отображения информации на рабочих местах для повышения эффективности оценки текущей обстановки и оперативного принятия решения;
- оснащение необходимой мебелью, удовлетворяющей требованиям действующих нормативных документов, для обеспечения комфортных условий несения службы операторов и снижения утомляемости.

Для оборудования в учреждениях УИС рабочих мест операторов ПВК целесообразно привлекать подрядные организации на контрактной основе с формированием технического задания, отвечающего всем установленным требованиям безопасного труда и эргономики.

По нашему мнению, при выработке ведомственных норм оборудования рабочих мест операторов ПВК целесообразно использовать требования серии стандартов «Эргономическое проектирование центров управления».

С целью повышения эффективности надзора и контроля в системе охранного телевидения ИУ и СИЗО необходимо широко использовать технологии видеоаналитики и искусственного интеллекта, способствующие снижению негативного влияния человеческого фактора и обеспечивающие поддержку принятия решений сотрудниками подразделений безопасности.

Литература

1. *Дашкин В. С.* Способы повышения эффективности видеонаблюдения и работа операторов поста в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Аграрное и земельное право. 2020. № 4(184). С. 112–115.
2. *Кутуков С. А., Смирнов С. Н.* Использование систем видеонаблюдения оперативными аппаратами исправительных учреждений для предупреждения и раскрытия преступлений: вопросы теории и практики // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25, № 2. С. 262–267.
3. *Прокудин В. В.* Организация видеонаблюдения в местах принудительного содержания // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2(18). С. 76–81.
4. *Рябых С. Б., Цветков В. В., Лещенко С. А.* Актуальные вопросы применения технических средств надзора и контроля в исправительных учреждениях и следственных изоляторах ФСИН России // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 2. С. 227–232.
5. *Соколова А. В.* Особенности организации рабочего места оператора видеонаблюдения в учреждениях УИС // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2019. № 1(19). С. 55–58.
6. *Шлепанов Д. В.* Некоторые особенности организации деятельности операторов постов видеоконтроля и систем охранного телевидения. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/1279?mode=full (дата обращения 10.08.2023).

References

1. *Dashkin V. S.* Sposoby povysheniya effektivnosti videonablyudeniya i rabota operatorov posta v uchrezhdeniyah ugovovno-ispolnitel'noj sistemy // *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. 2020. № 4(184). S. 112–115.
2. *Kutukov S. A., Smirnov S. N.* Ispol'zovanie sistem videonablyudeniya operativnymi apparatami ispravitel'nyh uchrezhdenij dlya preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij: voprosy teorii i praktiki // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 2017. T. 25, № 2. S. 262–267.
3. *Prokudin V. V.* Organizaciya videonablyudeniya v mestah prinuditel'nogo soderzhaniya // *Ugovovno-ispolnitel'noe pravo*. 2014. № 2(18). S. 76–81.
4. *Ryabyh S. B., Cvetkov V. V., Leshchenko S. A.* Aktual'nye voprosy primeneniya tekhnicheskikh sredstv nadzora i kontrolya v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah i sledstvennyh izolyatorah FSIN Rossii // *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*. 2022. № 2. S. 227–232.
5. *Sokolova A. V.* Osobennosti organizacii rabochego mesta operatora videonablyudeniya v uchrezhdeniyah UIS // *Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika*. 2019. № 1(19). S. 55–58.
6. *Shlepanov D. V.* Nekotorye osobennosti organizacii deyatel'nosti operatorov postov videokontrolya i sistem ohrannogo televideniya. URL: https://elib.institutemvd.by/jspui/handle/MVD_NAM/1279?mode=full (data obrashcheniya 10.08.2023).

Сведения об авторе

Карабанов Ростислав Михайлович: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Владимир, Российская Федерация), профессор кафедры специальной техники и информационных технологий, кандидат технических наук, профессор. E-mail: krm730@mail.ru

Information about the author

Karabanov Rostislav Mikhailovich: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vladimir, Russia), professor of Special Equipment and Information Technologies Department, candidate of technology, full professor. E-mail: krm730@mail.ru

Авторам

Периодичность выхода сетевого издания «Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России» - четыре раза в год.

Члены редакционной коллегии являются ведущими специалистами в области юриспруденции, педагогики и других отраслей науки.

Рубрики журнала:

- право;
- управление;
- психология;
- педагогика.

Требования к оформлению статей:

- формат документа - А4;
- объем - от 10 до 15 страниц;
- формат файла - .doc (.docx);
- шрифт - Times New Roman, 14 кегль;
- межстрочный интервал - одинарный;
- выравнивание основного текста статьи - по ширине страницы;
- поля: верхнее, нижнее - 2 см, правое, левое - 2,5 см;
- абзацный отступ - 1,25 см, абзацный отступ заголовков - 0;
- оформление сносок - внутритекстовое (в квадратных скобках).

Текст статьи должен быть набран без форматирования и нумерации страниц.

Автор должен в начале статьи указать индекс Универсальной десятичной классификации (УДК), соответствующий тематике и научно-отраслевой принадлежности статьи.

Заголовок статьи должен быть представлен на русском и английском языках. Заголовок не должен иметь слишком большого объема (1–3 строки) и должен максимально четко отражать содержание статьи.

Статья должна быть снабжена аннотацией (рефератом) на русском и английском языках. Аннотация (реферат) к статье

должна быть: информативной; оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (объем аннотации - от 120 до 250 слов). Аннотация (реферат) должна кратко отражать следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель; методологию; результаты; область применения результатов; выводы. При составлении аннотации (реферата) рекомендуется следовать положениям ГОСТ 7.9-95 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация».

Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5-7). Ключевые слова служат для автоматизированного поиска информации и должны отражать как общие, так и частные аспекты результатов представленного в статье исследования.

Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белом, возможно в цветном, исполнении.

Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

Таблицы и рисунки нумеруются, если их число более одного.

Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Список литературы должен быть представлен на русском и английском языках.

Список литературы на английском языке располагается после списка литерату-

ры на русском языке, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке (не в порядке упоминания источника в тексте) и предваряется словом «References». Описание источника на английском языке должно иметь следующую структуру:

фамилия, инициалы автора(ов) (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русско-язычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык], выходные данные с обозначениями на английском языке.

Нормативные документы (кроме узкоспециализированных, опубликованных в научных и учебных изданиях, хранящихся в архивах и др., недоступных через открытые интернет-ресурсы и специализированные правовые системы и базы данных) в список литературы не включаются, их описание дается непосредственно в тексте статьи, источник опубликования не указывается.

В тексте должны использоваться только сокращения, предусмотренные ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование общеупотребительных аббревиатур. В случае использования узкоспециализированной или авторской аббревиатуры при первом ее употреблении в тексте приводится расшифровка, например: уголовно-исполнительная система (далее - УИС), Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ).

Примечания и сноски оформляются непосредственно в тексте в круглых скобках курсивом.

На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах на русском и английском языках: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества

авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

Материалы направляются ответственному секретарю редколлегии по электронной почте с пометкой «Вестник» в виде прикрепленного файла (например: Иванов И.И.doc).

Автор, подавший статью для публикации в сетевом издании «Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России», тем самым выражает свое согласие на опубликование в журнале (в открытом свободном доступе на сайте <http://tifsin.ru/>) его фамилии, имени, отчества полностью, места работы и должности, сведений об ученой степени (ученом звании), адреса электронной почты, иных личных данных, которые автор считает необходимым указать. Автор несет ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат. Авторское вознаграждение не выплачивается. Все статьи проходят процедуру рецензирования. По решению редколлегии материалы могут быть отклонены; рецензия высылается по запросу автора.

Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Материалы, не соответствующие установленным требованиям, к публикации не принимаются.

TO AUTHORS OF ARTICLES

Periodicity of an output of the online edition «Bulletin of the Tomsk institute of advanced training of employees of the federal penal service of Russia» is four times a year. The members of the editorial board are leading experts in the spheres of law, pedagogics and other branches of science.

Headings of the online edition:

- theory and history of law and state; history of doctrines about the law and the state;
- civil law; enterprise right; family law;
- criminal law and criminology; penal law;
- criminal trial;
- international law; European law;
- judicial activity, public prosecutor's activity, human rights and law-enforcement activity;
- criminalistics; judicial and expert activity; operational search activity;
- reviews, responses;
- science events.

The requirements to registration of articles:

- size - A4;
- volume - from 5 to 20 pages;
- format - .doc (.docx);
- font - Times New Roman, the 14th size;
- line spacing - unary;
- alignment of the text on page width;
- fields: top, bottom - 2 cm; right, left - 2,5 cm;
- paragraph space - 1,25 cm.

Article has to be supplied with the UDC code and summary (abstract) in Russian and English. The summary (abstract) to article has to be informative; the original; substantial (to reflect the main contents of article and results of researches); structured (follow logic of the description of results in article);

compact (summary volume - from 120 to 250 words). The summary (abstract) has to reflect the following aspects of the contents of article briefly: subject, purpose; methodology; results; scope of results; conclusions. (By drawing up the summary (paper) the system of standards according to information, library and to publishing is recommended to follow provisions state standard specifications).

Article has to be supplied with keywords in Russian and English (the recommended quantity of keywords – 5-7). Keywords serve for the automated information search and have to reflect as the general, and private aspects of results of the research presented in article.

Drawings and signatures to them settle down directly in the text. Drawings have to have the .jpg format, allow movement in the text and possibility of reduction of the sizes, in black-and-white execution. The objects created by means of Microsoft Office have to allow possibility of editing.

Tables and drawings are numbered, if their number is more than one.

References to the quoted literature are given in square curves.

The list of references has to be submitted in Russian and English.

The list of references in the Russian settles down after the text of article, is numbered (starting with the first number) in alphabetical order (not as a mention of a source in the text), is preceded by the word «Литература». At one number it is admissible to specify only one source.

The list of references in English settles down after the list of literature in Russian, is numbered (starting with the first number) in an alphabetic order (not as a mention of a source in the text) and is preceded by the word «References». The description of a source in English has to have the following structure: surname, initials authors (transliteration), the name of article in the transliterated option [the translation of the name of article into

English in square brackets], the name of a Russian-speaking source (transliteration) [the translation of the name of a source into English], the output data with designations in English.

Normative documents (except highly specialized, published in the scientific and educational publications which are stored in archives, etc. inaccessible through open Internet resources and specialized legal systems and the *bazy dannykh*) don't join in the list of literature, their description is given directly in the text of article, the source of publication isn't specified.

Use of common abbreviations is allowed. In case of use of a highly specialized or author's abbreviation at its first use interpretation, for example is given in the text: penal system (further - PS), the Criminal Code of the Russian Federation (further - CC of RF).

Notes and footnotes are made out directly in the text in parentheses in the italics.

Notes and footnotes are made out directly in the text in parentheses in the italics.

On the last page of article the published data on authors in the Russian and English languages are specified: the full name of establishment where research is executed; surnames, names and middle names of authors completely; academic degree, rank, position, place of work, number of contact phones, e-mail addresses of all authors.

Materials go to the responsible secretary of an editorial board by e-mail: gurnal-tomsk@gmail.ru with a mark «Bulletin» in the form of the attached file (for example: Ivanov I.I.doc).

The author who submitted the article for publication in the online publication «Bulletin of the Tomsk institute of advanced training of employees of the Federal Penal Service of Russia», thereby expresses the consent in an open free access on the <http://tifsin.ru/> websites its surname, a name, a middle name completely, places of work and a position, data on a scientific degree (academic status), e-mail addresses, other personal data which

the author considers necessary to specify. The author bears responsibility for reliability of used materials, accuracy of quotes. Award isn't paid. All articles undergo reviewing procedure. According to the solution of the editorial board materials can be rejected; the review is sent at the request of the author.

Edition reserves the right for modification and reductions. The materials which aren't conforming to established requirements, to the publication aren't accepted.

сетевое издание

ВЕСТНИК

Томского института повышения
квалификации работников
ФСИН России

научно-популярный журнал

№ 3 (17) / 2023
июль — сентябрь

Ответственный за выпуск: С.М. Савушкин
Технический редактор: А.А. Мамонтова

Дата опубликования: 30.09.2023.

ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России
634057, Томская обл., г. Томск, ул. Говорова, 10
e-mail: institut@70.fsin.gov.ru